

ВИКТОР РАССОХИН

Деятельное участие в издании книги оказал
Митрополит Алтайский и Барнаульский Сергей

МЕЧ ВОЗМЕЗДИЯ

Россия
Союз российских писателей
Медиахолдинг «Истоки»

Орел – 2016

В калейдоскопе избранных произведений Виктора Рассохина высвечиваются грани истории Второй Мировой и Великой Отечественной войн, анализируется гибельное противостояние Вооружённых Сил держав-участников Трагедии XX века. В России и за рубежом известны его ранее вышедшие книги, созданные с сыном Сергеем к 65-летию Победы "Сердце над облаками", "Победившие смерть", к 70-летию освобождения Орловщины от оккупантов "Штурмующий небо", "Мы Вас любим, фронтовики!", к 70-летию Великой Победы "Небопроходцы", "Штурмующий небо" /новая версия/, "Память крепче брони". В 2015 году творческий союз и издательство "Картуш" выпустили в свет тысячу экземпляров

/спецвыпусков/ журнала "Орловский Военный Вестник" – "СССР-Англия-США: содружество по оружию" и "Ради справедливости всюду" /"На земле, в небесах и на море"/.

В стихах и прозе автора, исследующего планетарный милитаризм, звучит набатом призыв к антивоенному строительству мира на всех параллелях и меридианах Земли. Настоящее издание благословлено Высшим духовенством Русской Православной Церкви, одобрено ветеранскими и военно-патриотическими организациями Москвы, Крыма, Орловщины, дополнено материалами, впервые публикуемыми к 450-летию города Первого Салюта и Воинской Славы – родного для писателя Орла.

***Председатель регионального Объединения работодателей
"Объединение промышленников и предпринимателей
Орловской области,
Почётный гражданин города Орла
АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ ГАПОНОВ***

ББК 63.3(2)622
Р 24

© Рассохин В.В., 2016
© Рассохин С.В., 2016

НАВСТРЕЧУ ВЕЧНОМУ ОГНЮ

Отметив 20-летие Великой Победы накануне 450-летия Орла и 73-летия освобождения Орловщины от захватчиков, мы всё чаще вспоминаем ключевые понятия – наследие предков, любовь к Отчизне, собираемся на митинги и шествия по знаменательным датам ее истории. Трудом и волей на земле славились наши деды и бабушки, родители, родня, святое поколение фронтовиков и трудящиеся тыла, воспитавшие в нас истинно-сердечное поклонение перед их жизнью, судьбой, верой, боевыми и трудовыми подвигами. Родина вложила в нас семена товарищества, правдолюбия и знаний. Она укрепила соотечественников фи-

зически для созидания, службы и борьбы, обучила профессиям и сформировала "библиотечку" памяти каждому...

В круговороте бытия, в эпоху рынка высшей обязанностью общества остаются сохранение и преумножение многогранного опыта крестьянства и рабочего класса, отстоявших Родину, спасших Европу и Азию от агрессоров более 70 лет назад.

Коллектив, возглавляемый мною десятилетиями, уверенно стремись к новым успешным показателям в сфере АПК и техническому совершенству, продолжит поисковую военно-патриотическую работу по восстановлению имен и боевых заслуг защитников Отечества. Это наш неоплатный долг, корень мудрости и ратной доблести народа, наша общая боль, гордость и мощь, необходимые при становлении мировоззрения будущих поколений.

***Генеральный директор ЗАО "Агрофирма Мценская",
Депутат Орловского областного Совета
народных депутатов
НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЖЕРНОВ***

ПОЭТ В РОССИИ – БОЛЬШЕ, ЧЕМ ПОЭТ!

Автографы читателям – святое дело писателя

Рассохин Виктор Васильевич родился 7 января 1939 года в городе Орле, в трудовой семье. Ребёнком пережив тяготы оккупации и эвакуации, вместе с сестрой Аллой рано лишился родителей, проживал и учился в Северо-Задонске Тульской области.

Увлёкшись поэзией и рисованием пейзажей, свои первые стихи написал ещё в школе, в старших классах. Отлично играл в футбол, участвуя в школьной команде на первенствах области.

В период Карибского кризиса служил в ракетных войсках (3,5 года) – в Капустинском Яре и на Дальнем Востоке. Дебютировав циклом стихов в «Новомосковской правде» при поддержке поэта С.Я.Позднякова, Виктор с отличием окончил курсы сержантов, стал командиром отделения. Величие Родины, которую он видел и осознавал во всю неохватную ширь и мощь впервые, отразились в его публикациях в газетах «Суворовский натиск» (Хабаровск), «Коммунар» (Уссурийск), «Красное знамя» (Владивосток). Стихи начинающего поэта и солдата публиковались в альманахе «Тихий океан», журнале «Советский воин», в газете «Горняцкая правда» (Донбасс).

Вернувшись домой, учился в Орловском педагогическом институте (историко-филологический факультет) у замечательных преподавателей Г.А. Габинского и Г.Б. Курляндской, дружил со многими художниками, литераторами и краеведами Орла.

По распределению учительствовал в дальних сёлах и деревнях Орловщины, замещал директоров школ и преподавателей по разным предметам. В начале 70-х годов переехал в Орёл, где, оставшись вер-

ным поэзии, работал журналистом, редактором телевидения и заводской многотиражки «Дормашевец».

Стихи, проза и статьи Виктора Рассохина печатались в различных газетах страны, в коллективных сборниках Приокского книжного издательства, в журналах «Урал», «Москва», «Октябрь», «Наш современник», «Техника молодёжи», «Молодая гвардия», «Военные знания», «Нёман» и в других всесоюзных (республиканских) изданиях.

Творчество орловца поддержали поэты-фронтовики С.П. Щипачёв, Н.К. Старшинов, Е.А. Зиборов, С.В. Михалков. Глубокий след в формировании личности поэта оказали защитники Отечества, по счастью, выжившие в Великой войне народов – прозаики Р.К. Агишев, Л.Н. Афонин, Е.И. Носов, С.А. Баруздин, С.А. Викулов, М.Н. Алексеев, П.Г. Сальников, К.Ш. Кулиев, В.Д. Захарченко, А.Н. Яновский, В.А. Мильчаков, А.А. Лапонов...

По их добропорядочным рекомендациям В.В. Рассохин был принят в Союз писателей СССР в 1978 году. Первая книга стихов «Капель» вышла в Туле, в 1968 году. За ней последовали сборники стихотворений и поэм «Золотая кувшинка», «На ветру», «Тропинка», «С восходом солнца», («Бригадирские будни»), «Круговорот», «Шапка Мономаха», «Последняя дуэль», увидевшие свет и массового читателя благодаря коллективам типографий Тулы, Орла и Москвы.

С 1992 года автор, совместно с сыном Сергеем, работал над фундаментальной монографией «ВЕК ИКС», посвящённой становлению диктатур, трагедиям и подвигам Человечества до и в ходе самой жестокой и кровопролитной войны в истории цивилизации. Исследование так и не вышло в печать, ввиду планетарной широкомасштабности документальных фактов, лиц и событий. Однако переработанные крупницы произведения легли в основу новых книг о Второй Мировой войне, изданных в соавторстве с сыном в его оформлении.

Поэзия Рассохина звучала по Всесоюзному радио. Виктор Васильевич неоднократно выступал на Орловском телевидении, написал сценарий к д/ф «Утренний народ» о трудящихся Орловского сталепрокатного завода (1993 г.), участвовал в съёмках д/ф «Штрихи к портрету «Короля» о выдающемся авиаконструкторе-земляке Н.Н.Поликарпове к его 120-летию со дня рождения и к 100-летию ВВС России¹.

С 1992 года он состоит в рядах Союза российских писателей, несколько лет возглавлял его Орловское региональное отделение. Писатель находится в постоянном творческом поиске в командировках по Орловщине и Отчизне, экспериментирует с жанрами, выступая как публицист, историк, аналитик, природовед родного края.

Перу автора присущи высокая гражданственность, правдивость, искренность, любовь к матери, Родине, трепетное отношение к репрессированным, узникам концлагерей, к Святой Рати фронтовиков и величествен-

¹ Фильм режиссёра А.А. Бутузовой стал золотым призёром фестиваля «Киноток – 2013».

ным трудовым подвигам Героев тыла. Несомненно, главной заслугой В.В. Рассохина является воскрешение имён и свершений сотен земляков и соотечественников в очерках, статьях, книгах, красноречиво повествующих о крестьянстве, людях науки и искусства, об изобретателях и подвижниках научно-технического прогресса.

Сострадание людским печалям и болям, работы с натуры, жёсткая требовательность к власти, призыв к воспитанию крепкой памяти и патриотизма народов, чёткое осознание предназначения писательского труда, по меткому выражению Г.Б.Курляндской, сформировали в сочинениях В.В. Рассохина «Верность Истине».

Друг И.Д. Крохина, А.С. Логвинова, Л.Ю. Моисеева справедливо считает, что без понимания заповедей предков нынешним обществом осуществляется его постепенная необратимая деградация, включающая в себя все формы жизнедеятельности человека. Отсюда – неповторимость судеб и характеров, редкая целенаправленность образов, мудрость не вождей, а простолюдинов, сборник литтворчества заключённых в ИТК Орловщины «Под созвездием Орла», отредактированный В.В. Рассохиним.

Многотематичный, разножанровый спектр внимания автора к злободневным проблемам истории и современности, человеколюбие к собрату по Планете, призыв к взаимопониманию религиозных конфессий вывели его из профессионального писателя в общественного деятеля, понимающего, что не тема правит художником – он сам обязан её «схватить на лету».

За плодотворно-многолетний вклад в литературу Отечества, за благотворительность и воспитание высоконравственности, за борьбу с всепорочностью определённой прослойки общества В.В. Рассохин награждён многими грамотами, благодарностями, дипломами, благодарственными письмами. Его совместный труд с сыном благословлялся достойночтимым Патриархом Алексием II и нынешним многоуважаемым Предстоятелем РПЦ, Его Святейшеством Кириллом, был поддержан Почётным гражданином Орла, старцем Илием, духовными Владыками Орловщины Паисием, Пантелеимоном, Антонием, епископом Барнаульским и Алтайским Сергием, спикером Совета Федерации Е.С. Строевым. Писатель является почётным членом организации «Флоту Быть!».

Виктор Васильевич награждён юбилейными медалями «За верность авиации», «70 лет Танковой Гвардии», «900 лет подвигу священномученика Кукши», «70 лет Великой Победы», «600 лет крещения амчан и обретения чудотворной иконы святителя Николая во граде Мценске». Автор ряда очерков о Второй Мировой войне участвовал в работе Международной конференции «Пушкин и Тургенев», издал, в ходе 47 лет, 40 книг (32 – в соавторстве с С.В. Рассохиним, с 1992 по 2015 гг.). Не ошибся в даре земляка «орловский Есенин» Д.И. Блынский, впервые опубликовавший его стихотворение «Русская лапта» в далёких ныне 60-х...

***Ирина Анатольевна Гладкова,
директор ЦБС имени Пушкина г. Орла***

ВТОРАЯ ГОЛГОФА

*Спят по лаврам святые ушедшего века,
Живота не жалевшие во имя Христа.
В новом храме отвыкшие от святовства –
Жадно ловят в апостолах дух человека.
Луч Творца возвратился сюда...*

*Из неопубликованной поэмы
«Поругание вечности»,
60-е годы XX века.*

...В 1917 году грянула октябрьская революция, известившая полушария шестидюймовкой «Авроры», которую честнее было назвать «Бедой». Никто не предполагал, что с падением самодержавия братья-дворяне схлестнутся в жесточайшей сече с братьями-простыми мужиками. К чему привела надуманная революционная ситуация – эта горемычная из горемычнейших трагедий нашего Великого, однако заблудшего народа – стало известно массам лишь к закату двадцатого столетия. Величайшая авантюра истории под прикрытием «добропорядочности» по отношению к «малым» смертным, к глубочайшему сожалению, ознаменовала Ужас, до сих пор не осознанный религиозными конфессиями и псевдонаучными флюгерманами атеизма. Много среди них было добрых и честных людей, но ещё более многое они не осмыслили, так спешили жить. Мечтали выжить в то «вороное время» безо всякой любви к привилегиям и самодостаточности личности как таковой.

Разорванная, голодающая, истощённая, овшивевшая, изнурённо-порочная Россия потеряла свой многовековой праведный лик, попав в бунтарские руки эмигрантов-большевиков и под страшный гипноз их лозунгов, открывших путь идеологическому глумлению над всеми слоями общества. Хаотический синдром разрушения «во благо» строительства народной диктатуры распространялся на всех, независимо от расовой принадлежности и установившихся форм вероисповеданий, необходимых разумным и юродивым ежедневно, как воздух, вода, хлеб, Солнце; как продолжение рода ради его жизни на Земле...

Катастрофичность событий на фронтах Первой мировой войны сорвала укрепившуюся веками «дамбу» терпимости, взаимопонимания, канву взаимоотношений и родственных связей между народами и национальными меньшинствами. Банальное «Верхи не могут руководить по-новому, низы не хотят жить по-старому» подорвало людское возмущение на гражданской mine, раскололо население на два антагонистических лагеря, вызвало безжалостные противостояния Юденичу, Корнилову, Деникину, Колчаку, Махно и Петлюре, Врангелю, Энвер-паше, Сеиду Алимхану. Наконец, разномастными интервентам, бекам, авантю-

ристам-головорезам и мародёрам, не посмевающим поднять руки и головы при главной опоре – Императоре Николае II – достались «ломти» при оружейном разделе остатков «пирога» – Российской Империи.

Да, внешняя и внутренняя политика самодержавия была в чём-то ошибочной, где-то антинародной и, очевидно, фальшивой. Но было бы глупо забывать о Гришке Распутине и попе Гапоне, коему верующие с большим удовольствием отбивали бы щелчки, словно Балда из сказки Александра Пушкина. Вряд ли богобоязненные из простонародья допустили бы грехи из жизни князя Ф.Юсупова и депутата Думы В.М.Пуришкевича. Ничего! Большевики, не покаявшись, будут водить их за нос и желудок десятилетиями...

Заметим, что тем, кто находился по другую сторону баррикад – чистой и грязной на руку аристократии, интеллигентам, военным, священнослужителям и далёким от них мещанам оставалось одно: бежать... При этом в демоническом хаосе, мародёрстве, во клоаке эпидемий, буйной проституции, в рутине бумаг, сопряжённых со семейными трагедиями остался жить и работать микро-процент истинных патриотов – бывших верующих соотечественников – ошибочно уверивших в правдолюбие и порядочность верхушки, мотавшей сроки в ссылках и тюрьмах.

Невиданный и неслыханный бег нации с родной земли в никуда ускорялся в чудовищно-кровавом масштабе. Новые писаки из числа 3-5 классно образованных застолбят явление, как «первая волна эмиграции». Но это потом... А тогда – бежали тысячи, миллионы, революционный меч не видел жертв!!!

Куда? К кому? Для чего и зачем? Почему и ради кого?! Ответы на бесконечные вопросы для большинства пройдут через дуло к виску или в рот; другие погибли в пути, а те страдальцы, что, любя Россию, остались терпеть с нею муки – позднее прошли через фильтрацию и фальсификации ЧК, ОГПУ, НКВД, МГБ, ГУЛАГа. Мракобесие чумы переросло в истребление генофонда...

Вспомните «Сорок первый» реалиста Б.Лавренёва, «Бег» М.Булгакова, «Любовь Яровую» К.Тренёва, Сашу Брусенцова из к/ф «Два товарища», рассказ М.Шолохова «Родинка». Помолчим о документальных лицах, творивших историю вопиющим братоубийством, уничтожавшим дух и волю, здоровье и счастье Общероссийского трудолюбивого населения. Тот же «Тихий Дон» далёк от штилей зорь – Шолохов, как бы «буржуины» не покрывали его ложью, высек кровопад потоков простейшим слогом! «Окаянные дни» «антисоветчика», воронежца Бунина, буквально вчера униженного на Родине новым витком «буниниады» при пустозвонстве – это ещё мягко молвлено; бег проклятой самой собой нации превратится в окаянную дистанцию непромерянных никем трагедийных миль с последующим стартом во сверхокайную эпоху.

«И как надоела всему миру своими гнустями и несчастьями эта подлая, жадная, нелепая сволочь Русь!» – рвя душу, оставит потомкам

Иван Алексеевич, выводя эти строки в дневник 6 августа 1921 года. Кого из мечущихся по двум полушариям ожидали – Париж, Анкара, Стамбул, Констанца, Берлин, Рим, Иерусалим, Шанхай, Харбин, Токио, Сан-Франциско и Нью-Йорк??? «Мы жили тогда на планете другой...» – пел дорогой длинною Александр Вертинский, в объятиях ностальгии вспоминая Фонтанку и Неву. Могли ли страдать за такую «новизну» Герцен, Чернышевский, Писарев???

Иностранные ножи революции – лидеры и несостоявшиеся вундеркинды извращённого ими же марксизма основательно проштудировали «Протоколы сионских мудрецов» и книгу С.Нилуса «Великое в малом», излагающие тайные планы достижения мирового господства. Через погран-таможенные кордоны Германии во главе с В.И.Лениным промчались 98 «партийных соратников». Никто из них не был русским. Закреплённые капитал-владыками зарубежья, они явно не желали работать лопатой на собственном огороде, круглогодично пачкаться в навозе, по 12 часов стоять у станка, вытачивая «железяки» войны. Господа без родины, если и воевали, только на руководящих постах, «плюя с колокольни», что их называют «германскими агентами» и «изменниками».

Захват власти эрудированными бесами не имеет освещения ни в одном из учебников по новейшей истории, хладнокровно-фарисейски он вуалируется аспирантами, кандидатами, докторами и, профессорами всех видов наук, присягнувших дензнаку-госбюджету (по изворотливому принципу «Давно это было»). Революционеры прибыли в наши земли и пользовались их гостеприимством-благостью не только для постройки нового государства с ненавистно-нечитаемыми аббревиатурами в понятии крестьянства и прочего малограмотного люда. Психологически верно рассчитав посулы широким массам (толпе), они привезли с собой динамит для будущей репрессивной войны с кровным населением. Борьба с «врагами» погубит не менее 50% их самих вместе с семьями, породив конфискальное узурпаторство в виде «раскулачивания»...

Чтобы навсегда расквитаться с потомками Владимира Мономаха, пророчески предсказавшего падение страны в случае госпереворота во главе с иностранцами, подмандатно требовалось уничтожить Веру Человека под девизом «Религия – опиум для народа». Внутренняя война новых инквизиторов с христианством Руси незамедлительно вылилась в трактовку и реализацию ленинского декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», изданного к Рождеству 1918 года.

Итак, партаристократия наслаждалась возможностью понежить себя видом золотых штабелей рублёво-валютного запаса России и бесценными сокровищами 300-летия Романовых, а в это же время её сыны, чьи пращуры создавали сие, нищенствовали и бессильно злобствовали за кордоном, искали цели и пути обезглавливания Советской республики. В их памяти монархия не вычёркивалась ни кальяном, ни «мэдхен фюр аллес», ни остатками водки дореволюционного розлива. В противовес не то что Антанте – Миру – товарищи пошли другим путём, следуя

догмам человека, писавшего письма издали – Вождя мирового пролетариата, без обиняков, общавшегося с седым, матёрым криминалом ещё при царизме. Внедряя доктрину контр-террора и атеистически глумясь над религиозными вековыми канонами, «путешественники» проявили максимум маниакальной изобретательности, запустив гильотину, рубящую бывшее духовное величие державы. Развязывание рук голытьбе-лентяям, карьеристам и краснобаям с «планетарной сумасшедшиной» при объединении с великолепно продуманной идеологией, играющей на низменных чувствах под прикрытием плакатно-трафаретных «измов», привело к безумству трагедий задолго до взрыва Храма Христа Спасителя. Крушить-то – не строить!!!

В 1918 году в Петрограде алчные красногвардейцы пытались разграбить Александро-Невскую лавру и убили взывавшего не совершать богохульный грех протоиерея отца Петра Скипетрова. Затем был расстрелян настоятель Санкт-Петербургского собора, один из образованнейших людей своего времени протоиерей Алексей Ставровский. В купеческой Елабуге умерщвлён протоиерей отец Павел Дернов, безвременно ушедший вслед за тремя мучениками-сыновьями. В Туле и Харькове безжалостно расстреляны крестные ходы, несмотря на детей, женщин и стариков. На «совести» (?) 5-го отдела народного комиссариата юстиции – изрубленный шашками на станции Вятка взывавший к умиротворению епископ Дионисий Измаильский; немислимый по жестокости расстрел собравшихся верующих при ревизии церковного имущества в Пермской епархии. Три дня блюстители революционного «порядка» истязали священника станицы Усть-Лабинская Кубанской епархии Михаила Лисицина, замучив его насмерть. Были убиты видные представители Православной церкви – митрополит Киевский и Галицкий Владимир (Богоявленский) и протоиерей Иоанн Восторгов, привечавший паству в московском соборе Василия Блаженного, чудом избежавшего пиротехнического «фейерверка»... Гонения на истину Христову без всякого суда и с попранием закона и прав свершались почти во всех городах и сёлах нашей Отчизны. Из орудий обстреливали Святые соборы Кремля московского. В Петрограде оскорбили часовню Спасителя и чтимую верующими Почаевскую лавру. Под Ливнами осквернят приход отца Николая Поликарпова.

Божьей милостью Патриарх Московский и всея Руси, Его Святейшество Тихон (Василий Беллавин) выступая с посланием к пастырям и архипастырям 19 января 1918 года, эмоционально и справедливо предал анафеме дьявольское дело лжемиссионеров марксизма, низверг губителей Святой Церкви Христовой и её благодатных таинств.

«Всё сие преисполняет сердце наше глубокою болезненною скорбью и вынуждает нас обратиться к таковым извергам рода человеческого с грозным словом обличения и прощения по завету св.апостола: «согрешающих пред всеми обличай, да и прочие страх примут» (1 Тям. 5,20).

Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело, – это поистине дело сатанинское, за которое подlezите вы огню геенскому в жизни будущей – загробной и страшному проклятию потомства в жизни настоящей – земной». «Шариковы и Швондеры» умели вести облчистки...

Присутствующие ищейки режима указали Его Святейшеству на грубость и непозволительность ряда высказываний, на что Тихон (его имя и заслуги вычеркнуты из сегодняшних учебников) ответил: «Готов на всякие страдания, даже на смерть во имя Веры Христовой».

Ежедневно доходили известия о зверских избиениях и ужасных убийствах ни в чём не повинных, даже болевших людей, честно исполнивших долг перед Отечеством, бескорыстно служивших благу народному. Преосвященнейший епископ Макарий (Гневушев), руководивший Орловской кафедрой в период всероссийского распятия Русской Православной Церкви, перед лицом врага воззвал к милосердию, за что не без подписи Я.Свердлова был лишён общения с прихожанами и сослан в Спасо-Преображенский монастырь города Вязьма. Бог или Небесные Силы покарают «Гобсека Р.К.П.(б)» именно на Орловщине с официальным диагнозом «испанка». Ничто бесследно не проходит: казнил людей, тебя казнят. Ведь многоуважаемого Владыку, дальноркого патриота Макария арестуют в августе 1918-го, как «контрреволюционера», а позже расстреляют.... Эти «университеты» не опишет ни один из горько-сладких писателей СССР!

Прав был наш земляк, ливенец, выдворенный безбожными властелинами тьмы отец Сергей (Булгаков), говоря, что «в России не было и нет культуры вне религии, и с разрушением её остаётся варварство». Повсюду насаждались семена злобы, братоубийства, ненависти, проповедуемых воскрешающим язычеством и его чернодушенными слугами. Так, московские церковные бандиты свергли Патриарха, предав его ложному суду, а в 1922 году Митрополита Петроградского и Гдовского Вениамина вместе с тремя новомучениками, одетыми в лохмотья и обриту, чтоб не узнал народ, подлейшим образом расстреляли на станции Пороховые, что по Ириновской железной дороге...

Бесспорно, руководство Республики Невежества и Страха, призывавшее к повиновению перлами «Фабрики – рабочим!», «Земля – крестьянам!», «Мир хижинам – война дворцам!» – хамски забыло о той святой роли Церкви, которую она имела в быте мирян, в Императорских армии и флоте. А может быть, эмигранты с высокообразовательными грабительскими наклонностями, пустив корни во Франции, Германии, Швейцарии жили с шорами на глазах, не желая вникать в суть церковных изысканий ввиду пожизненной симуляции собственного «становления» под ружьё, горечь окопов фронтов и солёность краткого мига потопленных??? Сошли в народ и готовились к печати сотни церковных изданий, в монастырях доживали век праведные старцы, ясновидящие и пророки... Подлунный мир – мусульманство – почитая Аллаха и запове-

ди Корана, не было повально басмачески-янычарским, ибо и это учение, как и всякое другое, проповедует любовь к ближнему, уважение предков, матерей, Родины, учит быть терпеливыми и прощающими.

Который раз задумываешься: каким существом надо быть, досконально изучив религию годами, какими надо быть сыновьями-дочерьми, чтобы нагло терроризировать воспитанное тысячелетиями общество?!

Апогеем клятвопреступничества, отречения от вековых традиций народов и пиром убожества бесов, присягнувших Идолу – первому врагу Бога – Падшему ангелу, явится пантомимное, необоснованное убиение коронованной семьи Романовых и её окружения. Царь не мог быть святым, но был не иностранцем, гадающим на вскормившей его земле! Хотя его любимец, адмирал Нилов предсказывал: «Все будем висеть на фонарях!».

Клещи доморощенной, вампирской Голгофы продолжали со зверской методой сдавливать её ваятелей, скот, тайгу, пашни, моря и леса. В лихолетье ленинско-сталинской диктатуры расстреляют по суду и без суда тысячи представителей белого духовенства, монахов и монахинь, звонарей и послушниц, а также ядро интеллигенции, сочувствующее Учению Христову, его повторному распятию. В стране, помпезно шагающей по пути социализма, взорвут и вандалистски разграбят тысячи храмов и монастырей. Под безбожную червоточину и испарывание алтарей попадут архитектурные памятники, духовные места многовекового паломничества поколений...

...Ныне идёт возврат нации к христианству, выкованному передовыми умами и личностями ушедшего тысячелетия. Возвращение к Истокам Веры есть высшая материализация подвижничества великих святых, праведников и великомучеников Всея Руси.

Однако и сегодня, когда постройка и действие механизмов Второй Голгофы отошли с прахом убитых ею в небытие, автор вынужден признать, что наш исстрадавшийся народ, победитель итало-германского фашизма и самурайского милитаризма, ещё долго будет зреть захват власти новым сатанинским язычеством. Сograждане в капкане обещаний не находят минут, чтобы почтить венком пресловутое «светлое прошлое», именуемое Царством Острога, с вечно живущим в нём ВСЕ-НАРОДНЫМ ГОРЕМ.

***г. Орёл-Козельск-Оптина Пустынь-Сухиничи.
«Путевые заметки»***

НЕПОДНИМАЕМАЯ ЦЕЛИНА²

(Отрывок из художественно-документальной повести «Боль прошлого»)

«Оперативная ориентировка на контрреволюционных, прокулацких элементов – Бельдяжкина Игнатия Тимофеевича и Скрябина Антона Никифоровича. Специально для ст. уп. розыскной районной группы НКВД, действующей на выезде, тов. Катка И.С.

1. Бельдяжкин И.Т., 18... г.р., уроженец с. Пустомазово Воронеж. губ., из крестьян. Образование – 3 класса, сын зажиточного мельника, бывшего дворецкого помещиков Кауфманов. Русский, женат, имеет 4 детей (3-х сыновей и дочь – 21, 18, 15, 7 лет). В Пустомазово проживают два родных брата: Фёдор и Серафим (младшие).

В настоящее время обосновался на х. Погорельцы Орл. губ., и владеет имуществом: сруб – 12х8 аршин; 2 коровы и 2 лошади; годовалый жеребчик, 10 овец и домашняя птица (всего 30–40 голов). Имеется обширное подворье, сельхозинвентарь (10 единиц), обрабатывает 5 десятин казённой и 3 десятины владельческой земли. По сезону занимается рыболовством на близлежащих прудах и реке.

По непроверенным данным, его жена, Глафира Кузьминична (урожд. Тихонравова) торгует пшеницей, фуражом и самогоном из-под полы, в обход государства. (Заявление Комитета Ржавецкой бедноты вместе с фото супругов Бельдяжкиных приложено).

2. Скрябин Антон Никифорович, 18... г.р., уроженец г. Ельца Орл. губ., из семьи военных, русский. Вместе с отцом, штабс-капитаном Никифоровым Алексеевичем, участвовал в Брусиловском прорыве в звании поручика (Особая армия), где отличился храбростью и находчивостью. Мать (урожд. Софья Полянская) эмигрировала в Харбин.

Холост, часто посещает церковь. По сообщениям тов. Загривого (агента «Почтальона»), имел связь с ливенскими мятежниками и белобандитами Антонова, возможно, осведомлён о нахождении тайных складов оружия и провианта. Дружен с Бельдяжкиным И.Т. (спекулятивный оборот продуктов, в т.ч. мяса и рыбы) по новому месту жительства – с. Ржавецкое Орл. губ.

Словесный портрет: худощав, среднего роста, на висках лёгкая проседь. Немного сутуловат, взгляд исподлобья, неразговорчив и внимателен к посторонним, незнакомым ему людям. Предполагается, что в совершенстве владеет оружием, в частности пулемётом «льюис». Весьма неплохой наездник. Ведёт спокойный, размеренный

² Нумерация документа, инициалы официальных и физических лиц, географические названия и даты опущены или изменены. – В. Р.

образ жизни, равнодушен к алкоголю. Увлечения: охота, рыбалка, верховая езда, свободные красивые женщины с городской пропиской. Особых примет нет.

Основания для ареста обоих:

а) Гр-не Бельдяжкин И.Т. и Скрябин А.Н. неоднократно высказывались (в т.ч. нецензурно) против Советской власти и руководителей партии и правительства. Так, Бельдяжкин 18 мая с.г. производил незаконный лов рыбы на нересте, и, обмывая улов, отметил, что «ни одна из партий не способна прокормить народ» (см. записку его бывшего батрака тов. Кривошеева).

Братья Бельдяжкина, будучи в гостях у него на Годовщину смерти В.И. Ленина в изрядном подпитии, критиковали «Декрет о земле». Причём, глумились над именем и заслугами Великого Ильича: «Декрет создал, а в землю не лёг»...

Семейство Бельдяжкиных подлежит аресту и конфискации имущества в пользу государства.

б) Белогвардейский недобиток, враг народа Скрябин А.Н., как антисоветски чуждый элемент, паразитирующий на рабоче-крестьянском обществе, дважды замечен при попытках агитировать местное население, призывал «саботировать сатанинские методы колхозного оброка, большевистско-еврейской барщины».

В связи с вышеназванной характеристикой, при вооружённом сопротивлении, оказанном при задержании, подлежит расстрелу на месте.

Нач. УНКВД по ... области
Нач. УГРО по ... области
(подписи неразборчивы)

* * *

...Вторые сутки напролёт полоскал губернию обложной ноябрьский дождь, то морося, то разряжаясь ливнем. Привычное дело: есть урожай, нет урожая – до горизонта пеший ли, конный, – жмёт на сознание и животину слякоть. И в чём ты её не меси – в лапотках, яловых, кирзовых сапогах или в обмотках, – среднерусская хлюпающая затяжная чёрная жижа с тающим снегом, случается, настолько мерзка, что собаку со двора выгонять жалко. Кому горе не беда, кому тоска в запое, а кому-то и без бутыли забот полон рот. Как тукнет по земле и водам первый морозец, того и гляди, чтоб православные грехом не обокрали...

– Всё нажитое умом и рученьками объявили общенародным. Это как же додуматься, а?! – недовольно гнусавил бородатый возница подводы в тулупе, из-под ворота которого, глазели, словно калина, пуговицы косоворотки.

– Прадед мой соху по корняжью тамбовскому ковыркал да ломал. Деда, беднягу, у Демидов вместе с немчуками в штольне на прииске задало. Батяка с матерью – а она нас малых роженицей совсем молодой покинула, – своими руками мельницу подняли, босоту работой, мукой и денежкой обеспечивали. И вдруг, поди-ка, н а р о д н а я!!! Слышь-ко, адъютант божий, что есть раскулачивание? Ты, Никифоров сын, поди-ка, грамотей, коль Пушкина с Некрасовым на зубок помнишь. Чо насупился – растрясло малость?..

Хлётско, с присвистом стеганул по крупу ладной лошадки длинный плетёный кнут.

– Эгей, милая! Быть тебе, выкормошка моя, общаковой, по-ихнему пролетарской. Ну так, чего молчишь, ахвицер? Два раза не прошу, сказывай!

– Ага, задела тебя, старый, голытьба на наряде! Что былое шарошить через столько лет после Брестского мира? Позор армии и Романовым. Соль на раны солдатам и горечь поминок вдовам с сиротками. Братьев в гражданскую били, сабель и свинца не жалея. Махно недавно читал: столярничает «анархист бакунинско-кропоткинского толка» в Париже. Бедовый крестьянский сын был батяко, в когорте первых орден Красного Знамени получил... Басмачи снова на скакунов сели. Гордости и коварства у воинов Аллаха не занимать...

– Ты мне голову не морочь, – сворачивая в Горбатый ров, злобно крикнул дедок. – Твои речи завсегда к одному – хоть пьяный, хоть тверёзый: «Позор России»... Мало, что ль, достойного, славного???

– Раскулачивание, отец, как есть, для лучших крестьян – плаха. Сызнова воротить время не сможем, поздно уже – «продразвёрстка». Я тебе объяснять ничего не буду, у тебя братцы не промах. Считаю, отстреливать «красных баринов» надобно, за единоличность гутарить, середняка и других, кто с умишком, приблизить. Там – десять, здесь – двадцать, а ежели по губерниям тыщи недовольных слово и силу займут, несдобровать грабителям Церкви Русской. Попомни...

Перед въездом в ручей скрипучий ходок подбросило на сочной, ещё зелёной кочке, да так шибко, что заговорщик-дед чуть не прикусил язык. Вспотевшая, дышащая паром Вьюга натянула вожжи, и как вкопанная, застыла посреди русла, склонив красивую, с белом пятном на лбу, голову. Кобыла неспешно, осторожно пила студёную воду, позвякивая удилами и скрипя орнаментным хомутом. Ездоки молчали, думая о чём думают больше всего – о жизни, пока ломкая шуга, крошась, цеплялась за берега...

В розовых сумерках они подъедут к Погорельцам, обеспокоенные остервенелым лаем дворовых собак, причитанием Глафиры Кузьминичны и беспрерывным рёвом детей. Дико мычали встревоженные чем-то коровы, почему-то на улице бегал несмышлёныш-жеребёнок. Ощущение творящегося хаоса, бедлама дополняли неистовым гоготом перелетавшие забор гуси...

Скрябин давно готовился к встрече, чувствуя, что когда-нибудь его всё равно загребут, не так, так по «соседским бумажкам» – бдительным доносам сверхбдительных сограждан. Борцы за народную справедливость на этот раз заехали со двора, смяв копытами огород, очевидно, решив застать хозяина усадьбы врасплох. Так и вышло, но его с утра не было дома...

Сотрудники группы захвата, зная Бельдяжкина в лицо, сразу, не обращая на него внимания, затребовали документы у попутчика. Тот молча выдернул из сена обрез и разрядил его в двух оперов, стоявших рядом. Паренёк-комсомолец, помня инструкцию, выстрелил в убийцу, бросившегося на него в рукопашную.

Пуля попала экс-поручику в горло. Он захрипел и, падая, вцепился в грудь своего противника.

Дед Игнатий, зарывав, как медведь, кинулся на помощь, но помогать было некому. Вредитель и враг общества был мёртв, но и в мёртвых его глазах светилась ярая, фанатичная непримиримость. Замахнувшись охотничьей финкой, старичонко неуклюже прыгнул на испуганного парня, ударив его в живот...

Грохнул выстрел. На крыльце, непонятно чему улыбаясь, стоял старший оперуполномоченный группы товарищ Каток, сдувая дымок со ствола «маузера».

– Раскулачили, право-троцкистское падло, – хихикая, сказал он, раскуривая трубку. Глядя на него, спасённый им юноша упал на траву, рвал её руками и тихо смеялся. Через минуту его вырвало.

Двинулся молодой чекист рассудком, и десятилетием позже, когда сгинул при освоении вечной мерзлоты род Бельдяжкиных, он мучил шизофреников в психлечебнице мемуарами «Опыт раскулачивания в СССР»...

***Сентябрь 2001 г., Орёл–Воронеж–Тамбов,
«Путевые заметки».***

ПРИГОВОР

(Отрывок из поэмы «1937-й»)

Смерть — она всегда в запасе,
Жизнь — она всегда в обрез.

А. Твардовский

Не спит Россия ночью,
Нет, не спит:
Наводит на созвездья телескопы,
И варит сталь,
И рубит антрацит,
А на неё
Завистливо глядит
Германия
Биноклями Европы.
Ещё далёк,
Ещё далёк июнь.
Ещё никто
Не думает о Бресте...
И командирам
В этакую лунь
Не приходили
Мысли об аресте.

Терзала их
Несобранность страны,
Кричать хотелось:
— Единитесь, люди!
Чтоб те снаряды
Из чужих орудий
Горохом
Отлетали от стены.
Подкатывалась
Дальняя гроза.
Луна на мир
Поглядывала немо...
Визжали у подъездов
Тормоза
Мгновенно
Появляющихся «эмок».

Там, за границей,
Шутят с нашим флагом.

Не видит шуток
Из Кремля генсек.
ТРИДЦАТЫЕ...
(Нелёгкок этот век)
И камеру
Вымеривает шагом
Не командарм,
А просто — человек.

При нём ни орденов,
Ни партбилета,
Ни фотографий
Ближних и родных.
Но в нём — весь мир
До самого рассвета,
С рассвета —
Он не числится в живых.

Он полон дум.
Не знает мысль границы.
И в жилах кровь
Не движется — кипит,
Хоть свёрстаны
Газетные страницы,
Где «враг народа»
В полосах пестрит.

Идёт игра,
Идёт игра с азартом.
Она похожа
Чем-то на лото.
Их судьбы ставят
Шарики на карту
И сотый раз
Вопрос висит:
— ЗА ЧТО???

ЗА ЧТО???

И вспоминается Царицын.
За ним и в нём
Свистящие клинки.
Как в родниках,
На мужественных лицах
Отражены пожаращ языки.

Себя увидел
В грязном лазарете.
Ответ врача
Услышал сквозь туман:
– Жаль молодца...
Уходит в лапы смерти.
Его прошил
Осколок, как таран.

Но выдюжил –
Врачам на удивленье.
Опять ушёл
В защитники страны...
Такое зарождалось
Поколение, –
Которому
Все черти — не страшны.
Мелькали годы,
Словно кинокадры.
Бросала жизнь
Туда, где горячей:
Рубил сплеча
Антоновские банды,
Из «льюиса» —
Отряды басмачей.

Подарками
Они не обделили,
Когда разгрома
Близился конец:
Лиловый шрам
До глаза посадили,
Эмирцы — пулей
Чиркнули в кострец.

А смерть глядит
Глазницами пустыми.
У ней права

Особые, свои:
То гасит память
Лапами своими,
То выбивает
Мысль из колеи.

Он в этот миг
Себя представил мёртвым.
Могильный холм.
И рядом — никого.
Как нелегко,
Как тяжело быть гордым,
Но гордости
Не вырвать у него.

Не верил он,
До глубины не верил
В неправоту
Великого Отца.
Мол, бил Ежов,
(Прообраз поздних берий)
Бил по-садистки
В жаркие сердца.
Отец крушил
Кремлёвские интриги,
Успехи видя
В классовой борьбе.
Ему он верил —
Явью были сдвиги —
Как, может быть,
Не верил сам себе.

Но почему
Труды по обороне
Ещё не бронированной страны
Сданы в архив,
Под недоступной бронью:
«Не издавать!
ФАНТАЗИЯ ВОЙНЫ».

Один вопрос
Другим спешил смениться.
Кружились мысли
Белкой в колесе...
И радовалась буйно за граница,

Что кадры репрессированы...все.

Он оглядел «Удобную квартиру».
И штукатуркой
(лучше не найдёшь)
Стал на стене,
Глухой к седому миру,
Вычерчивать
Бракованный чертёж.

Кто браковал?
Да те, кто доносили.
Кто «тройку» звал?!
Завистливая тварь.
Все те, кого
Не в тех церквях крестили,
Все те, кто может плюнуть
На алтарь.

И оживали сложные детали,
Был мощен корпус
С яростью ствола,
Но чудилось тогда,
Как сквозь года
Новейшие снаряды пролетали
И «фердинандов»
В землю забивали
С «пантерами»
У Курска и Орла.

– Какой я враг
С хатёнкой над рекою?
Потом забылся,
Вспомнил о родном,
Как будто был он
Дома, был с семьёю,
В кругу друзей
За праздничным столом.

Бежала ночь,
Спешила быстро таять,
Как льдинка
На пылающей руке.
Уже рассвет
От края и до края

Поджог каёмку неба
Вдалеке.

Дверь заскрипела.
У порога — трое.
Горела на околышах заря.
Не видя их,
Он к ним стоял спиной,
Как будто
С чертежами говоря...

Простенок красный.
Выщербленный камень.
Сам комендант
Читает приговор.
И офицер,
Сухой
Кавказский парень,
С охранниками
Занял
Узкий двор.

Молчанье
После
Роковой огласки.
Потом совет:
– Признайтесь – будет жизнь!
– Стреляйте!
Не нужны глазам
Повязки...
И... грохнул выстрел.
Голуби взвились!

«Врага народа»
Быстро унесли.
О, если б только,
Только было знато,
Быть может, немцы,
Так его бы чли,
Как хан Батый —
Рязанца Коловрата.

...Встревоженный
Не первую развязкой,
Которую

Не забудешь век,
Пришёл чекист,
Чертёж замазал краской:
— Хоть враг-то, враг,
Но всё же — человек...

И, съёжившись
От собственного мненья —

Не слышал ли
Дежурный сосед* —
Он закурил...
На мачтовых деревьях
Плескался
Красным знаменем
Рассвет!

Картина П.П. Белова «41-й»

НА ТОЙ ВОЙНЕ НЕЗНАМЕНИТОЙ...

Хромой сторож предложил нам самосад с донником. Мы отказались.

– А я вот, старый дурак, кашляю, аж слёзы из глаз, да бросить не брошу. Не курил ведь тоже, как и вы.

За огородом, в сквозистых ещё кустах смородинника, щёлкнул соловей, робко, как бы пробуя голос.

– Вишь, пострелёнок. Рядом почти, а не увидишь. Поёт себе и округу радует. Невидимка. Прямо-таки финский снайпер. Только песня у того была смертельная. Пропоёт пуля – знаешь, что в ёлках грохнуло, оглянёшься – нет товарища...

Он глубоко затынулся. Крылья носа расширились, и седые струи дыма шумно вытолкнулись лёгкими.

– Она, война эта, вроде незавидная была. А брата нашего взяла – сосен в лесу меньше. Многим снег пухом...

– Василий Фёдорович, а в Отечественную вы воевали? – обратился к нему мой товарищ.

– Нет. Я её раньше хлебнул. На линии Маннергейма ахнуло. Месяца четыре в госпитале провалялся. И сюда – домой. Тут следом и Гитлер... В кадровую, как видите, не попал, а партизаны меня помнят. Двух лётчиков спас. Генералом один был. Прошлым летом меня отыскал...

– Так вот, была у нас девушка. Военврач. Ларисой величали. Ленинградская. Ох, и девка – картина писаная. Дела-то до моего ранения происходили. Наша братия какая? Чуть чего – гы да гы-гы. А тут цыц! Пройдёт, бывало, Лариса Николаевна – мы молодели. Каждый вспоминал свою возлюбленную, и сердце мягче становилось. Чёрствость-то она, как ржа. Раз пристала, не уберёшь, съест. Да и радостно было от того – незанятою ходила. Говорили, что сам командир батальона сох по ней. Вологодский сам. Всё на «о» нажимал. Гаркнет, бывало, «Смирно-о!» – коленки дрожат. Мне почему-то не верилось, что он к себе в душу мягкость допустить может.

Поводил нас он крепко... Полбатальона получили награды. Мы в мыле, и он в мыле. Сухов фамилия была. Осколком грудь ему протаранило. Клок шинели аж на спине вылез. Лариса Николаевна рядом стояла. Ничего не сказал, лишь обескровленной рукой указал на планшетку. Возьми, мол. Она белее снега была, потом наклонилась, поцеловала его в небритую щеку. В планшетке её портрет оказался. Вылитый. Карандашом сделан...

– Рисовал, значит! Находил время...

– Находил, стало быть. У кого охота на что. Война не всё в человеке убивает. Он, человек-то, для жизни предназначен. Разве кто плохое загадывает? Изверги только.

Со смертью Сухова и в Ларисе Николаевне что-то произошло. Осунулась. Голос осёкся. Но всегда с нами приветлива была, иногда шутила как-то по-городскому, и на щеках её горел румянец маковым цветом.

– Ты, – говорит, – Вася, когда-нибудь ландыши рвал своей любимой? – А я засмеялся. Открыто говорю: – Никогда. У нас в деревне так не водится.

– Не смейся, – говорит, попробуй. Вот снег сойдёт, нарви, да в конверт. Обрадуется – любить лучше будет! Сама к другому подойдёт, как рана, спросит, перевязку или что надо сделает...

Последнее время батальону работка подвернулась. То нас потрепят, то мы потрепем. Однажды нас так залучили – думали снегом задавят. Но выбрались, и не знаю, каким образом такую у них краюху отхватили, что я сам под награду попал. И Ларисе Николаевне тоже орден выпал.

Бои не прекращались. Мы всё лесами шли. Снег по ноздри. Лыж мало. Да и непривычно на них. Сосняком пробираемся. На убитых то на опушке, то в лощине наткнёмся. Скрюченные лежат. Ноги тут, голова там валяется. Видим, что здесь прошли недавно. Шли скоро. Убирать было некогда. Да и глушь, возьми её господи, там превеликая!

Ничего не тронули, только лыжи захватили. Спускаемся этак вниз. Стон слышим. Подходим ближе. Финн лежит, скорчившись. Голова льняная. Сзади полоса красная – полз... Командир новый подошёл, понимал по-ихнему. А раненый показывает рукой на Ларису Николаевну. Красный крест на рукаве заметил. Она подошла.

– Убрать его! Прикончить! – кое-где раздавались голоса.

– Донесём до ближайшего пункта! – сказал командир.

– Сейчас перекур и в путь. Соединиться должны.

Мы пошли к головной группе, а Лариса Николаевна осталась ему перевязку сделать. И едва мы отошли саженой на пять-семь, как остановил нас пронзительный женский крик. Меня аж пот прошиб... Бежим на крик с Митькой Огурцовым.

У сосны Лариса Николаевна с ножом в груди. По самую рукоятку вогнал, подлец!

На руки я её – жива, дышит прерывисто. Несу, у самого поджилки трясутся и плачу. Текут слёзы и всё. Не слышал, как Митька в убийцу выпалил. Вот тебе и ландыши, думаю...

Положил её на ветки. Сумку снял. Бинты беру, йод беру... Она головой – не то, говорит, не то. Глянул – свёрток в газете. Кивнула. Адрес, говорит, записывай. Только и успела всего. Кровь горлом пошла.

Тяжело переживали. Не верили. В деревне с почестью схоронили. Ей-богу, многие плакали. Уж очень смерть её у нас неожиданно выкра-ла...

Фёдорыч замолчал и глухо кашлянул. Мы сидели, слыша своё дыхание, и ясно представляли непроходимые леса, огоньки самокруток перекура и девушку, видимо, ушедшую добровольцем из вуза...

– Спички дай, – охрипшим голосом сказал Фёдорыч моему товарищу, но, вспомнив, что мы некурящие, рассыпал табак...

– В Питер я наведывался точно по адресу. После войны никого не нашёл. Мать в блокаду умерла. Опоздал я с наказом. Раньше бы надо. И портрет её теперь у меня. Зайдёте, посмотрите.

Мы обрадовались такому случайному совпадению и отправились за Василием Фёдоровичем, опирающимся на вишнёвый узловатый костыль.

На стене, рядом с семейными фотографиями, в багетовой рамке висел портрет. На нас смотрела белокурая девушка с затаённой лукавинкой в глазах. С лица, казалось, вот-вот сорхнёт улыбка, и она спросит у нас звонким и чистым голосом:

– А вы, ребята, рвёте любимым ландыши?!

* * *

*Серебряные крошки-колокольца
Они вот-вот от ветра запоют.
И, кажется, их не касалось солнце,
Они по воле собственной цветут.*

*Любители цветов проходят верхом,
Пускай вокруг бросают цепкий взгляд.
А ландыши стоят белее снега
И попадаться в руки не хотят.*

Этюд Виктора Рассохина «Ландыши»

Плакат-предупреждение о «кукушках»

К 70-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

ПОБЕДОНОСЦЫ

Когда соприкасаешься со Священной летописью войны за господство в воздухе, при анализе статистики побед и поражений противостоявших ВВС охватывают разнополярные чувства: гордость и боль, радость и сострадание, осознание индивидуального героизма пилотов и трудовых свершений авиапромышленности.

В бессмертную историю Советских Военно-Воздушных Сил навечно вошла орденосная когорта авиаторов, родившихся на орловской земле. О шестнадцати «сталинских соколах» поведаёт их краткий боевой путь, восстановленный писателями-земляками.

Алексей Андреевич Балалуев, ровесник Первой Мировой, родом из Цимбаловки, состоял в рядах Краснозвёздных ВВС с 1936 года. Освоил все истребители конструкции КБ Н.Н. Поликарпова. Поднявшись в первый бой в июне 1941-го, за годы войны Алексей совершил 345 боевых вылетов. За 22 сбитые машины Люфтваффе майор был трижды награждён орденом Красного Знамени. К глубокой скорби родни и однополчан, Герой Советского Союза, ленинский орденосец, разбился в одном из полётов ровно через год после американской бомбардировки Хиросимы и Нагасаки...

Родившийся в х. Литовске капитан **Леонид Игнатьевич Греков** прошёл суровую закалку в Оренбургском авиаучилище, когда началась война в Испании. Летал на У-2, И-15, И-16, И-153 в рядах 169-го истребительного авиаполка, защищавшего небо Ленинграда и Балтики. Однополчанин А.П.Маресьева, И.М. Березуцкого, Е.М. Горбатюка, А.Г. Воронко, П.А. Гражданинова и других «маэстро» боевого пилотажа, Леонид, в свои 28 лет 65 раз взлетал на перехват врага, уничтожив 10 самолётов в группе и 14 лично до гибели в бою 29 октября 1941-го. Орловец заслужил орден Красного Знамени, став посмертно в авангарде первых Героев ВВС страны – 27 декабря 1941 года...

* Газетно-журнальный вариант в значительном авторском сокращении. – Р.С.В., март 2015 г.

Прославил себя и Молодовое Шаблыкинского района выпускник Чугуевского ВАУ **Николай Васильевич Гринёв**. В числе первых земляков лейтенант воевал с воздушными самураями на Халхин-Голе, в составе 22-го ИАП, укомплектованного «Чайками» и «Ишачками» Н.Н. Поликарпова. В 25-ти схватках Коля «снял с неба» десятиртых японцев, плюс шестерых – в группе. Награждённый «Золотой Звездой» Героя и орденом Ленина за сражения в Монголии, он участвовал в Великой Отечественной. Выжив в аде войны, проживал в Сочи, откуда ушёл в мир иной 28 апреля 1963-го...

Из Новосёлок в 1935-м году призвали в РККА юношу Колю **Гусарова**. О летучем Герое Страны Советов, выпускнике легендарной Качи, не замолвят слова в балладах местные поэты. Участник боёв в Восточной Польше, встретил агрессоров в крылатых рядах 486-го ИАП (Северо-Западный фронт). Вместе с друзьями Д.А. Медведевым, А.И. Гиричем и другими пилотами полка воевал в Крыму, затем отличился в Курской Битве, протаранив врага под Поньрями. В 1943-м на счету **Николая Михайловича** было 29 побед (14 – в группе). 432 раза поднявшись в бой и вернувшись невредимым, майор продолжит сражаться в 279-м ИАП до конца войны. Он выйдет в отставку полковником в 1955-м, по праву гордясь не только «Звездой» Героя и орденом Ленина, но и орденом Александра Невского, орденами Красного Знамени и Красной Звезды, Отечественной войны 1-й степени, которыми был награждён дважды.

Многие земляки знают, где находится бюст старшего лейтенанта **Гавриила Гавриловича Гуськова** (в п. Нарышкино), но не все помнят, что лётчик родом из Шахово. Был крещён в небе на биплане У-2 в довоенном аэроклубе, получил повестку в военкомат в 1941-м. Проявил отличие при обучении в Донецком ВАУ, чей первый авиавыпуск взмыл навстречу трагедиям и триумфам в том же опалённо-кровавом году. «Соколы» 653-го ИАП, освоившие новейшие первые «ЯКи» дебютировали на Калининском фронте, позже истребляли воро-

гов под Демянском, где в феврале 1943-го храбрец Гуськов навечно «приземлил» семерых крестоносцев. Перебазировавшись на Брянщину, полк, ставший 65-м Гвардейским, участвовал в Курском сражении. Командир звена Гуськов имел на фюзеляже 15 «звёздочек», но 17 июля пал смертью отважных вместе с однополчанами В.Пономарёвым, С. Альбиновичем и А.Лебедевой в жесточайшей сече с 30-ю истребителями Люфтваффе. Ленинскому орденосцу, смельчаку с орденами Красной Звезды, Отечественной войны и Красного Знамени, было 20 лет...

Выпускник Борисоглебского ВАУ **Михаил Иванович Евтеев** не был «кузнечиком» к вторжению армий Гитлера по плану «Барбаросса». Лейтенант обладал опытом поединков с «рыцарями» «Суомен Юлмайоймат» (ВВС Финляндии), впоследствии угодил в ад обороны Ленинграда. Комэск 11-го ГВИАП ПВО провёл 65 боёв в ходе 285 полётов между жизнью и смертью, свалив пушкой и пулемётами «ЛаГГ-3» шесть захватчиков в группе и 16 машин противника лично. За годы войны с Германией Герой Советского Союза, дважды награждённый орденом

Красного Знамени, а также орденами Александра Невского и Отечественной войны 1-й степени, сокрушил 22 самолёта. Полковник вышел в отставку в год смерти И.В.Сталина, вёл военно-патриотическую работу в Ленинграде до 21 июля 1971-го, так и не вернувшись в родную Карповку, которую покинул 33 года назад...

Его ровесник из орловского Знаменского, **Фёдор Захарович Калугин** осуществил мечту стать лётчиком в 1940-м, с отличием окончив Качинское ВАУ. 8-й ИАП, вооружённый И-16 авиаконструктора-земляка Н.Н.Поликарпова, встретил войну после зимнего противостояния с финскими пилотами, защищал небо Подмоскovie. В дальнейшем младший лейтенант, виртуозно владея ЯКом-7Б, сражался на Северном Кавказе, над Ростовом-на-Дону. К переименованию полка в 42-й ГВИАП (июнь 1943-го) Федя завоевал авторитет снайпера истреблением 13-ти вражеских машин, уничтоженных им в ходе

252-х боевых вылетов. Лидер 2-й эскадрильи был в гуще воздушных схваток за Таманский полуостров, сбил ещё несколько самолётов в товарищеском союзе с однополчанами. Герою Советского Союза посчастливилось выжить в войне умов и моторов, успешно закончить курсы Военно-воздушной академии. Трижды отмеченный за героизм орденом Красного Знамени, дважды Отечественной войны 1-й степени, орденами

Ленина и Красной Звезды, полковник Калугин завещал чтить ратную доблесть победителей фашизма. Его знали все в авиаграде Жуковском, где он проживал и не дожидаясь сутки до празднования 31-й Годовщины Великой Победы...

Есть в Орловской области посёлок Спасское, откуда 5 декабря 1921 года из крестьянской семьи вышел в мир и на войну Валя **Кузьмин**. Вдумчивому технарю, в отличие от бесстрашных лётчиков-истребителей, выпадет тяжеловесная фронтовая судьбина – он станет штурмовиком, покинув казарму Тамбовского ВАУ в 1942-м. Молодого офицера с ходу направили в 949-й ШАП, снаряжённый модернизированными штурмовиками С.В. Ильюшина. 1-й Балтийский фронт, 3-й Белорусский фронт – навсегда останутся трагично-прославленными страницами в летописи полка, незаживающими шрамами и осколками в памяти и телах выживших штурмовиков. «Летающий танк» **Валентина Сергеевича** и его стрелка-радиста к Победному году нанёс неприятелю разгром в виде потери 50 автомобилей и 10 танков. Экипаж, ведомый старшим лейтенантом и командиром эскадрильи, выполнил 115 боевылетов, при которых товарищи по оружию 24(!) раза вели смертельную дуэль с «ястребами фюрера». Штурмовики покарали семь «стервятников», подкрепив боевую удачу сослуживца – экипажа Героя Советского Союза А.И. Иванова. Увы, выпускник Военно-Воздушной Академии, подполковник, Герой Советского Союза В.С. Кузьмин, трижды награждённый орденом Красного Знамени, ленинский орденосец, заслуживший орден Александра Невского и Отечественной войны 1-й степени, погиб при чистом небе мирного времени – в авиакатастрофе 7 февраля 1957-го...

С выдающимся авиатором, уроженцем деревушки Моговка Шаблыкинского района, лётчиком-истребителем **Иваном Антоновичем Леоновым** авторам сверкнуло счастье повидаться не раз, быть с безруким асом в переписке, получить от него дар – автобиографическую книгу «Назван человеком из легенды» с автографом. Поддержанный другом В.П. Чкалова – М.М. Громовым, земляк бился с врагом одной рукой в 110 боевылетах, «завалил» шесть «люфтваффовцев» лично и два самолёта в группе. Полковник ВВС, Почётный гражданин г. Тула, единственный из боевых пилотов СССР, занесённый в Книгу рекордов Гиннеса, отметил труд писателей в Год 100-летия ВВС России:

«Лично я горжусь тем, что, воюя на самолёте Поликарпова Николая Николаевича ПО-2, я был представлен к награждению званием и золотой медалью «Герой Советского Союза». Я вдвойне горд тем, что получил высокое звание Героя Российской Федерации спустя десятилетия после войны, именно за успешное выполнение боевых заданий в годы Великой Отечественной, исполненное мной на крылатых

машинах «короля истребителей»...

«Я преклоняюсь перед Вашим трудом и перед сбором средств для издания Вашей книги «Штурмующий небо», приуроченной к 100-летию ВВС России и к 120-летию Н.Н. Поликарпова. Большое спасибо за книгу! Она читается легко и с большим интересом, создана в прекрасном литературном стиле».

С коренным орловцем, Героем Советского Союза **Виктором Алексеевичем Меренковым** авторы строк многократно встречались, когда бывший истребитель нёс трудовую вахту на заводе «Дормаш». Ему исполнилось 18 лет в 1941-м, спустя два года – он получил «права» военлёта в Сталинградском ВАУ и был отправлен на фронт в августе 1943-го. Мастер боевого пилотажа и прицельной стрельбы рассказывал, как сражался с «Мессершмиттами» и «Фокке-Вульфами» в небесах над Венгрией и Югославией. Его прославленный в боях 897-й ИАП, громивший экспертов и новобранцев Люфтваффе всеми наличными стволами ЯК-9 с моторами ВК-105ПФ мощностью 1240 л.с., ранее

отличился на Сталинградском фронте в составе 288-й ИАД, воевал на истребителях ЯК-1. Однополчанами Виктора являлись слетавшиеся авторитеты «лётных наук» – В.К. Чугунов, Д.Г. Барченков, Р.И. Сидоренко, П.П. Каравай, В.В. Микрюков. Полк участвовал в разгроме оккупантов на Курской дуге, затем размещался на аэродромах 3-го Украинского фронта. 21 декабря 1944-го старлейт В.А. Меренков, будучи в паре с капитаном М.С. Дворниковым на «свободной охоте» близ Секешфехервара, «вбили в землю» семерых крестоносцев, трёх – сбил орловец. К началу Победного года, Виктор, 166 раз глядевший в лицо смерти при небесных «корридах», уничтожил 22 самолёта, добавив к Триумфу в Берлине ещё пять машин противника. Подполковник вернулся домой после смерти

Вождя, со «Звездой» Героя, орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, с выстраданными орденами Александра Невского, Красной Звезды, Отечественной войны 1-й степени. Многие «дормашевцы», фронтовики, горожане и гости плакали, провожая воина в последний путь 14 декабря 1975-го...

Четырёхлетие Великой войны продержал свастику на прицеле капитан, отличник Армавирского ВАУ **Владимир Иванович Меркулов**, покинувший родной очаг в Погорелово под кличем всеобщей мобилизации. Будущий Герой Советского Союза вступил в войну штатным пилотом 15-го разведавиаполка в возрасте 21 год. Был переведён на Южный фронт, в ряды 43-го ИАП, перевооружённого с И-16 на ЯК-1. Соединение покарало захватчиков в Сталинградской Битве, на Северном Кавказе, Кубани, в Донбассе, освобождало Крым. К весне 1944-го Володя нёс на борту 23 победных «звёздочки», завоё-

ванных им в запредельном, неповторимом кошмаре 195-ти стартов во фронтовое небо. Затем «орла» направили под крыло 157-го ИАП, где он прошёл курсы комэсков, дослужился до капитана. В общей сложности, Владимир, до финала войны отомстил за Родину крахом 32 самолётов Люфтваффе. Сегодня трудно предположить, каким эпитетом назвал бы нацистскую саранчу на Украине генерал-лейтенант ВВС СССР, проживавший в Киеве с 1979 года. Едва ли не единственный из орловцев, Владимир Иванович награждался партией, правительством, Верховным Советом и Минобороны четырежды орденом Красного Знамени, трижды орденами Красной Звезды и Отечественной войны 1-й степени. Напомним, что его боевыми товарищами были беспримерные небесные снайперы: А.Е. Боровых, П.С. Шемендюк, И.П. Моторный, М.С. Баранов, Г.С. Холодный, В.Ф. Волков, Н.И. Свитенко, В.Н. Залевский, П.И. Муравьёв, И.С. Зудилов, И.В. Маслов, Н.С. Павлушкин, В.Н. Макаров, А.Г. Кулев...

Вряд ли задумывался о мемориалах, памятниках, галереях славы, о переплавке железа войны в металл мира Костя **Новиков** из деревни Орлово-Медвежово – жил, работал, учился, как все погодки. Изучал двигатели, авиапушки и пулемёты, шасси и оперение, стратегию и тактику ВВС за партой и у доски Серпуховского ВАУ, которое окончил через год после нападения полчищ Рейха на Польшу.

То, что небо покоряется смелым, сын крестьянина Афанасия осознал в окрестностях Минска, будучи новобранцем 131-го ИАП, одного из первых принявшего колоссальный удар Вермахта и Люфтваффе в июне 1941-го.

22-летний лейтенант на поликарповском И-16 отправил на тот свет пять человек экипажа двухмоторного, почти 17-метрового «Хейнкеля-111», взлётным весом 14 тонн. Смелчак был ранен и отправлен на два месяца в госпиталь. Восстановившись, расстреливал иноземцев под Москвой с боевыми собратьями по 862-му ИАП, летом 1942-го сражался в Битве за Кавказ. После Рождества 1943-го земляк имел на счету 16 сбитых самолётов (шесть из них – в группе) – личное свидетельство героизма за 200 вылетов. **Константин Афанасьевич**, участвуя в Курском сражении, чудом остался жив, уничтожив пять вражеских машин в течение суток. До взятия Берлина Герой Советского Союза до-

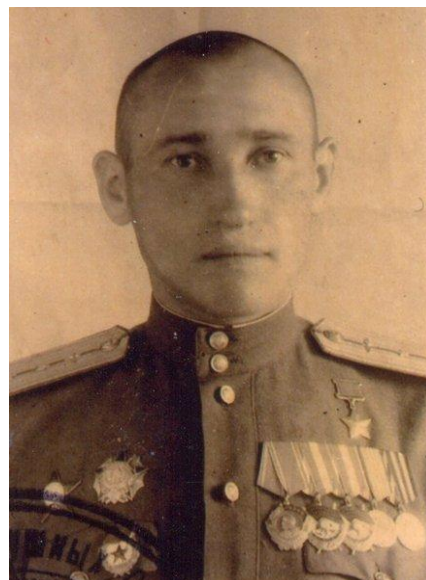
вёл победоносный счёт до 29, а демобилизовавшись, продолжил службу в авиации испытателем, проживая с семьёй в Москве. Те, кто знали его, никогда не забудут, как сверкали лучами на его груди орден Ленина, ордена Александра Невского, Отечественной войны 1-й степени, три ордена Красного Знамени...

Из Залегощенской Сетухи родом гордость Орловская – профессионал штурмовых налётов, дважды Герой Советского Союза **Георгий Михайлович Паршин**. Бывший инструктор аэроклубов Гродно, Чебоксар и Днепропетровска был отозван на фронт в начале осени 1941-го (Западный фронт). С 1943-го он командует эскадрильей штурмовиков на Северном Кавказе, позже повышает квалификацию на курсах совершенствования младшего состава и направляется в 943-й ШАП Ленинградского фронта. Дорогие труженицы Е.П. Барина и её мама П.В. Барина подарили экипажу Паршина Ил-2 с подписями «За Ленинград», «Мсть Бариновых». На бронированное творение КБ С.В. Ильюшина нанесли рисунок с видом

Петропавловской крепости. Машина окажется воистину под покровительством Георгия – его тёзка совершит за штурвалом свыше 100 боевых вылетов, истребит 10 самолётов, в том числе перехваченный «Фокке-Вульф-190». После войны Г.М.Паршин сотрудничал с «Аэрофлотом», но перейдя в испытатели, трагически погиб смертью авиатора в катастрофе 13 марта 1956 года. При жизни майор награждался четырьмя орденами Красного Знамени, орденами Александра Невского, Суворова 3-й степени, Отечественной войны 1-й степени...

В год Октябрьской революции увидел свет в орловской деревушке Подольяны малец **Иванушка**, по батюшке **Григорьевич**, по фамилии **Похлебаев**. Не знаем, в каком году пацан впервые увидел крылатую «этажерку» или аэростат, да забрали его в РККА в аккурат перед Халхин-Голом. «Университеты» пилотирования познал на бипланах и монопланах Н.Н.Поликарпова среди курсантов Ульяновского ВАУ. За природную смекалку и любовь к технике Ивана ввели в должность инструктора при «альма-матер», но массовая гибель лётчиков на фронтах, словно пропеллером, отрезала «бронь» небопроходца. С 1944 го – он замкомэска 101-го ИАП (2-й Белорусский фронт). До мая того же года старлейт Похлебаев отважно провёл 42 боя, победив неприятеля 18 раз при 138-ми взлётах и том же числе посадок. Трижды отмеченный орденами Красной Звезды и Красного Знамени, орденами Александра Невского и Отечественной войны 1-й степени, Герой Советского Союза, ленинский орденосец И.Г. Похлебаев, будучи полковником ВВС, подал в отставку, когда запустили первый спутник Земли. «Орёл» не вернулся на малую Родину, оставшись верным прописке в городе военархивов – Подольске...

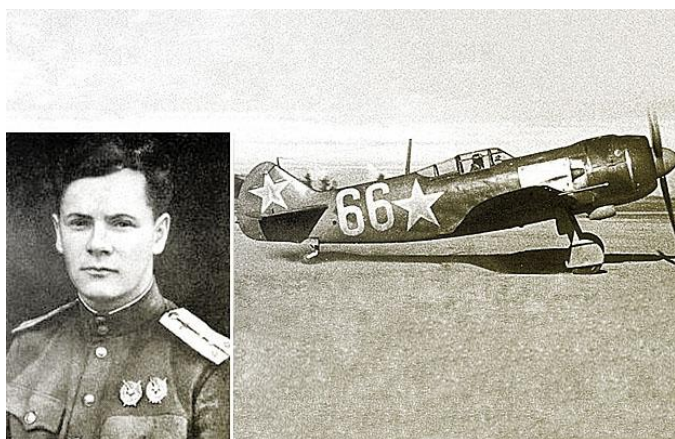
Как Присягу помнил родившийся в Орле **Василий Кузьмич Сидоренко** народную мудрость: «Дисциплина кровь бережёт».

Его призвали к исполнению сыновьевого долга перед Отчизной в разгар политрепрессий, поимённая суть которых внешне не афишировалась. В дни оккупации Франции Германией и первых налётов пиломцев Г. Геринга на Англию – земляк вышел за ворота Чугуевского ВАУ. По ряду многих причин был направлен в распоряжение 254-го ИАП (Волховской фронт) накануне 1943-го, где и был «посвящён» в лейтенанты. До этого полк понёс большие потери в Битве за Сталинград, в живой силе и в авиатехнике.

Перед сражением на Курской дуге соединение получило новейшие истребители КБ С.А. Лавочкина – ЛА-5 и ЛА-5ФН. Позднее, уже на 3-м Балтийском фронте, замкомэска, старлейт Сидоренко, осуществив 219 вылетов, уничтожил в боях 19 различных машин противника. В июне-июле 1944-го удалец сшиб семерых захватчиков, однако в финальной схватке с тремя из них – получил тяжёлое ранение и фатальное повреждение истребителя.

То был 350-й памятный вылет капитана, которого буквально по кусочкам-косточкам вернули к жизни врачи и санитарки. Василий встанет

на ноги. Будет учиться в Военно-Воздушной Академии и Академии Генштаба. Но даже когда генерал-лейтенант Сидоренко обустроится с родными в подмосковном Монино, «Золотая Звезда» Героя, три ордена Красного Знамени, ордена Ленина и Отечественной войны, два ордена Красной Звезды червоточили память

детальями эпизодов дуэлей, что познали его разум и тело в небе над станциями Лезые, Малюкан, в боях с «Мессерами» и «Фокками» южнее Пскова и близ Риги...

Сын Арсентия Сомова – Петя из живописного посёлка Суры на Орловщине, был крещён рождественскими морозами 28 января 1921-го, повсеместно голодного года. Игрушек – не видывал, спозаранку приучился к тяжкой сельской доле. Ловил мелкую рыбёшку, ходил по грибы да ягоды, сушил груши и яблоки. Подрос – младших не обижал, родным помогал, за девчат заступался на «пяточке» луга, любил лошадей. Погулять не успел – глядь, повестка в военкомат, а от туда – на два года в Борисоглебск, на курсы престижного авиаучилища. В середине осени 1943-го Пётр уже на аэродроме 482-го ИАП (1-й Украинский фронт). Здесь, в преддверии пилотажа жизни со смертью, он

крепко подружится с однополчанами Ф.М. Лебедевым, В.В. Зайцевым, И.И. Ландиком, В.И. Королёвым, П.М. Коняевым. Став замкомэска, старлейт Сомов, пережив непереживаемое в процессе выполнения 102-х вылетов, добился 18 побед над врагом. Развивая мартовский успех, мужественный пилот уложил ещё семерых летучих фрицев при общевойсковом наступлении на Берлин. Оставшись в строю после Победы, «орёл» занимался «штурмом» знаний в Военно-Воздушной Академии и Академии Генштаба, окончив их в 1951-м и в 1960-м годах соответственно. Толпы знавших генерал-майора, петрозаводцы, не слышавшие духом о нём, несли цветы на его могилу 9 Мая 1979 года. На подушечках, в руках близких и боевых ратоборцев тускло мерцали металлические слёзы Большой Войны – «Золотая Звезда» Героя, орден Ленина, орден Красной Звезды, три ордена Красного Знамени...

Несокрушимая вера в Победу, в мощь обороноспособности державы, глубокое почтение традиций и заповедей предков, отсутствие зару-

бежной проказы в сознании, обострённые чувства локтя и долга, родня, ждавшая воинов во всех населённых пунктах необъятной Родины, объединяли крылатых защитников в небе и на земле Отчизны, в Европе, Заполярье и в Азии.

Эпохальный истребитель
Н.Н. Поликарпова – И-16

Як-3 обожали не только
в «Нормандии-Неман»

Победоносный Ла-5

Як-1 достойно встретил агрессоров

Богатырский дух, сталистость характеров, гранитная воля, отчеканенная опытом удаль, взвешенность риска и феноменальный глазомер, слитие с машиной и пространством, чёткое знание уязвимых мест в конструкциях самолётов противника стали слагаемыми триумфа Советских ВВС в войне за господство в воздухе. Многоресурсность и крупнорезервность самолётостроения, воспитание многотысячной касты «сталинских соколов», их взаимодействие со всеми видами наземных и морских Вооружённых Сил позволили народам, жившим под дьявольским игмом, увидеть кромку Победного рассвета задолго до открытия Второго фронта в Италии и Нормандии.

В безумстве страха и в ужасе потерь формировались бесстрашие воинства, ювелирное мастерство переживших эвакуацию моторостроителей и авиазаводчан. Возросло качество в рядах армии механиков и оружейников, окрепла взаимосвязь служб снабжения, обеспечения и связи.

Да, были партийно-энкавэдистские перегибы, обвинения невинных, кара за плен, правдорубство и за сокрытие классовой принадлежности. Продолжались гонения на православие, ислам, иудаизм, различные религиозные секты, не исчезающие в полдень. Сверхпредельное снайперство доказали ценой крови и смерти русские «камикадзе» – штрафные эскадрильи. Отдельный роман – перегон тысяч американских «Аэрокобр» по

трассе Аляска–Сибирь, боевые действия истребительных авиаполков, подчинённых командованию четырёх Флотов Союза ССР.

«Спитфайр» воевал за Советский Союз

Было дело – «Кертиссов» не хватало

«Хоукер Харрикейн» охранял конвои и Заполярье

Штатовская «Аэрокобра» уважалась асами ВВС СССР

Цена Победы Краснозвёздной истребительной авиации – около 40 000 уничтоженных самолётов Люфтваффе. Крылатая Гвардия завоевала высший пьедестал множеством Почётных наименований, наград, в том числе от Правительств Антигитлеровской коалиции. «Звездой» Героя Советского Союза – при жизни и посмертно – наградили 895 пилотов-истребителей, не забыв результативных лётчиков авиаполка «Нормандия-Неман». Двумя медалями «Золотая Звезда» были отмечены – в жизни и навечно – 26 великодушных авиаторов Страны Советов. Не без личного внимания И.В. Сталина – трижды Героями Советского Союза стали выдающиеся асы Великой Отечественной А.И. Покрышкин и И.Н. Кожедуб. Десятки тысяч соотечественников, штурмовавших небо войны, истреблявших итало-германский фашизм и самурайский милитаризм, тысячекратно жертвуя собой, приблизили Салютные залпы 9 Мая и 3 Сентября 1945-го, обрели право на бессмертие и безгранично-восхищённую любовь освобождённых народов, что было во сто крат дороже орденов и медалей...

А что сказать о более пятистах воздушных таранах, о которых до сих пор не снят ни один полнометражный документальный фильм? Вот где не прививка от фашизма, а смертельное аутодафе – анафема планетарному нацизму, диктатуре, нациофобиям, вооружённому сатанизму!

Me-109, сбитый в 1941-м

Разбитый ju-88

Патриотизм – не слово, а священное понятие, вошедшее в разум и сердца Поколения Победителей. Познавшие его и передавшие сыновьям и дочерям, редко озвучивали его вслух, строкой, мелодией или кадром, ибо творили патриотику лично, в противовес кричавшим о ней с высоких трибун, до и после XX съезда КПСС...

Март 2015 г., Орёл – командировки по 24 районам Орловской области – Брянская область – Орёл

ТРЁХТОНКА

*Шофёрам и автомеханикам,
прошедшим ад дорог и бездорожья
Великой Отечественной войны –
посвящается*

Четвёртый день стоял невыносимо адский мороз. Захар Лапиков, проворный, худенький мужичок неопределённых лет, угрюмо ругался под нос, пуская клубы дыма, смешивавшегося с паром дыхания. Вчера, по пурге, у него застучал движок. И счастье ещё, что вспомнил он про ремень на промасленном ватнике. Зажал его кусочек шатунной крышкой. Кое-как сотню-полторы вёрст осилил, призывая на помощь волю, удачу и Бога, правда, иногда с матком, грешен был, право. Зато не успел отогреться, как стал героем: и БАО, и лётчики, и даже треногий «авиа»-пёс, прозванный Жиклёром – все они ожидали баранины, но что более важно – почты.

Сегодня, не отославшись, он вместе со славным малым с берегов Терека, тринадцати лет Гази-Магометом, был не прочь перетряхнуть 4,5 тысячи запчастей дальнего родственника АМО и штатовских «Аутокаров». Да вот беда: дед Мороз напал на Россию.

– Но ничего! Мы-то потерпим, а вот фриц с непривычки, если, конечно, выживет, может, не порадует фрау, близкий капут ощутит.

Его битое горем и рикошетом стекольной пыли лицо вызывало предельную жалость у сапёров и регулировщиц. Шрамы и болезненная хромота заставляли слезиться вдов и их потенциальных сестёр. А когда он, сверкая улыбкой негра, заходил пожевать в столовую или за командировочным харчем, тонюсенькая сирота-еврейка становилась Гулливером Добра прямо на глазах.

Он не был одинок. Недавно пришло письмо от жерновецких (сам себе его привёз!) – слава те, Господи, чьи-то руки успели выдернуть семью прямо из-под гусениц Гудериана. Но сейчас словно пусковая рукоятка крутила мозг: «Захар, семь часов на ремонт. Заберёшь интенданта и гони лошадей своей «вагонки» к детдому, да учительницу не позабудь!» – так, с час назад, брал его в «оборот» полковник, глава всех «Пешек» – Важинский.

Гази-Магомет, смышлёный чеченёнок, крепко помог. К полудню Захар, проверив борта кузова, оперативно сбив скамейки и натянув тент трёхтонки, легко пустил 73 лошади своего шестицилиндрового «товарища», уже обладавшего завидной репутацией на фронтах.

«Жаль вот кабина деревянная. Сколько брата от баранки загубила она, кто считал? Ничего не поделаешь. Знаем, как холодокатаный стальной лист

нужен передовой. Однако, раскудрит «Мерседес» через коромысло, она без нас не передовая», – в момент наполнения бака какой-то низкооктановой смесью думалось ему. «Да! Помню, брат шофёрский рассказывал (не из тех, «вороных», и «эмочных» щёголей, парень Москва – Каракумы в 33-м с «Фордами» гонялся): – Захарий! «Балалайка» наша амошная почти цельнометаллическая была, ну да чёрт с ней!» – Захар явственно вспомнил друга и шепнул Магомету:

– Ты смотри! Никому, турчонок! А то до Аллаха не докричишься... Андрюшка-то, покойник, сказывал, полетели с середины тридцатых головы красных директоров и конструкторов, и даже НАМИ* кровь пустили. И-и-и, самовар мусульманский, что ты знаешь. Тебе б с горянкой обниматься да форельку ловить!

Туго, словно природа захомуталась в бурлаки, наступила середина январского злобного дня. Эхо ночного воя ветров, казалось, ещё трясёт шапки с гектаров сосен. Издалека слышалась канонада взаимного артобстрела.

– Вишь, пророк, который день палят для проформы, а я им снаряды вози! Где ж, батарейные простофили, ваша экономия? – торопясь, крикнул механику Захар.

Дорога, видно, его заждалась, ведь он был самый частый по ней ездок. По случаю удачно нагруженный ЗИС, с прищуром «по-японски» закамуфлированной единственной фары, не спеша полз по припорошенной за ночь грунтовке, вдоль берега изредка стонавшей стыковой льда небольшой, но глубокой речки.

Вторая, третья, четвёртая – потом наоборот. И так же тысячи раз – монотонно урчавший двигатель и неприятное одиночество убаюкивали Захара, особенно на прямых. Парень русской глубинки, он телом и зрением знал эту заполярно-круговую, с позволения сказать, трассу и опытно гнал к спрятанному во мгле леса складу боеприпасов.

Узнал сержант об этом в последний момент, вырываясь из объятий юза близ КПП: Танюша, называемая Курочкой (родилась в Курске), правила шлагбаумом по привычке – лихо.

Какой-то неизвестный щеночный старлейт сунул ему в руки дорожную, да ещё прикрикнул, срываясь на фальцет (поэт! мать его...):

– Вези – не спеши, гони – не взорви!

– Тебя бы сюда без тепла; попробуй, малец академический, передачи дёргать, да карбюратор не застуди.

Попутчиков, может, к лучшему, не было. Все они тормозные – всё ноют, скулят они. А чего ныть-то? Будет умный да меткий на глаз бюргер-«лаптёжник», считай, всех в стокилометровом квадрате разбудим.

– Но будет, будет! – проговорил он себе, подыгрывая левой рукой задней оси на повороте. – Что ты, Захарушка, первый раз по медвежьим углам рейсуешь-скользишь? Дурь с утра в голову не тяни.

* Знаменитый на таланты автотехнический вуз СССР.

К радости его, артсклад был от центрального аэродрома недалеко – 15 вёрст, как обычно, с чисто русским, затяжным гаком. Обтекая знакомые выбоины и бугры, Захар всё больше думал о детях, которых предстояло забрать во вторую ходку: «Эх, полковник, они ведь не ящики для ПВО...»

Управился, как и планировал, быстро. Благо, заступила отдохнувшая смена – недавно прибывшие парни из-за Урала. Немногословие грубоватых шуток, крепчайший самосад на два перекура и – в добрый путь.

По прибытии разгрузка тоже не затруднила: зенитчики душевно не любили случавшийся голод в боеприпасах. Подхарчившись наперёд у Сары незавидной снедью, вполовину состоявшей из ленд-лизовских обязательств в виде приличного квадрата сала и почерстевшей краюхи хлебца, земной пилот, внимательно осмотрев радиатор, двинул, нащёл-кивая передачи и слегка завывая газом, по маршруту – на город. Погода потихоньку, незаметно, стала мерзнуть. Внезапно потянул лобовой шквал с недалёкого моря. Возбуждённое дыхание хозяина ЗИСа и попутчика-интенданта не освобождало «ветровуху» от нагромождения рисунков в стиле Снежной Королевы Андерсена. Захар про художества морозяки знал. Под рукой был соляной раствор, и всё же не мог не улыбнуться втихушку при воспоминании о Герде и Кае. Любила его луговая Дюймовочка-Маша старинный иней страниц.

Трагедийно изуродованный бомбардировкой, опалённый город несканно поразил его сразу на въезде. Причудливые «бороды» ЛЭП, крошево железобетона, предметы без названий и «опилки» от пулемётно-пушечной пальбы люфтваффовцев, немыслимые связки арматуры и тягучий, зажимающий запах пепелища судеб – всё это успокоило тем, что месяц шла интенсивная эвакуация.

У фундамента бывшей школы горел слабенький костерок. Братья-шофёры, по очереди, зачастую вприпрыжку, обогревали распухшие руки, балагурили, кляли немцев и грели кипяточек в латунном жбане на пару литров. Развести огонь посильней не без основания опасались – дебилов за штурвалы «Хейнкелей» и «Юнкерсов» в рейхе не призывали.

Потянуло было к хлебнувшим лиха, тихим и неприметным героям-коллегам, словно нарушился развал-схождение: поговорить, сальцом поделиться, о новостях расспросить. Но суровый взгляд интенданта (кто его знает, может, парень из ГПУ) остановил духовные и желудочные подвижки.

– Курс на детдом, сержант! Кушать будем по окончании боевой задачи. Нам ещё к паровозу поспеть, а там у станционных, пожалуй, и заночуем.

Изрядно помучившись из-за потери былых ориентиров, Захар молча крутил свой «глобус», представляя, как здесь живётся сиротам. Многие ведь не были ими всего месяц назад.

Сухо подвывая трансмиссией, завёрнутый в иней ЗИС, словно недовольный дурным бензином, и то начал постанывать раненной в былом рамой, попытался заглохнуть. Шутка ли! Был бы спидометр, счётчик пробега показал бы сейчас, что старина – на финише второго бульжно-трактового круга. Пыли хлебнул он круто. Не раз «железюку» мучила жажда. Сотни раз, разрезая иглами фар дожди и метели, проходил летучий русский через туман, повизгивал клаксоном советским «Фордам» на Волге, не терял мощности на «линии Сталина». А сколько спас раненых!

Захар не дал сплеховать ветерану, мысленно и физически общаясь с ним. Интендант задремал. И вот, наконец, знакомый поворот согнулся змейкой – улица Сталина.

Улица, конечно, была не Вождя, а народная, и народ за неё так крепко и исключительно неподражаемо, жертвенно стоял, что казалось, крестоносное вражьи окончательно потеряет магнето, посадит «аккумулятор нового порядка», попутно открыв с десятков-другой известных и безымянных кладбищ. Стояли русские насмерть. Падали, но продолжали стоять.

Раздумья Захара прервались каким-то муравьиным шорохом и покошачьи хитрым поскрябыванием его простреленной «мессерами» водительской дверцы. Сквозь муть бокового стекла на него смотрела пустота. Чернота размывала силуэты, треща, королева-ночь воевала со всеми.

Выйдя из заглушенного авто, он подивился, кто бы это мог быть. Районные «околышевики», говорят, частично спалив «бумаженцию», погрузились на всё, что двигалось на неделе. Да до дверцы было не близко: подножки упразднили, беречь нечего – отступаем.

Вдруг по правому скату заскрежетало. Звук консервной банки неприятно резанул слух. Появилась голова маленького человека – не то пацана или заморенной голодом девочки.

– Дядя, ты кто? Тебя генералы за нами прислали? – еле слышно, придавлено пропищал шестилетний ребёнок.

– А мы с Витькой тебя целый день поджидаем! Чо ж припоздал, дядька? – суровее и громче проговорил он. – Можно в кабину?

– Эй, товарищ капитан! Освобождай пространство! В автополку прибыло, – с трудом выдавил он из себя, пытаясь внезапно задрожавшими, чёрными от ужаса дорог руками крутануть «козью ножку».

Ржаво пропела петля. Интендант, едва не упав из-за отёкших ног и недавней тряски, виновато и скупно улыбнулся.

– А где же Прасковья Андреевна, гросс-мамаша ваша? – сбалагурив и хватая ребёнка под попку, с серьёзным видом проговорил он.

– Чей будешь, малой? Как зовут, будущий наш хранитель? Верно, об истребителях Поликарпова мечтаешь?

– Карп.

– Да ну! Ай да русич! Редка рыбёшка. Всё больше зимой по ямам спит, – шутил Захар, молнией припомнив барских салухов и карпят, что

водились в пруду помещицы со странной фамилией Дорф. Отец, помнится, плотвицу туда с реки запускал. Зёрна подбрасывал, потом сократили барыню с внуками, как и её фамилию. Революция.

– Ишь вы, заковырочные, – жуя вручённый капитаном сухарь, отходил мальчонок.

– Вот вы, защитники наши, скажите. Тётя Паша вчера до-о-о-лго-о плакала, говорила, немец убил брата под Волоколамском. В декабре было. Только вчера узнала. Слышали про наступление и про Пирл-Харбор читали, но почему фашисты так далеко зашли? Как так? Все знают, русские не одним лыком шиты.

Молчание. Долгое, с виду беспричинное молчание и нервный хруст сухаря в клубе махры, не прошедшей затяжку. Где-то на окраине взревела сирена. Ночное небо расчертило зеркало десятка прожекторов.

– Каждый день бомбят, – слезливо продолжал Карпик, – каждый день, ночь. За что, спрашивается, наш город не может спать спокойно?

Пара воинов столкнулась с не по-детски взглядом на мир. Кто знает, чем закончился его кровотокающий монолог, если бы паренёк не воскликнул:

– А вот и наша любимая тётя Паша! Дюже способная.

Тёте Паше на вид было лет пятнадцать. Полутораметровый подросток, придавленный болью войны. Интеллигентное лицо, словно лакмусовую бумажку, профильтровала быль былой оккупации. В бездонных глазах с тенями недоедания выделась потеря родни. В угадывающейся зарождавшейся прекрасной фигуре просматривались старческая сутулость, плети угробленных непосильным трудом рук. Одежда не имела языкового описания.

– Я – за директора интерната, – звучно и так убийственно для взрослых мужей скороговорила она. И кинжальный ком нервной, а не курительной одышки, перекрывающий сердца, начал душить полуобмороженных пап.

– А где же остальные? – капитан, увидев в ней убитую в июле жену, хлебнул спирта из фляжки.

– Пппа-шенька, где остаа-льные? – переспросил он, стараясь заглушить истерический озноб, который изредка посещал его после проклятущего лета.

– Да вы, товарищ, душу-то не рвите. В бомбоубежище все. Только не двадцать, а восемнадцать.

Молчавший Захар был словно пронзён штыком.

– Как восемнадцать? Вчера же...

– Вчера наши «дорнье» сбили. Мальчишки постарше, раньше нас на «разведку» пошли – под ним и погибли.

– Ну, зови всех, поедем. Даст Бог, переправим вас в Среднюю Азию!

– А мне мама говорила, там солнышко большое-пребольшое. Да, дяденька? – с грустью спросил Карп.

Пират Люфтваффе

Завьюжило...

Поклон за каждый метр дорог!

Прасковья Андреевна вернулась минут через семь. Те, кого она привела, представляли собой самое несчастное из всех несчастных зрелищ, что породила война. Это были маленькие тыловые герои, не познавшие радости, ласки, любви, внимания, счастья; это были мужественные свидетели цивилизованной омашиненной бойни между народами – не подранки, а полностью искалеченные дети войны. Отнюдь не с Арбата.

Но они хотели подсознательно жить, пить, есть, расти. Они уже думали, КАК убить армию крестоносцев.

Пресс многотоннажной боли сжал сердца военных. Капитан Хромых и Захар испытывали тяжесть вины перед ставшими для них своими сынишками и дочурками, а ведь её не существовало. Время лопнуло вне циферблата. Отцам, и мужьям представлялось, что их ЗИС выехал в вечность, в великую чёрную дыру трагедии XX века, причём не обозначенного созвездия.

Капитан Хромых глянул на переправленные военкомом отцовские часы. Как вчера: «Халхин-Гол, Жуков и Чойбалсан, Рычагов, Смушкевич, их друг по Испании Шахт, Кравченко и Грицевец. Где искать могилу ба-ти? Был и нет!»

Прошло с первой встречи с Карпушкой пятнадцать минут.

– А ну, грузись! – сбросил кандалы горечи Захар.

– Жмись друг к дружке. Парой рук за лавку держись! – кричал он, подсаживая ребятишек. – Я вас так прокачу, письма писать мне будете. А, может, после войны и на судаков с жерехом выберемся, как Карпий?

Мороз и впрямь обнаглел: 40°, не меньше. Капитан уселся в кузов последним. Задёрнул тент, раздал детям шубнины, захваченные с собой, передёрнул по справедливости и солому. Он боялся этих 70-ти километров, как и Захар, больше всего на свете. Кто может видеть ночь, то бишь, будущий день в миру? А тут...

Мины, мессер, снайпер и шмайссер...

Выехали. Самостоятельно, не дожидаясь утренней колонны. Поезд отходил на рассвете. Лапиков, чувствуя себя внутренне постаревшим, усиленно вжимался в руль, старался мягче работать сцеплением и переключать передачи.

Он вспомнил, как возил тяжелораненых моряков Балтфлота, и прилагал максимум усилий, чтобы не беспокоить будущее поколение, которому было абсолютно всё равно, жёсткая ли, мягкая на кручение рама, тракторные обороты и малые свесы сзади и спереди.

– Мученик, великомученический наш народ! За что же пропасть такая из века в век, неужто из-за земли? У них мало – у нас до чёрта. А братец жёнки говорил: «Лагеря, лагеря, Захар, вокруг границ, лагеря».

«Тьфу, клеймёны мы, в чём-то прокляты! Царь, вишь, был иродом. Так ли было? А колхозы?» – мысли мучили его, и, кивнув сосредоточен-

но смотрящей на дорогу Паше, бывший выпускник районного автототоклуба при ОСОАВИАХИМе плавно нажал на газ.

– Странное дело, полпути за спиной, а «мамаша» не спит, молчит. Боже, за что нам это. Ну вот и руль что-то тянет влево. Добожился, покрышки вы мои архаичные.

Притормозив у леса ближе к обочине (штабные «Вилли» и ночью «летают»), Захар вышел и оказался прав: левый передний скат поджевало. Осветив фонариком другие, решил помаленьку ехать – вёрст двенадцать осталось, но с оказией: хреновым гаком.

Гак – что ручник; крутишь на протектор сотни метров его, а он (до чего ж гадкая русская мера длины) никак не кончается.

Гак – бывает предатель. Сотни вёрст добре прошли. Хоть в клаксон во всю мочь дуди, и вот – гак; словно гав, гав, злющий, как волкодав.

Легендарный ЗИС, медленно в лёгком крене полз, упрямо полз вперёд, к дому. Тяжесть руля в навалившем за ночь снеге становилась невыносимой. Глаза от перенапряжения и хронического недосыпания свинцово тянуло закрыть. И ноль было толку от слюны по векам: величайшим счастьем представлялся СОН. Захар не мог бросить остаток сил на запаску. Времени у них с Хромых и ребятишками не было. А тут ещё Гази-Магомет явился с вечной улыбкой – «И чего ж я его не взял. Просился ж, как маленький, мол, когда славный город России увижу».

Капитан, не дававший заснуть малышам (мороз ведь убийца!), тоже смекнул, в чём дело, хлопнул по захаровой крыше. Остановились.

– Что, орёл, думаешь? Может, дотянем? Рассветает. Паровоз, сам знаешь, через три дня.

– Нет, не успеем, – выдохнул правду Захар. – Привал надо делать. Кипяточку согреем, сальца порежем. Есть второй фронт – тушёнка. А? Капитан?

– Да... Что ж...

Завтрак всем поднял настроение, сняв грусть опоздания по известной причине – голод не тётка. Тронув через полчаса и удивляясь отсутствию раннештабных авто и мотоциклов, «детдом» в полном, новом составе порадовал авиамаршем, отрепетированным ещё до войны.

Слеза вновь накатила на Захара, когда Паша непроизвольно, невзначай вспомнила, как осталась одна. «И как земля носит таких, как Геринг? Читал, помнится, – ас Первой мировой войны.»

На глаз оставалось не более пяти-шести километров. Дорога вынесла ЗИС из прибрежного бора. Лишний вираж, словно знак, обозначил приближение к концу пути.

И тут. Знакомый звук, то был звук смерти. Он шёл с небес, и направление его было не трудно определить Лапикову. Он одиночно ныл с того берега, что был немецким. Отлаженная работа дюжины поршней говорила Захару о «Даймлер-Бенце» – сердце пиратствующих в одиночку «мессеров», которых не тормозил от атаки даже Красный крест.

Сержант помнил заповедь «искусству пилота ставь условия искусных гонок земли». Он ненавидел страх и знал, что он обречённый, хотя случайный попутчик. Высунувшись в окно, тщедушный смельчак видел худой фюзеляж, угловатые формы и солнечную искру фонаря. Представил лицо сына барона с опытом африканской войны и европейских сражений. Он неистово, с шестерёночным скрежетом, подтолкнул вторую передачу и решил идти на гашетке, на высоких оборотах. Назад в лес уже пути не было.

Паша что-то кричала, Хромых молотил по кабине, как одержимый, но Захар их уже не слышал. В семистах метрах, он помнил, – оставленная землянка радистов, и, выжимая потроха ЗИСа напрочь, жал, жал туда.

В первый заход «109-го» отважный шофёр мастерски ушёл от атаки, нырнув в котловину грунтовки, на этот раз (который раз!) выручившей его. Захар забыл про покрышку, которой, видимо, давно не стало. Руль стал легче, должно, скат приказал жить. Секундно мозг считал метры без ландшафтных «зацепок». 150, 250, больше трёхсот – где? Осинка. Вот осинка. Она! А «мессер» заходит, чуть клюя носом, вновь.

– Капитан! Здесь землянка, помнишь?! Спасай детей!

Спрыгнули все, успели. В шаге землянка от них, бежать запрещено – трассер настигнет. Бледный Хромых заталкивал в неё, будто автокамеру, немощную девочку. Дети спасены! И тогда пулемётные очереди, пошли сечь, будто кнутом, с присвистом топили снег, кратко повизгивали скупой сечкой мёрзлой земли.

Рванулся в буксе Захар прямо, как птица, спасающая дитя у гнезда, в тот миг, когда «Ме», завывая на бреющем, метнул снаряд «Эрликона».

Зажжён был ЗИСок мгновенно. Долго потом катилось здоровое его колесо, похрустывая бликующим настом. Трескуче пылали борта и кабина. В отсвете пламени казалось, что след протектора полит кровью, а стёкла покрылись паутиной трагедии, словно лоб столетнего старика. Сержант выпрыгнуть не успел. Не сумел. А трёхтонка ползла на берёзовый пенёк.

Слёзы катились градом из глаз капитана, судорожно рыдающей Паши. Не было слов у детства – дети, оцепенев, стали на время немые.

* * *

Потом, когда всё утихнет, Победу отпразднуем мы. 18 седых ребяташек приедут сюда, спустя 54 весны. Погладят землю, поплачут. Наркомовских сто нальют. И правильно, что всплакнут, Захария они помянут.

Ваня Хромых, отучившись на стрелка-радиста, прошёл Европу, Гоби и Хинган. Дважды был сбит с командиром эскадрильи пикировщиков Цветовым. Дослужился до майора. Позже не раз выручал в страду и на целине, будучи начальником ПАТО.

Прасковья Андреевна станет его женой, защитит кандидатскую по Макаренко, и не устанет повторять воспитанникам:

– Запомните и славьте прадедов, дедов, отцов, братьев, мужей и сестёр. Не забывайте, что Тыл в лице миллионов матерей и жён вынес невыносимое!

На новый памятник Шофёрскому Подвигу в правительстве средств не нашлось. По чести, машины-то есть: стоят с белым кантом покрышек, ржавеют на свалках, ожидая металло-Бендеров, уходят на пол-аршина под землю под дождём и снегом. Жаль, что ни МВФ, ни Голливуду, ни КПРФ они не нужны. Забыли, власть и иже, что нет ничего позорней стыда беспамятства?!

Боль прошлого, боль Человечества в войнах и святая память не будоражат почерствевшее поколение.

Что ж, ЗИС – Забвение и Слава – нераскушенный орех многих тысячелетий.

«ИДУ НА ТАРАН!»

*Антону Губенко, Дмитрию Кокореву, Виктору Талалихину,
Николаю Терёхину, Борису Ковзану, Сергею Колыбину,
Борису Пирожкову, Василию Синчуку, Петру Шавурину,
Алексею Артамонову, Юрию Лямину, Павлу Пологову,
Алексею Хлобыстову, Григорию Репихову –
всем Героям ВВС СССР, совершившим более 600 таранов –
посвящаю*

1

На соснах – щетинится хвоя,
Осины уже не дрожат.
Над рощами Подмосковья
Проходит воздушный пират.

Берлинской любовью заласкан,
Держа за щекой шоколад,
Ариец ждёт орден на лацкан
Ещё за несброшенный ад.

Ехидна усмешечка аса,
Топорщится щётка усов:
– Вечернее соло фугаса
Сорвёт даже крышки гробов.

– Пусть предки поднимутся кверху,
Мы их потревожим чуть-чуть
За Грюнвальд, за штурм Кёнигсберга,
За льдисто-красавую Чудь.

Художник Д. Пентланд

Ах, как это будет красиво!
Что Киплинг? Я тоже поэт...
Тюльпаны ниспосланных взрывов
Примите, как скромный букет.

Букет? А не щедро ли, право?
Не слишком ли щедро? ВЕНОК!!!
И вдруг поднимается справа
Серебряный «ястребок».

– Мальчишка! Сгоришь как порох.
Зря возгордился ас.
Очередь... Сбой мотора.
Свет раскалённых трасс...

2
«Хейнкель» взревел надсадно,
Принял зловещий вид.
– Что, в небесах прохладно?
Что, под Москвой знобит?

Вновь самолёт в зените,
Виктор стёр пот с лица.
Тянутся-рвутся нити
Огненного свинца.

Пусть слабовата школа:
Вчерашний курсант страны...
Но лётчиков Халхин-Гола
Видел он до войны.

И по святому праву
Слева идёт на крест:
Очередь за Варшаву!
Очереди за Брест!..

3
Снова в пике. И с ходу
Цель «ястребок» берёт.
В спешке взрезает воздух
Вражеский пулемёт.

Вспышки – электросваркой,
Хрипло рокошет пасть.
Немцу в кабине жарко,
Мигом почувял власть.

К лёгкой привыкший к славе,
Жертве кричит: – Капут!
Звёзды на крыльях – давят,

Звёзды – ответ дают

Крупнокалиберный, гневный!
Пламя слепит глаза...
И на пределе нервы
Люфтваффовского туза.

4
Небо в зелёных звёздах,
Звёзды вокруг креста:
– Будет врагам погостом
Звонкая высота!

Не удалась разведка,
Кланяйся, гад, Земле!
Что ж ты молчишь, гашетка?
Воздух застрял в стволе?

Скроется. Действуй, тёзка!
Ветром точи крыла,
Чтоб каждая здесь берёзка
Силу тебе дала.

В обойму вошла патроном,
Прошла б насквозь дюраль,
Чтоб ввек матерям и жёнам
Душу не жгла печаль.

По каждому – кто не выжил,
По каждому – кто убит...
Стреляет, спускаясь ниже,
Оскалившийся бандит.

5
– Не вырвешься восвояси,
Подставишь крестовый бок...
Скорость ещё в запасе,
Выдюжит «ястребок».

Бьёт пулемёт фашиста,
Видно почти как днём.

– Метко сработал, чисто!
Локоть горит огнём.

Наших берут не сразу,
Рана – укус шмеля.
Если уйдёшь на базу,
Не примет меня... земля.

Взмыл, не почуяв веса,
Вот уже у хвоста:
Свастику бы отрезать
Ненавистью винта?!

Туго в бою открытом?
Строчи теперь, не строчи...
Жёлтым метеоритом
«Хейнкель» сверкнул в ночи.

Кажется, сильный ветер
Осколки разнёс окрест.
Словно не жил на свете
Надеявшийся на крест.

Больше не разговаривал,
Прахом стал в тишине...
Может быть, это зарево
Фюрер видел во сне.

Зарево наступленья,
Красную мощь крыла,
Жуткий грохот паденья
Гербового орла,

Что над позором рейха
Вис ещё, как живой,
Слушая мощность эха
Подвига под Москвой.

6
Издавна наши парни
Захватчиков бьют сплеча.
Небо им благодарно,
В нём что-то от кумача.

Помните, экипажи,
С крестом или без креста:
Красное небо – дважды
Нам сдаёт рапорта.

Ранней зарёй – до солнца,
После него – в закат.
Кому там ещё неймётся?
Ещё есть ночной пират?

Довольно с России дани,
И, мирное небо любя,
Ракеты пойдёт таранить
Не только лишь за себя.

Воздушные печенег —
Нам всякий под силу бой!
Пусть в страхе дрожат стратеги
Минувших и новых войн.

С блицкригом до блицспеха
Не стойте с календарём.
Таран – это почерк века,
Ответивший Злу – Огнём.

Картина В.Н. Барсукова

Борис Ковзан

Алексей АРТАМОНОВ

Антон ГУБЕНКО

Борис ПИРОЖКОВ

Василий СИНЧУК

Виктор ТАЛАЛИХИН

Григорий РЕПИХОВ

Дмитрий КОКОРЕВ

Сергей КОЛЫБИН

Юрий ЛЯМИН

Ас среди таранщиков –
Алексей Хлобыстов

Мастер атак Пётр Шавурин

Виртуоз боевого пилотажа
Павел Пологов

Гроза «стервятников»
Николай Терёхин

Кара за небесный разбой

На переплавку!

*К 70-летию Великой Победы народов СССР,
Великобритании и США
над Вооружёнными силами держав «ОСИ»
(Берлин–Рим–Токио)*

ПРАВДА О ЛЕНД-ЛИЗЕ

В 2015 году ветераны Великой Отечественной и их потомки отпраздновали не только Майскую Победу Вооружённых Сил Антигитлеровской коалиции над фашистской Германией. В сентябре 1945 года разгромом Квантунской армии и капитуляцией Японии была завершена Вторая мировая война, в которую было вовлечено 72 государства. В странах, участвовавших в самой кровопролитной войне Человечества, мобилизовали до 110 миллионов человек. Официально (чему стоит усомниться) называется число общих потерь с 1939-го по 1945-й год – в малых боях и грандиозных сражениях на земле, в небесах, в морях и океанах погибло около **55 миллионов человек...**

Победа СССР, Англии и США над державами «Оси» и их сателлитами была бы максимально затруднена без союзнического сотрудничества, вошедшего в историю под наименованием «Ленд-Лиз» (в переводе – «давать займы, в аренду»).

Многонациональный американский народ помог народам СССР 14 795 самолётами различных типов. Военным и гражданским Флотам были предоставлены 105 десантных и 96 торговых судов, включая танкеры и суда новой постройки. Для арктических широт и Северного морского пути отправлялись три мощных современных ледокола. Кораблестроительная промышленность США передала сражающемуся Советскому Союзу 202 скоростных торпедных катера, 77 тральщиков, 140 охотников за субмаринами, 28 военфрегатов.

Не менее значимыми являлись поставки сухопутной техники и вооружения, нужных Красной Армии как вода, спирт и хлеб. Труженики тракторных и танковых заводов Америки собрали и отправили в Россию 8701 трактор и 7537 танков разных «весовых категорий» и модификаций. Автопромышленность США отличилась поставкой добротных 375 883 грузовиков и 51 504 вездеходных «Джипов». Поколение защитников Отечества, освободители Европы от германского ига, герои трудового фронта – тыла, отлично помнят ратную и гражданскую эксплуатацию грузовиков «Студебеккер», «Додж», «Интернэйшенл», «Джиэмси», «Шевроле», незаменимые полноприводные «Виллисы». Мотоциклетные части получили во владение 35 000 мотоциклов, в основном одиночных «Харлей-Дэвидсонов» ВЛА-42.

Благодаря экипажам 42-х караванов, народы Америки фактически обули автовойска русских, переправив в годы войны 3 800 000 автопокрышек. Заручившись поддержкой ВМС Англии, оборонная про-

мышленность США направила государству рабочих и крестьян 345 000 тонн взрывчатки, 132 000 пулемётов, 8218 зениток. Кроме того, на железнодорожных магистралях и второстепенных железных дорогах покоряли пространство и время 1981 паровоз, 11 300 платформ и вагонов. Они прибыли помогать фронтам и тылам, благодаря очень напряжённой работе Дальневосточного пароходства, его начальника К.Г. Кондратьева, капитанов К.С. Бадигина, Г.А. Мезенцева, а также многих других моряков, Героев Северного Флота и приписанных к Мурманскому пароходству мирных судов. Здесь не обошлось без заслуг начальника закупочной Комиссии на западном берегу США П.М. Захарова и её уполномоченного Л.И. Разина, американского генерала Д. Бэрнса, курировавшего проблемы Ленд-Лиза в Москве. Много сделали для укрепления внешнеторговых связей между СССР и США глава Управления «Ленд-Лиз Корпорейшен» Э. Стеттиниус, внучка импресарио-эмигранта Лия Сигел, шеф моторной корпорации из Сан-Франциско, специалист по заклеплению паровозов на палубах, Менли С. Гаррис. За перегон знаменитых «Каталин» отвечал комиссар авиагруппы Н.Ф. Пискарёв.

Аляска – Сибирь – фронт

«Додж» – 70 лет на ходу

В наиболее тяжёлый период Великой Отечественной караванами, из числа которых канут на дно 58 транспортов, будут доставлены 2 миллиона 700 тонн газаolina, 842 000 тонн сырья для химической промышленности, 2 миллиона километров телефонного кабеля. Нынешние «историоманы» неожиданно «забыли» про размеры и пошив пятнадцати миллионов пар обуви для советских солдат, моряков, лётчиков, офицеров. Разве этот факт не доказательство высокой патриотичности янки, их безграничного уважения народов Страны Советов?! Разве тут не просматривается добропорядочность и верность слову Президента США Ф.Д. Рузвельта, ещё не отошедшего от японского разбоя в Пёрл-Харборе?

7 октября 1942 года И.В. Сталин письменно просил «борца с олигархами», воспрянувшего духом после налёта Б-25 Дж. Дулиттла на То-

кио, об ежемесячной поставке 500 истребителей, 10 000 грузовиков, 5000 тонн алюминия, 4000–5000 тонн взрывчатки.

«Я рад сообщить Вам, – отвечал Рузвельт, – что предметы, о которых идёт речь (к указанному: 2 миллиона тонн пшеницы и как можно большее количество мясных консервов, жиров и концентратов. – Авт.), могут быть выделены для поставок, как указано ниже:

Пшеница 2 миллиона коротких тонн в течение оставшегося периода протокольного года приблизительно равными частями ежемесячно (штатовская короткая тонна равна 0,907185 т. – Авт.).

Грузовики 8000–10 000 в месяц.

Взрывчатые вещества 4000 коротких тонн в ноябре и по 5000 тонн в последующие месяцы.

Мясо 15 000 тонн в месяц.

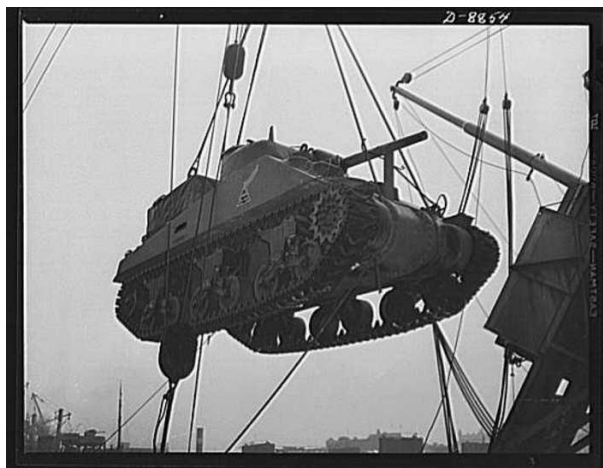
Консервированное мясо 10 000 тонн в месяц.

Свиное сало 12 000 тонн в месяц.

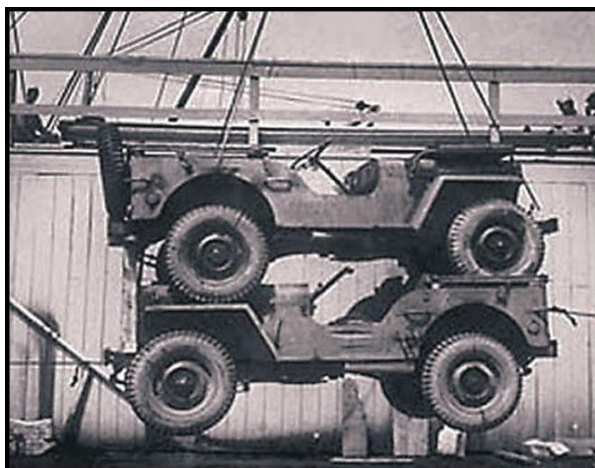
Мыльная основа 5000 тонн в месяц.

Растительное масло 10 000 тонн в месяц».

Мужественный инвалид и политик Рузвельт, приблизивший Победу в Европе и на Тихом океане – умер, не увидев и не услышав Её. Переживший Франклина Иосиф оставил нам «Ленд-Лизовский» должок – **722 миллиона долларов.**

Танкостроители Америки – СССР

«Виллисы» для Красной Армии

Напомним несведующим, что по пересмотренному соглашению от 1972 года срок его выплаты истёк... **1 июля 2001 года!** Непонимание друг друга проявилось ранее, в ходе переговоров 1947 и 1960 гг., когда стороны не пришли к соглашению из-за 1,3 миллиарда долларов компенсации, предъявленной США. По отношению к иным странам, участникам Ленд-Лиза, сумма оказалась завышенной, несмотря на готовность СССР погасить задолженность и возврат части имущества. Американцев можно понять: с 11 марта 1941 года по 1 августа 1945-го они израсходовали на Программу финансирования помощи союзников 46 миллиардов долларов. На этом «супербаксовом» фоне выглядит несуразно компен-

сация народам США дефицитных товаров-материалов на общую сумму **7 миллиардов 387 миллионов долларов.**

Королевская Великобритания также оказала поддержку СССР, за которую он рассчитывался валютным золотом. Плата советского народа вышла непомерно дорогой, памятуя торпедирование и гибель крейсера «Эдинбург», загруженного золотыми русскими слитками...

Тем не менее, в годы ВОВ наш Флот получил от «владычицы морей» 14 тральщиков и 9 торпедных катеров. Артиллеристы крушили фашизм из 4932 английских противотанковых орудий. Авиации Армии и ВМФ были доставлены 7411 самолётов, в основном истребителей. Танковые экипажи осваивали в боях, а не на полигоне 5218 танков. На фронты, где с задержками, а где в качестве спасителей отправлены 472 миллиона снарядов(!), 4005 автоматов и винтовок, по-разному отмечаемых нашей Великой Пехотой. Не без внимания короля Георга VI и его супруги, королевы Елизаветы, не было цены 4000 радиостанциям и 55 000 километрам телефонного кабеля.

США субсидировали Англии 30 миллиардов 265 миллионов долларов, что составило 3/5 общей помощи. **По обязательствам Московского, Вашингтонского, Лондонского и Оттавского протоколов, с 1941-го по 45-й год поставки по Ленд-Лизу принимали 42 страны.** Часть из них шла через Иран и Ирак, по авиатрассе Аляска – Сибирь. Другая – везлась на палубах и в трюмах 42-х караванов. Не всё выполнялось и доставлялось материально и вовремя. Но ведь шла война! Что творилось вокруг конвоев – разве уместить в горе с караваном «PQ-17»? Достаточно вспомнить, что с ним танкисты ожидали получить 120 «Валентайнов», более 370 средних и лёгких М-III, 90 «Матильд», 30 «Черчиллей» и 540 тонн танковых запчастей. Глава конвоя капитан Даудинг, едва не покончил самоубийством – почти вся техника (в т. ч. 210 самолётов) пошла на дно...

Вооружённые Силы СССР приняли всё, о чём говорилось выше, на сумму 11 миллиардов 260 миллионов 343 тысячи долларов, плюс 120 миллионов фунтов стерлингов, затраченных на медикаменты, заводское оборудование и продовольствие. Китаю и Франции ассигновали 531 миллион и один миллиард долларов. Латиноамериканским и другим странам – 421 и 424 миллионов долларов соответственно.

На руку врагам сыграла удалённость полей сражений и театров военных действий от фирм-производителей. Многие из добраимущества союзников не дошло по назначению. За конвоями велась неусыпная охота биноклями и перископами воспитанников гросс-адмиралов Э. Редера, Г. Лютенса, Г. Бёма, К. Дёница. С воздуха их атаковали крылатые профи Люфтваффе. Японские базовые и палубные ВВС тоже неоднократно нарушали «нейтралитет». Имели место частые подрывы транспортов на минах, особо – магнитных. Море горя принесли новые (и успешные) самонаводящиеся немецкие торпеды «Цаункёнинг»,

ориентировавшиеся на шумы винтов. Мало помогла России расшифровка кодов «Энигмы».

Веками сложилось так, что добро забывается быстрее и раньше зла. Уроженец Смоленщины фантаст Айзек Азимов был дальновиден, говоря, что судьба коалиций – распад. Но составляющее их – люди, которые обязаны дружить, независимо от расы и вероисповедания. Люди должны научиться уважать и ценить собратьев по Планете, не привлекая «для миротворчества» машины самоуничтожения!

Встреча союзников в Ялте

Когда трагедии народов будут обрамлены формулировкой «государственная ошибка» – никто из гладиаторов и кукловодов толпы не вспомнит строк:

*Как страшно, что во всех веках
Сам Человек рождает Страх...⁴*

⁴ Материал публикуется в значительном авторском сокращении. Большинство бюджетных СМИ отказали писателям в публикации с 60-летней по 70-летнюю Годовщину Победы (видимо, боятся угодить под санкции вместе с семьями, катаясь на народные по заграницам). – Р.С.В., 9.05.2015.

ПО ЛИСТОПАДУ 1947-ГО...

*Памяти репрессированных
в родном Отечестве*

... Они проснулись посреди ночи от громоподобного улюлюканья сирены и влажного пара, внезапно окутавшего их «батуш» – потный подвал.

– Прорвало! – просипела тень, чертыхаясь на топчан – наспех сбитую пивную тару, уморившую рёбра, словно тисками.

– Чего делать-то будем, Шляпа? – продолжал голос из невидимого угла, дополняя вопрос шороховой вознёй будто стадо Шушер из сказки подрежимного писателя Алексея Толстого.

– Пойдём, что ли к вокзалу? – хрипло пробасил его друже, шаря по карманам в поисках спичек.

Пристанище их было тёплым, однако ж шпана малолетняя свернула электрозаветы Ильича. Любопытный народец: дома жевнуть нечего, кроме тошнотиков да редко лошадиных мосолыжек, штаны американские поизорвали заборы и покрывшиеся репьями злобные дикие и не очень псы, а ребятня на последние гроши шпарит на рынок за голубями...

Им обоим страшно хотелось спать после дневных мытарств за обедками и болезненно унижающим нищенским подаянием. Ходили по очереди по дворам, сначала крадучись, потом обнаглели. О, как им позавчера повезло! У людей, видно, с головой не в порядке: кинули в мусор початый, правда, подкисший торт и в придачу пяток голов жёлтой, ядовито-солёной тарани. Пир на весь теплотрассный мир. Подфартило им с «гагарой», и никто из них так и не узнал тогда, что ели они со стола секретариата УНКВД. Хорошо ещё, что не узнали; поперхнулись бы от «темы праздника» – «перевыполнение планов по статье 58 со всеми подпунктами»... Одним словом, «тише дыши» – всё не говори. А завтра «генералы» кварталов, на радостях малой сытости, в поиске небитого винно-водочного стекла и не заметят, что солнце за горизонтом.

Теперь временное упоение чрева было прошедшим. Жизнь продолжала ворочать убожеский дуэт и сотни таких же лиц, промышлявших от заката до рассвета. Спеться с уркаганской «крышей» или поступить на должность «накатчиков» они, по ясному разумению, не могли: стена между уголовниками и политическими была выше Джомолунгмы...

Дундук зримо вспомнил невесть с чего «Межу» – редкого товарища набекрень – Менжинского. – У-уу-уу! Скотина! Это ты сделал меня таким. За что превратилась в ничто житуха на восходе коллективизации?! Сегодня же – хоть бы горбушку чёрствую от сердца вручили!

Общество, годами видя скитальцев, не замечало их. Страшноватые, обрюзгшие и похожие на неандертальцев, они вдвоём перемеща-

лись из Колымы, прячась в товарных «джени» почти год. Был с ними третий – беглый «враг народа» Демьян, мотавший сроки-этапы не за «мокрым гранд», – убийство с кровопролитием или грабёж с похищением домашней животины. Грех сказать, за что получил 10 лет ИТЛ с намордником: пчёл выращивал, местным дьякам помогал, а по выходным портретом всесоюзного старосты Калинина мух да оводов бил. Рассказывал, как маялся с роем, не шёл в колхоз. Усмотрели пионеры – смеялся, когда заворачивал мёд в «Правду» с Кагановичем, койй отвечал за массовую «экскурсию» населения в мрачный «город Катаев»...

Шляпа, крякнув, всхлипнул: пропал бедный самодур-пчеловод на безымянном перегоне, местной огненной воды захотел...

Зажравшегося вида конвоиры, неистовый лай доберманов режима и засовный скрежет в колюче-барачном периметре долго не отпускали их память и без того стёртую надломом хребтов на лесоповале. Бывало, блатюги и ссученые на стороне шхеруются, шарят места полегче. А им – «политикам 58-м» – зэкам с лживым приговором, к вечеру бинтануть руки нечем. На руки ещё подышать можно было, но ноги... Ощущение было таким, что их ампутировали! Морозище безумный, цинга, туберкулёз, обмороз насмерть и ППШ над затылком. Чего только не видали, когда освещалось будущее канонадой салютов и наши «танки быстроноги не сдавали»...

Шляпа не имел бирки на перешитой под гражданку робе, не было у него и ксивы за пазухой. Он никогда не был до удавки ГУЛАГа и Шляпой. Где он родился, клички давали только собакам и скотине, вспоившей собой индустриальную мощь СССР. На родине, в Копытцах, он числился без вести пропавшим Александром Никаноровичем Шляпниковым, лётчиком-истребителем энного ИАП. Впервые схлестнулся с воздушными самураями Хирохито в Китае и на Халхин-Голе. Прослыл жохом, освоив бипланы и монопланы конструкции Николая Николаевича Поликарпова. Участвовал в «войне незначительной» – Финской кампании. Сражался против «Суомен Юлмавоймат» из числа истребительно-бомбардировочных эскадр генерала Пааво Талвела. И вот... над родной землёй сбили, кровоточащего и обгоревшего били, а он молчал. Пахал потом за троих, словно «ишачок», в лагере. Англичане посылки через Красный Крест мнут, – русскому от головы до паха прикладом. «Коммунистен швайн, камисар юден» – лексикон «бельзенского зверя» Йозефа Крамера был незабываем...

В 1945-м думал, счастье пришло: освободили ребята генерала Джорджа Паттона – весёлые янки – а за свободой приговор и этап. Такая вот «могучая авиация страны социализма»...

Дундук – Василий Анатольевич Атаманов отличился на виражах предвоенного лихолетья, сев за рычаги лицензионного тракторишки, здорово отстающего от гужевой вечной силушки. Ровесник Цусимы, он крепко прикладывался к чарке и под неё слагал «антинародные» час-

тушки. Вихрастый завсегда «пяточков» у пруда тогда, он сейчас мог вдарить по клавишам и разогреть «бытовым» мышцы с мозгами.

«Полетели купола в речку неглубокую...

Не мешало б сбрить усы туруханцу подлому.

Надавлю весной педаль —

Пропластую землюшку!

Брат вчерашний—кулаки —

Бьёт с обреза в спиночку».

Попел, попил и – доулыбался: 10 лет ИТЛ с поражением в правах на три года. Семьи не создал. Червонцев в погребе, трясясь, не прятал – один в поле воин...

...Дети подземелья топали, не поднимая ног, почти безкаблучными сапогами под крыло вокзальной крыши, они ещё надеялись на добрых людей. Паровозное депо пытело и перекликалось перестуком и возгласами ремонтных бригад. Вдоль состава «колдовал» знакомый смотритель вагонов – «папаша» их тормозного благополучия. В стороне в лучах освещения виднелся дымок, резким и редким свистком напоминал о себе маневровый, а по всесоюзным путям пел на стыках Симферополь-почтовый.

Вздохнули едино оскорблённые и униженные страдальцы: мысли вылетели, как подброшенная пара сизарей к облакам.

ЮГ – море, фрукты, коробка «Казбека», летние синема, рестораны и вино, огни рампы и «гарандессы»...

И хотя машинист, словно чувствуя их думы, протяжно поиграл паром, звук которого растворился над сонным городом, режимная явь выжимала их курортные мечты и надуманные желанья однотипно системе работы виноградской соковыжималки. Здесь, в центре страны, как впрочем и всюду, давились не ягоды, а человеческие судьбы. Молитвы не помогали. Кругом жили новые мишени, однако не все чувствовали себя таковыми.

«Кушать, а завтра ехать, да не попасть в лапищи «ребят» из Особого треста по очистке облцентра от вредителей и грязи общества» – вот что лишало их покоя и сна...

Бухая заполярным отголоском так и не вылеченной простуды, Шляпа поведал корешу о том, как бывал в этом городе «туристом» ещё до войны.

– Славный городишко! Оставил отец меня с чемоданами, а сам в кассу пошёл за билетами. Минут через десять чапает носильщик: «Пациан, папа уже на перроне, велел подсобить!» Ключнул я, малёк несчастный. Глядь, а «банщик» улепётывает, миг – и в толпе растворился. Ах, как батяня уши мне в тот день накрутил, век не забуду!

Дундук, помня о пяти «юнкерсах» и паре сбитых Шляпой «мессеров», от души рассмеялся. Наивный «беззеник» поневоле и, к горечи своей, в натуре, он по-простецки подумал: «Россия, великая наша Русь, геройская моя Родина, подневольная рабыня и лжица! Кого же и как ты допустила править тобою? Люду ты в себя приняла в наши тридцатые не меньше, чем в опалённую годину войны...»

Это вроде бы машина «Скорой помощи» идёт...

«Сталин ничего не знает!»

Тень над ГУЛАГом

Вдруг из-за памятника вождю их окликнули: «Стоять, бродяжня!»

Они, не сговариваясь, тут же побежали, молча, не глядя под ноги, в спасительную темноту. Взрослые мужи перемещались столь шустро, что, увидев их бег со стороны, можно было подумать – они подростки. Величайший страх оказаться в зоне под забором, в рыке команд и беспределе беспорядков, прикрытых распорядком – уставом, наконец, кодексом при единой для всех овёсно-свекольной баланде, жал их к земле – только бы не пальнули, только бы не облава...

Душераздирающе голосил шарик в сантиметровом пространстве свистка, разрубая ночь надвое по следам якобы бандитов и мародёров. Впереди, опережая погоню, завывали злобным речитативом местные баскервили с кормом из государственной миски. Сознание преследуемых ещё более затуманилось: «Засада!!!» Им казалось, что овчарки хрипят в полубешеной пене басом извечно картавящей «Тройки» – «10 лет без права переписки, 10 лет... расстрел».

Полнейшее безумие ворочалось в голове тиком секундной стрелки и хотелось кричать на весь мир и грызть соотечественников зубами за свои потерянные ни за что жизни.

Неудавшийся танкист Василий, словно беркут, спикировал от света фонарей на пути. Он ломился по шпалам, не оглядываясь и не видя товарища по беде. Не слыша ничего и несколько раз упав, ударившись лбом о рельсы, не чуя хлынувшей крови и искр из глаз, он чувствовал, что его вроде не заячье сердце на грани вылета. Тут его со спины и покрыла насмерть дрезина...

Кошунственно лишённый наград ас боевого пилотажа товарищ Шляпников никогда не узнает об этом. Ему «замкнули стрелки» чуть позже, когда он думал, что спасся, запрыгнув в мусорно-пищевой ящик у харчевни локомотивного депо. Увы, нюх немецко-русских собак под ажиотаж травящих человека кинологов привёл Никанорыча к телесным травмам от прикладов, крепкой дозе успокоительного и «перевороту на лицо».

Процеженный диктатурой город спал, не ведая о новом витке чисток, хапающих, будто рогатый монстр, рядовых и крутых сограждан. По его мрачным улицам, пугая очень редких прохожих, мчалась «брюнетка» на базе ГАЗ-АА, та самая, что задумывалась для гаражей «Скорой помощи». Ревели её 50 «лошадей», везя шестерых охранников на одного мужика и нервный водитель сдвигал воем клаксона ранних автотружеников дорог. Разномастные полуторки, эмки, студеры и виллисы как бы нехотя шуршали «мячиками» и жались к тротуарам. Никто из смертных не слышал криков орденоносца:

– Пустите, мясники! Вы не знаете моего папу! Он брат Маленкова!

Час спустя вошло кровавое солнце, озарив багряную карусель листопада октября 1947 года. Диктор Левитан ещё спал. В двух полушариях неизвестными людьми шёл штурм распада вещества и реактивной эпохи, а репродуктор плакал оскоминой: «Широка страна моя родная, много в ней...»

СМЕРТЬ ШПИОНАМ!

(Борьба НКВД с Абвером на Орловщине в 1941-44 гг.)

1. У ИСТОКОВ «БЛИЦКРИГА»

Древний китайский полководец Сунь-цзы, а за ним Александр Македонский и его тёзка, великий Суворов, в своё время мудро сформулировали воинскую заповедь, не потерявшую актуальности и ныне: «Не знающий врага обречён на поражение».

Следуя вечному наставлению, более детально пройдем по истории нашего главного противника во Второй Мировой и Великой Отечественной войнах — гитлеровской Германии. В бытность КПСС глубоко аналитическое раскрытие и афиширование логова врага не особо приветствовалось, хотя первостепенным изучаемым языком в стране назывался немецкий. Тогда никто не предвидел тихий развал СССР...

Итак, датой образования ведущего органа разведки Третьего Рейха — Абвера — считается 1919 год, когда правительство Веймарской республики вверило генералу фон Шлейхеру объединить все секретслужбы под опеку министерства обороны. Несмотря на запрет, исходящий из положений Версальского договора, рождение и становление организации пропустили сквозь пальцы, поскольку официально она занималась контрразведкой в Рейхсвере.

К приходу А. Гитлера Абвер (от нем. — оборона, отражение) нажил себе массу врагов в ходе междоусобных интриг, казнокрадства и пр. пороков общества. Самыми опасными и непредсказуемыми из них были СД и Гестапо.

Хранитель тайн Рейха
гросс-адмирал
В. Канарис

Зимой 1935 г. гранд-шефом учреждения назначается авторитетный адмирал Кригсмарине Фридрих Вильгельм Канарис. Отстояв «вахту» вплоть до покушения на фюрера в 1944-м, опытный разведчик превратил Абвер в грозную силу при Верховном командовании вооружёнными силами Германии (ОКВ). С 1938 г., реорганизованный в Управление разведки и контрразведки, Абвер обеспечивал секретность приготовлений к войне. На его обширный контингент ложилась задача подрыва и развала тыла потенциальных противников, дезорганизация и дезинформация объектов нападения, вербовка и выгодное использование новых слуг Рейха в двух полушариях.

«Мозг» Абвера включал 5 отделов. 1-й (А-I) налаживал, добывал и систематизировал работу агентуры. 2-й (А-II) занимался диверсиями за рубежом и в тылу в случае военных действий. 3-й осуществлял

политический сыск в Вермахте, Люфтваффе, Кригсмарине и промышленности Германии, а также вел военную контрразведку. Центральный аппарат делился на подотделы: «Вест», «Ост», «Зюйд-Ост», «Аусланд», «III-Ф», «Абверштелле», «Кригсорганизатион» и др.

Подотдел «Вест» работал по странам Запада. «Ост» — ведал трудоспособностью разведки в державах Востока, где внедрялись агенты во все интересующие их сферы общества под многоликими прикрытиями. Были организованы спецподразделения для диверсионно-террористической деятельности, подрыва морального духа войск и тыла противников. Например, отдел А-II ведал формированием «пятых колонн», планировал и проводил захваты важных лиц и объектов, дезинформировал население, политическое и военное руководство.

«Щупальца» Абвера к 1939 году имели поистине глобальный размах, ибо дошли до Франции, США, Англии, Норвегии, Швеции, Финляндии, СССР. Искусно разветвлённая резидентура скрытно обосновалась в Китае, странах Африки, Ближнего и Дальнего Востока, на островах Океании и даже в Австралии. Отдел «Аусланд» и подотдел «III-Ф» специализировались (во взаимодействии с МИД) на проникновении в разведслужбы почти всех государств, выявляли планы их разработок, собирали и изучали литературу, прессу, радиопередачи, обрабатывали донесения атташе-тов и дипломатов. Центральный отдел патронировал финансовые, организационно-административные мероприятия, контролировал архив и картотеку разведagensуры. «Военные организации» с острым оком и нюхом функционировали в Греции, Турции, Болгарии, Румынии, Югославии, в Иране и Японии, в Швейцарии, Португалии, Испании, Аргентине...

Канарис инспектирует подчинённых

Достоинo выдержав заговорщеское противостояние со службой безопасности нацистской партии и с небездарной военэлитой СА и СС, Абвер занял прочные позиции в военной иерархии Фатерланда накануне Второй Мировой войны. Не вкусившие проблем обеспечения и финансирования, «питомцы» В. Канариса укрепили фундамент Рейха за рубежом и сыграли горестно-значительную роль в деле аншлюса Австрии. Следуя догмам «Майн Кампфа» и кличу

«Хайль Гитлер!», они спровоцировали Глейвицкий инцидент, открывший вторжение в Польшу по плану «Вейс». Реализуя доктрину террора, саботажа, распространяя антисемитизм и смуту среди населения, подкрепляя дезертиров и рекламируя «счастье нового порядка», они «удобрили» почву агрессии против стран БЕНИЛЮКС, участвовали в подготовке

операций «Морской лев» (блокада Англии) и «Барбаросса» (вторжение в СССР).

После заключения лживого пакта о ненападении, подписанного И. Риббентропом и В. Молотовым, Абвер развернул широкомасштабную деятельность в землях Страны Советов, народ которой поставлял Рейху всё необходимое для «блицкрига» (пшеница, уголь, стратегические металлы). Были сформированы диверсионные группы. На оккупированных территориях открывались разведшколы, принимавшие ненавидевших коммунизм, строго по выверенной конкурсной основе. Часть немалых сил была брошена на маскировку приготовлений, оставшихся в памяти, как «внезапность» и «вероломство», от которых не отмахнёшься парашютизмом, «Катюшами» и «Т-34»...

В кровопролитнейший месяц за всю историю Мира — июнь 1941 года — с протекции и по директивам ОКВ Абвер создаёт оперативный «штаб Валли», подбирает соотечественников—знатоков Русланда, воспитывает новый контингент сочувствующих в кругу недовольных сталинизмом, ищет пути к выходу на советское подполье в целях его истребления. Преступно попирая международные законы и концепции человеческого общежития, руководство разведдеятельностью на советско-германском фронте разделяло антигуманную тактику «выжженной земли» и в союзе с другими видами войск сокращало население нашей Родины, ещё не отошедшей от репрессий ГУЛАГа, смертоносного добровольчества в Испании, Китае, Монголии, а также в позорной финской кампании...

Через год поражений, отступлений, ужаса многомиллионного плена, неопишемого бега сотен тысяч с родных земель и варварского ига оккупации, учреждается «Зондерштаб Р». Подчинённые ему силы боролись с партизанским движением, вели агитпропаганду, поддерживали среду националистов в захваченных регионах, вели поисковые операции советских разведгрупп, заброшенных с самолётов, катеров и лодок у прифронтовой полосы. Это было сложнее японского разгрома ВМС США в Пёрл-Харборе...

«Подвиг разведчика», «Щит и меч», «Семнадцать мгновений весны», «Мерседес» уходит от погони», «Их знали только в лицо», «Шёл четвёртый год войны», «Конец «Сатурна» — советский кинематограф оставил высокохудожественное наследие, жестокое и патриотичное одновременно. И при неопределяющейся демократии из сотен миль документальных лент народу не показано практически ничего. Образ врага — человека и нечеловека, изменившего самому святому — Матери-Родине, подбирался по принципу С. Герасимова и С. Бондарчука: бандитский тип лица, полная безграмотность, звериные повадки, пожизненная фанатичность и стопроцентная обречённость судьбой, которую сотворил сам при неминуемом расколе войны на два лагеря...

Всякий, уклонившийся от боевого долга перед Отечеством, преследовался вплоть до погоста. Многие оказались запуганными НКВД,

СМЕРШ и народными мстителями. Часть отторглась от земли-матушки по бездушию и слабохарактерности. Другие — присягнули свастике из-за «шмайссера», поставленного в затылок отца, матери, братьев, сестёр, мужей и возлюбленных. Ещё не забыли про раскулачивание, взрывы церковей и «воронков», ещё жила родня, потерявшая всех за Полярным кругом и при стройках пролетариата. «В законе» матерела уголовщина. Не скоро попадут в романы — дезертиры, самострелы, шлюхи оккупантов...

Предательство советского гражданина — это парадокс, не освещённый мастерами союзов писателей, журналистов, кинематографистов, артистов, певцов. Ибо сложилось так, что справедливость в России приправляется щепоткой мести, посетившей и нашу Орловщину.

В боевую задачу настоящих «исаевых» и «вихрей» входила борьба не с карикатурным врагом-сеголетком, а с умным, изворотливым, предельно оснащённым противником, отнюдь не мечтавшем о героизме.

Не всех предателей знали в лицо, ведь прошлое — чужая страна, где всё от А до Я абсолютно по-другому. Однако приказ командования, разума, сердца, Отчизны, сама война выявили лица изменников. Тот момент истины стоил многим и разным нашим пращурам собственной жизни. Той самой обыкновенной довоенной жизни, тысячекратно осветившей салютом Май Победы, ради которой погибло ТРИДЦАТЬ МИЛЛИОНОВ граждан Союза Советских Социалистических Республик...

2. ДИВЕРСАНТЫ

О катастрофичности 1941 года, вступлении лязгающих полчищ Г. Гудериана в Орёл, героизме орловского подполья (известного не только по взрыву в отеле «Коммуналь»), как и о других событиях первого этапа Великой Отечественной войны, сказано и написано довольно подробно и много. Местная пресса с момента освобождения Земли предков от захватчиков, считала святым делом поиск и разработку материалов, приоткрывающих занавес над закулисным фронтом, тыла, оккупированных владений и логова противника. После войны прошёл ряд показательных процессов над предателями и убийцами своего народа. По фактам, рассказанным мне ветеранами, я попытался отобразить преступников в стихотворении «Вор чести воинской» и новелле-были «Узнал...».

А задолго до празднования побед, чествования и антисыновьяго унижения воинов, калек и Героев тыла ледяным бездушием бюрократ-аппарата партии, министерств обороны и внутренних дел — Абвер забросил в советскую Россию теперь уже неподсчётное число диверсионно-разведывательных групп. Изощённо подготовленные подразделения в составе от 10 до 50 человек (в зависимости от фактора обстановки и цели поставленных задач) добывали и классифицировали разведданные, укрепляли резидентуру, привлекали к сотрудничеству новых лиц, развивали сеть внедрения в советскую армию и её учреждения, способ-

ствовавали открытию либо изменению конспиративных явок и подпольных типографий. Многонациональный, смешанный состав групп вооружался спецдиверсионным снаряжением, стрелковым оружием, иногда — миномётами, лёгкими арторудиями и обязательно — портативными средствами радиотехнической разведки и связи. Перед скрытым переходом линии фронта наиболее важным персонам «нон грата» вручались крупные суммы денег, безукоризненные поддельные документы (часто из обмундирования ими же убитых советских военнослужащих), холодное оружие, мини-фотоаппараты, химикаты и яды для мгновенного уничтожения в случае обнаружения или захвата неприятелем. Что уж говорить про коды и пароли...

В переводе с латинского «диверсия» — отвлечение, отклонение. Толкуя с общевойскового — это действия отдельных лиц и групп в тылу врага, обеспечивающие вывод из строя военно-промышленных объектов, кораблей и баз ВМС. Под диверсиями подразумевают разрушение аэродромов, береговых и гидротехнических сооружений, коммуникаций, боносетевых заграждений, узлов и линий связи, важнейших транспортных артерий страны. Кредо диверсантов — ликвидация пунктов управления и руководства, пленение комсостава противника, истребление крупных группировок живой силы и боевой техники меньшим числом при снижении собственных потерь. Указанное едино для «Д. Бондов» под любым флагом. Как говаривал Роберт Зенд, общее у людей одно: «Все они разные»...

По сути огромного дела по задержанным шпионам-диверсантам в границах обширной тогда Орловской области давно плачет фундаментальный том, к сожалению, упущенный сонмом пенкособирателей сюжетов из пустоты (птички и фиалки в их «трудах» важнее истории человеческих взаимоотношений). Поразительно и показательно, что даже в демократическое время дипломированные, премируемые и шибко оплачиваемые эрудиты обходят лабиринтную проблему околицей, чересчур увлекаясь нескладушными ладушками напоказ. Профессионалы наук и академий при допуске к архивным богатствам, если и дорастают до диссертаций, держат их в секрете под подпиской, причём исключают возможность построения версий и субъективизм, без которых нереально приблизиться к истине. Отечественоведы, краеведы, публицисты, журналисты, писатели и очеркисты, телевизионщики и фотокорреспонденты уморили пастилой вдоль проторенных автобанов и молочных рек с кисельными берегами. Учитывая трусость, лень и подкупность «конструкторов» общественного мнения, сегодня частично восполним «немой» пробел представленной публикацией...

В годы оккупации в Орле были созданы спецшкола диверсантов (часть 0049) и школа разведчиков при разведотделе штаба «Виддер», которыми руководили граф Тун и капитан Фурман.

В 1942 г. органами госбезопасности СССР при попытках и переходе линии фронта неоднократно задерживались агенты немецкой развед-

ки. Так, в мае выявили и пресекли деятельность Козьмина В.Л., Шолохова Б.А, Сергиенко Н.С., Терехова И.Ф. и Антонова А.М. Бывший помощник командира батареи, лейтенант РККА, бывшие сержант и штурман авиации, бывшие командир роты и сапёр, младший лейтенант соответственно, будучи в форме Красной Армии, имели фиктивные документы, справки, штампы и удостоверения, изготовленные в Орловской спецшколе. На допросах они пояснили, что в её стенах работает особая лаборатория по взрывчатым веществам. При аресте у группы изъяли: тол, находившийся во флягах и коробках противогаров, револьверы «наган», гранаты РГД-33, винтовки «СВТ» с батареями капсюлями-детонаторами в прикладах.

В июле 1942 г., вслед за этой группой, мышковавшей в районе с. Красные Лужки, обезоружили диверсантов во главе с бывшим командиром отделения, сержантом А.М. Трофимчуком. В боевые обязанности его подчинённым — Курскому В.В., Титенко В.И. и Соболеву А.М. (все — дезертиры, бывшие красноармейцы) вменялось уничтожение железнодорожного полотна у ключевых станций и важных военобъектов.

Все четверо в начале войны оказались в плену, позже попали в Орловский централ, где были завербованы людьми графа Туна и направлены в его школу на ул. Георгиевской (Тургеневской) в г. Орле. Окончив её в ритме спаренных двоек в начале июля, они были переброшены на самолёте под Нижнюю Любовшу (последние двое), а Трофимчук с Курским — в район развилки ж/д Елец — Ефремов и Елец — Лебединь. Врагов снабдили двумя толовыми шашками по два килограмма каждая. Одетые в форму красноармейцев, диверсанты имели сфабрикованные Орловской спецшколой документы — аттестаты продовольствия, справки о лечении в госпитале, командировочные предписания. Трофимчук страховался справкой эвакогоспиталя на имя Богаткова. Этой группе удалось провести ряд диверсионных актов, до того как она была установлена, прослежена и арестована.

Ночью с 5-го на 6-е сентября 1942 года с немецкого самолёта парашютировался неизвестный, приземлившийся у одного из населённых пунктов Измайловского района Орловской области. В ходе оперативно-розыскных мероприятий его быстро схватили. Выяснилось, что он — агент немецкой разведки, радист «Б», прикрывавшийся фиктивными документами на имя уроженца г. Краснодара Лебедева Ф.Л., комиссованного от воинской службы приказом НКО СССР № 184 от 1/VIII 1940 года. Ряженный старший лейтенант, бывший помощник командира батальона связи, «прописался» в Ростове и Воронеже. Вместе с ним для сбора шпионских сведений был сброшен агент «П», однотипно экипированный и снабжённый ложными документами. Как доказательства, изъяты и предъявлены в качестве улики — парашют, портативный радиопередатчик в портфеле, запасные батареи к нему, личное оружие.

В ночь на 12-е ноября 1941 года в радиусе 50 км в районе Тулы кружил немецкий самолёт, взлетевший со Смоленского аэродрома. На

его борту находился некто «Дуров» — он же П. Данилевский, П. Данильченко, М. Горшков. Покинув машину, он собирал информацию о передислокации советских войск на ж/д Епифановского района. Паспорт, свидетельства об освобождении от воинской обязанности на разные имена были отштампованы германской разведкой.

Всего три месяца назад, когда миллионы человек попали под иго оккупации, после потери более 800 миллионов пудов хлеба и более 10 миллионов тонн металла в год, до сведения командования Красной Армии, ВВС, ВМФ и военнослужащих доводится Приказ Народного Комиссара Обороны Союза ССР И. Сталина. Помимо вопросов организационного характера и успехов боевого применения штрафных рот, в нём, в частности, говорилось (привожу Приказ № 227 выборочно и с сокращениями): «...б) сформировать в пределах армии 3–5 хорошо вооружённых заградотрядов (по 200 чел. в каждом), поставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникёров и трусов;

в) сформировать в пределах армии от 5 до 10 штрафных рот от 150 до 200 чел. в каждой (в пределах фронта от 1 до 3 штрафбатов по 800 чел. — В.Р.), куда направлять рядовых бойцов и младших командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на трудные участки армии, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления перед Родиной»...

Не за этой ли горестной страницей в нашей истории кроется всплеск фронтовых самоубийств, членовредительство, рост дезертирства, саботажа, клеймо обречённости власовцев, бандеровцев, «лесных братцев» Прибалтики? Никто не хотел умирать...

В январе 1942 года к шефу сыскотдела полиции Орла Г. Коху пришёл мрачно известный на Орловщине душегубец М. Букин — злейший враг коммунистов и советской власти. Выполняя задания Гестапо, преследовал местных жителей, разыскивал евреев и комсомольцев. При нём арестовали свыше 250 человек — почти все были расстреляны или погибли в концлагерях.

В отличие от злостных дезертиров А. Полеева, В. Шемлянникова, Н. Данчука и др. изгоев, скрывавшихся в Калабинском лесу близ Ельца, убивавших себе подобных для пропитания, Букин скроется от правосудия и будет бесчинствовать в каунасском концлагере «Провинишки». Возмездие настигнет отребье запоздало, но обязательно. Букин, Романников, Марунов, Швейгер, Серебряков, Мельник, Макрушин, Лунёв, как исполнители злодеяний, в ходе которых было расстреляно и уничтожено около 1150 ни в чём не повинных граждан, уйдут в землю в 1976 году так же, как диверсанты Абвера в опалённых сороковых.

И всё же повременим ставить точку, памятуя о том, что первой жертвой войны становится правда. Впереди сжатый рассказ о немецкой резидентуре в Колпнянском районе, о деятельности агентов «Сатурна» на Елецком, Воронежском и Тамбовском направлениях, о захвате ди-

версантов-парашютистов под Комаричами и Навлей. Более подробно рассмотрим многие забытые события и дело антисоветской фашистской организации «О.З.Р.Н.» — «Общества защиты русского народа», разработавшей планы «русского порядка» в Клинцах, а также дело ячейки «Истинно-православных христиан» в Красненском районе. Вспомним и о разгроме монархической организации «Иоанитов» в Орле...

3. ПРОКЛЯТЫЕ ВРЕМЕНЕМ

До войны Колпнянский район входил в административное деление Курской области. Здесь, на берегах суетливо-каменистой Сосны, родился один из первых Героев Советского Союза лётчик-истребитель Владимир Бочаров. Добровольно сражаясь в небе Испании, он проявил себя асом, сбив несколько франкистов и нацистских «кондорцев», но был пленён и изрублен извергами на куски, «в назидание красным собакам-коммунистам». Позже здесь едва не погиб один из лучших пилотов страны, тактик и исполнитель таранных атак Герой Советского Союза Борис Ковзан, спасённый колпнянцами...

Кто бы мог подумать, что германец, прошедший огнём и мечом Европу и часть Северной Африки, «вбурится» на такие глубины пролетарско-аграрной России! Кто из смертных по обе стороны фронта предвидел, что молох, эшафот, каток, гильотина и душегубка сверхтяжелейшей войны будут давить их жизни долгих-долгих четыре года?

Немцы прекрасно понимали стратегическое расположение района. Сразу же после захвата его земель Вермахтом сюда командируются тёртые офицеры: комендант Майер, его заместитель Клепп, специалист парашютного дела Ланг, бывший польский генерал Горин. Они координируют работу разведки и контрразведки, не скупясь спонсируют организацию сети осведомителей, вербовку шатко настроенных местных жителей. Один из значимых разведпунктов находился в Даниловке, где проживала предательница и резидент немецкой разведки П.Е. Белякова-Токарева. Подыскивая верных единомышленников, она сплотила вокруг супругов Тамбовцевых, а также А. Агееву и Ф. Коптева. По разным причинам или изломам жизни все они ненавидели советскую власть и, как тогда говорили, являлись социально-чуждыми, контрреволюционно-прокулацкими элементами.

С первых дней оккупации Колпнянского района они переступили понятие «Родина-Мать — зовёт!», вступив в преступный контакт с лидерами карательно-разведывательных органов всенародного врага. Активно занимаясь пропагандой «пряника нового порядка», они лично применяли «кну́т» против своих соотечественников, мирных сограждан. Изменники, тайно действуя на пользу фашистской Германии, выслеживали, вылавливали и выдавали наглou и заматеревшей немчуре коммунистов, евреев, партизан, комсомольцев и других советских граждан, не успевших уйти от бронированного нашествия «цивилизованных» варваров, либо осознанно оставшихся для борьбы с врагом методом диверсий и отстрела наиболее

отъявленных палачей. Проинструктированная Майером Белякова-Токарева совместно с членами своей группы запугивала, грабила и издевалась над местными. Сотрудничая с немецкими разведчиками, она переодевалась старухой, а затем «бродяжничала» по деревням и хуторам в поиске раненных бойцов Красной Армии и забрасываемых парашютистов. Та же система слежки культивировалась в кругу подчинённой ей резидентуры, в оформлении документов которой ощутимо помогали капитаны Маркс, Фишер и лейтенант Лойтш. Вся группа была арестована и предана суду в период освобождения Колпнянского района с 10 по 22 февраля 1943 года. Капкан захлопнула опергруппа УНКВД по Орловской области.

В мае того же года в семи километрах от Ельца, ночью были сброшены с самолёта агенты «Н» и «Д», окончившие разведшколу при штабе «Сатурн» (разведпункт «Ольга», отдел 1-ц; взлёт со Смоленского аэродрома). Целью заброса в советский тыл являлись подрыв ж/д полотна на путях Елец — Ефремов, а также поджоги военскладов. Диверсанты укомплектовывались 10 килограммами тола и 4 зажигательными снарядами с жидкой смесью, имели красноармейские книжки от имени ОО НКВД 48-й армии и числились в партизанском отряде «Волкова».

По легенде, «Н» и «Д» двигались к партизанам, идущим в тыл противника (уже после совершения диверсионных актов), однако для обратного перехода линии фронта их снабдили спецпропусками. Маленькая бумажка заворачивалась в тонкую непроницаемую резину и пряталась между пальцами ноги. Мандат был короток: «Особое задание, немедленно доложить 1-ц (разведотделу)». Кроме того, агенты надеялись на командировочные предписания от 209-го отдельного сапёрного батальона, по которым они ехали в Ефремов якобы за сапёрным имуществом. Лазутчики скрывались под формой старшего сержанта и рядового в погонах. Были вооружены винтовками Мосина образца 1891/1930 гг. и имели при себе продовольствие: прессованный хлеб, сыр в тубике, колбасу, ветчину, сахар, галеты. Даже махорку и спички они получили от снабженцев Абвера...

Разведчик-парашютист «Хлебников» олицетворял ту же «сатурнскую» школу, расположенную в Катynie Смоленской области. Выскользившие его кадровики из Отдела 1-ц, в котором хватало умниц и подонков, направили Иванова М.П. в Задонский район не пешком, а на «Юнкерсе-88». В задачу «раненого красноармейца, следовавшего из госпиталя», входил вояж по ж/д от Рязьска до Ельца через Мичуринск. «Командировка» сроком 7 — 10 дней включала выполнение следующих поручений: а) проверка состояния ж/д ст. Елец, анализ прохождения эшелонов и погрузки-разгрузки складов; б) сбор данных о всех перемещениях на ж/д ветке Елец — Ливны; в) разведка в Ливнах о гарнизоне, скоплении войск и техники; г) детальный шпионаж по маршруту Ливны — Коробеш — Кослюковка — Моховое — Ивановка — Жерская — Мурсино — Александра; д) переход линии фронта у д. Ивановка у позиций 409-го полка.

Небольшого росточка «Хлебников» имел при себе немецкий компас, «наган» с семью патронами, 2000 рублей и харч ровно на неделю. При задержании изъяты поддельные документы: справка из эвакуогоспиталя, продаттестат, требование на проезд по ж/д и записки о передвижении воинских соединений Красной Армии.

Гнали немцев с израненной и оплаканной Орловской земли, а суровым мужчинам из РО НКВД Колпнянского района предстояло потратить немало сил, смекалки и матсредств, прежде чем арестовать и ликвидировать резидентуру во главе с Д. Пушечниковым в составе М. Логачёва, А. Прокопова, А. Еськова, И. Русанова, А. Савонина. Во время оккупации, действуя под «крышей» капитана Майера и «пинкертона» Турсика, работник Гестапо, предатель Гала, лесник Пушечников, староста Русанов, бывший старшина Прокопов и другие «борцы с большевизмом» производили аресты и обыски, глумились над населением, распространяли нацистскую литературу. Они несли в дома ложную информацию о положении на фронтах, повсеместно утверждали о непобедимости германских войск и оружия, клеветали на советское правительство, партию и её вождей. Грифом местной комендатуры Крутое Майер выбил им привилегии, которые и привели предателей к должной мере наказания за содеянное зло, не имеющее покаяния и оправдания.

Уроженец д. Каменка Моховского района Орловской области В.И. Фомин обучался радиоделу в облцентре под надзором начальника разведшколы капитана Фурмана. 19 февраля, успешно окончив курсы, он был доставлен в Малоархангельск по секретному заданию штаба «Виддер» под псевдонимом Деев. К этому времени немцы оставили Малоархангельск, поэтому «Деев», как квалифицированный разведчик, был необходим «секьюрити» Рейха в облике его глаз и ушей. Парню 1919 года рождения вручили радиостанцию типа «Север», 9225 рублей, револьвер «наган» и обильный запас продуктов при всеобщем голоде. Местом хранения портативного передатчика и его выхода в эфир выбрали подвал разрушенного дома, бывшего... райотдела милиции. Чтобы «Деев» мог передвигаться по городу более легально, а также на случай провала, его «подстраховали» метрикой на имя С.П. Машенина, по которой он значился душевнобольным, эвакуированным из госпиталя № 3653. Прикинутый по одежке умалишённым, в миру Василий, успел разработать шифр и другие условности, до тех пор пока не был запеленгован и обезврежен как вменяемый враг народа...

В конце мая 1943 года, в результате чётко продуманных оперативно-агентурных комбинаций, 2-м отделом при УНКВД Орловской области были выявлены и арестованы парашютисты-радисты Абвера, разведчики «Репин», «Бойко» и «Перов». Наилучшие качества защитников Отечества в ходе розыска особо опасных госпреступников, продолжительное время шпионивших в Тамбовской, Воронежской и Орловской областях, проявили «волкодавы» отдела А.Е. Никульников. П.В. Райков, М.М. Исаев и Н.Н. Миронов. Все документы, изъятые у задержанных, фабриковались масте-

рами фальшивопечатания Германии от имени 409-го стрелкового полка Красной Армии и управления 60-й стрелковой дивизии. При них имелись: немецкая радиостанция, закамуфлированная под гражданский чемодан, график выхода на определённую волну, допитание в батарееках, шифр метеорологических сведений, подробные топографические карты и шифровки из Центра. Группа вредительски проживала 10 дней в Ельце и официально могла квартироваться в Мичуринске. Из дома у ж/д ст. Елец «художнички» контролировали движение поездов, за что поплатились жизнью по законам военвремени...

Абверовцы – на Востоке улыбки сойдут

Кара за измену Родине

Несмотря на череду провалов, штаб «Сатурна» и разведчики диверсионной школы «Ольга» не успокоились в своих притязаниях на советскую территорию. Ночью с 15 на 16 июня 1943 года в Краснозоренском районе Орловской области были десантированы агенты «Ж» и «В». Приземлившись в двух километрах от совхоза «Красный Октябрь», диверсанты не стали искушать судьбу, явившись с повинной. Обладая 12 кг тола, минами замедленного действия и зажигательными смесями в порошке, Г.З. Жуков и И.В. Волков легендировались именем штаба 41-й стрелковой дивизии и рембазы № 82, выступая в роли автоинтендантов, закупающих имущество для «ЗиСов», «ГАЗов», «Студеров», «Доджей»... У опомнившихся перебежчиков были отобраны: красноармейские книжки, аттестаты на продовольственное и денежное довольствие, удостоверения личности, справки и немецкие «аусвайсы» для беспрепятственного перехода линии фронта при возвращении. Участь раскаявшихся осталась неизвестной...

В далёкой Германии, ежеминутно терявшей своих сыновей, в драматической прострации холил лошадок Вильгельм Канарис. Операция «Эрих» (взрыв Беломорканала), «Эрна» (террор соввойск в Эстонии), «Тамара» (переворот в Грузии), казались шуткой на фоне гитлеровской программы уничтожения пяти миллионов российских евреев. Дороги войны и поход на Восток усилили давление СС, СД, РСХА. Адмиралу пришлось уступить элитную дивизию «Бранденбург», брошенную в са-

мое пекло в кризисную зиму 1942-43 гг. На фаворита — основателя Абвера — пошли в наступление Г. Геринг, Г. Гиммлер, Г. Мюллер, В. Шелленберг и другие профи по укладке своих проблем на чужие плечи. «Тысячелетний Рейх» лихорадило изнутри, и это было предвестие надвигающейся агонии и катастрофы, обесчестившей трудолюбивый германский народ...

4. ОЧИЩЕНИЕ РОДИНЫ

Вернутся ли...

Жители Орловского края поднялись на священную войну с крестоносцами с первого дня Великой Отечественной. В противовес вандальскому установлению оккупационного режима, фарисейски прикрывавшегося воскрешением православия, действовало классически организованное партизанское движение. В Орле, на глазах у врага, работала школа партизан и кадров под-

полья, подготовившая более 3000 подрывников, минёров и разведчиков. Основные отряды формировались под Брасово и Тросной. В Навлинском районе побывала делегация С.А. Ковпака. Началась сокрушительная рельсовая эпопея...

В бессмертной памяти Человечества остались подвиги и заслуги патриотов, ведомых А.Д. Бондаренко, Н.А. Алёшинским, Д.В. Емлютиным, А.П. Матвеевым. За два года войны в тылу противника партизаны взорвали 81 железнодорожный мост, пустили под откос 841 эшелон, 832 паровоза и 7 бронепоездов. Они уничтожили 175 танков, 70 самолётов, 63 танкетки, 1837 автомашин, 164 арторудия, а однажды, взорвав 64 км путей, парализовали врага на срок больше месяца. Защитники Края Предков истребили 147 835 захватчиков (в том числе трёх генералов), пленили 1683 «рейховцев». Тысячи партизан награждены орденами и медалями СССР. В Орле прошёл их первый парад, а через 70 лет – увы, не было митинга...

Германское командование, активизируя областные репрессии, решило перейти к аналогичной практике диверсий, для чего с Минского аэродрома в Брянские леса под село Игрицкое Комаричского района были заброшены на «Юнкерсе-88» шестеро парашютистов. Во главе группы,

имевшей задание осесть в Брянских дебрях с целью организации банд из дезертиров, предателей и немецких ставленников, стояли «Кравченко» (он же «Доронин») и радист «Колосов». Помимо сплачивания вокруг себя отщепенцев, на них возлагались теракты на ж/д, против советско-партийного, партизанского актива и командиров Красной Армии.

Д.В. Емлютин: «Бейте врага!»

Привал перед боем

В ходе проработки агентурно-оперативных сведений, мерами, принятыми начальником Комаричского РО НКГБ, майором госбезопасности Поповым, группу разыскали и обезвредили. «Кравченко» и «Коришкову» удалось скрыться, но были схвачены их напарники, агенты Абвера «Фёдоров», «Андреев», «Пермин». У всех были при себе фальшивые книжки красноармейцев, бланки поддельных документов — аттестатов, предписаний, требований, удостоверений и справок. Так, на имя бежавшего «Кравченко» немецкая контрразведка сфабриковала удостоверение от имени СМЕРШа 1-го Белорусского фронта, предоставлявшее ему неограниченные полномочия при передвижении, особо если оговаривалось «секретное задание». Диверсанты располагали рацией, вмонтированной в чемодан, ППШ, финками, топорами, противогазами, крупным запасом продуктов и 40000 подлинными рублями. После десантирования в ночь с 19 на 20 июля 1944 года к ним повторно высылался самолёт, сбросивший подробную топографическую карту для облегчения дальнейших действий. В письме от обер-лейтенанта инкогнито сообщалось: «Посылаю несколько ремней и палатку, чтобы починить чемодан. Автомат тебе тоже нужен. Не падай духом, продолжай хорошо работать и ты спасёшь положение. В деревне Ямное замечены огни, значит, есть жители. Привет от всех и много счастья. Прилагаю письмо друзей».

Ещё до «пришельцев» из Вильно явились с повинной «Стельмахов» и «Касинский», прилетевшие на ночном разведчике в Навлинский район севернее деревень Пролысово и Сытинка. Благодаря помощи спецпеленгаторной машины НКГБ и в результате розыскных мер, выяснилось, что агенты входили в бандгруппу из 18 человек. Ею руководил

крайне опасный изменник Родины, участник многих операций «Отнашев». Связь с Центром осуществлялась через ключ радиста «Сабинова». В задержании и ликвидации диверсантов-парашютистов в течение нескольких дней отличились работники Трубчевского РО НКВД и Орловского УНКГБ Гадаев, Зайцев, Кугучев, Шарабурин и Исаев, впоследствии награждённые правительственными наградами.

Согласно выверенному сценарию, эта группа представляла серьёзную опасность, ибо была мощно вооружена: 5 автоматов, 3 ручных пулемёта Дегтярёва, 4 бесшумных винтовки и несколько ручных гранат. Имея продовольствие на 10 суток, шанцевый инструмент и радиопередатчик, она готовила мини-аэродром для приёма самолётов и затем планировала произвести вербовку лиц из числа способных на террор своего народа, а также на убийство командиров Красной Армии и видных начальников советского тыла. Задуманное зло пресекли...

Война шла огненным валом на Запад. Уже как год освободили Орёл, а в Германии наиболее здравомыслящие офицеры предприняли отчаянную попытку освободить Фатерланд от главного виновника кровопролития всех времён и народов — А. Гитлера. Война могла окончиться раньше, были бы спасены тысячи и тысячи жизней по обе стороны фронта, но заговор провалился 20 июля 1944 года. Фюрера легко контузило и ранило. Расстреляли генералов Ф. Фромма, Ф. Ольбрихта, полковника К. Штауффенберга. Покончили жизнь самоубийством генералы Х. фон Тресков, Л. Бек и «лис пустыни» — фельдмаршал Э. Роммель. Казнили около 200 человек. Среди них — фельдмаршала Э. фон Вицлебена и адмирала В. Канариса. Из-за неудач в войне с Советским Союзом шеф Абвера и создатель беспрецедентного заграничного разведывательного аппарата ещё в феврале был уволен в отставку, а вверенные ему силы в связи с падением доверия к его руководителю реорганизовали в Главное управление имперской безопасности (РСХА). Адмирала повесили в концлагере Флоссенбург, доказав всему Рейху, что при диктатуре правды не существует. Ефрейтор, которого слишком долго лелеяли и повышали в звании, поздно переосмыслил Хельмута фон Мольтке: «Ни один из планов не выдерживает встречи с противником».

Возмездие неумолимо приближалось к Берлину, оно ускорило с открытием Второго фронта, но монстроподобные силы Империи Зла двигали «пешками» и «ферзями» на чёрно-красной «доске» Второй Мировой войны. На Орловщине опергруппы НКВД ловят поляка «Чеховича» и парашютиста «Каюмова», радировавших о передвижении советских войск. В конце июня 1944 года в Почепском районе с трёхмоторного самолёта немцы сбросили группу из 16 человек, приземлившись вблизи деревушки Пьяный Рог. Они подчинялись предателю «Курбанову», не раз выполнявшему задания «барбароссовцев», и вооружённые и экипированные до зубов, шли на randevu со шпион-группой «Хасанова», которая скрывалась в чащах Навлинского района. Усилиями НКВД, НКГБ, СМЕРШа и лично зам. начальника УНКВД по Орловской области подполковника Зайцева банду разгромили за неделю.

В деревне Красный Стяг сдаётся парашютист «Демухамедов», задерживается правая рука «Курбанова» — агент «Украинов», 12 лазутчиков кладут оружие в Ромасухинском лесу. Наголову разгромленные и распотрошенные на Орловско-Курской дуге, фашисты зондируют почву для новых реваншей, сбрасывая повсюду грузы для агентуры. Так, для радиста «Х», вредительствовавшего под Шахово Кромского района, доставили немецкий радиопередатчик нового типа, каучуковые штампы, печати и чистые бланки частей Красной Армии, закреплённые деньгами в сумме 100 тысяч рублей. В посёлке Локоть Брасовского района Абвер санкционировал рождение «национально-социалистической партии Всея Руси», известной как «Викинг». Представители Локотского округа самоуправления комбриг РОА Б. Каминский, обербургомистр К. Воскобойник и другие самовлюблённые аферисты под надзором главы штаба «Виддер» зондерфюрера Гринбаума и лидеров 2-й танковой армии, мечтали о всероссийском объединении антисталинских сил. Новоявленные господа собирались с визитом к А. Гитлеру, но почти все обрели смерть в ходе дерзкого налёта партизан и чекистов, отомстивших за издевательства над народом не только в Брасовском концлагере. Это они повернули наизнанку сознание ученику Локотской неполной средней школы Ивану Меркелову, по подростковой дури ставшему распространителем листовок. Разыскал заблудшего отрока начальник 6-го отделения 2-го Отдела УНКГБ Орловской области майор Новосёлов. Неизвестно, остался ли юный борец жив после ареста, ибо в листовках значилась приговорная для него пуля. Вот что не учёл М.М. Мартынов в книге «Фронт в тылу»: «...В чём заключается «Сталинская свобода»? В том, что нас за малейший прогул судят и штрафуют. Нас с завода не выпускают. Выходит, как поступил на работу, так и помирай на ней. Товарищи! Чтобы предотвратить голод, который неизбежен при существовании нынешнего строя, вступайте в наш союз. Союз борьбы против колхозов».

Вот вам, бабушка, пойми, чей тут день... Был я в Брасовском районе в недельной командировке. Народец там прелюбопытнейший: больше хитровато зыркает, чем говорит, хотя к 60-летию освобождения Орловщины ох как многих не стало. Оттуда я привёз стихотворение «Бывшая», вошедшее в однотомник «Шапка Мономаха», и позже – в книгу «Мы Вас любим, фронтовики!».

Бывшие подлецы, вставшие наперекор общечеловеческим канонам в ряды тайной полевой полиции (ГФП) вновь взорвут мирный ход жизни в конце 70-х годов, когда на суд новых поколений выведут предателей А. Рындина и Г. Голубева. Попав в плен, оба забыли о клятве Верности Отечеству, продали остовы и души врагу, вступив в команду 580 под патронаж полицейского комиссара Грамша. Эта группа хладнокровно учинила жесточайший расстрел в Медведевском лесу. На руках злодеев невинная кровь сотен комсомольцев, подпольщиков, партизан, коммунистов, евреев и местных жителей не только Орловской, но и Брянской, Смоленской, Могилёвской областей. Участники зверств и карательных походов, немцы Редигер, Клееберг, Бендикс, Горни были уже давно схвачены, а их приспешники-

русские скрывались под святым ликом героев-ветеранов. В суровую годину преступники рядились окруженцами, ездили на облавы, арестовывали и расстреливали несчастных соотечественников, в некоторых случаях с неопишным словами садизмом... В 1971 в Таллине выйдет книга Л.И. Баркова «В дебрях абвера», которую переиздадут через три года в Ленинграде под заголовком «В поединке с абвером».

Именем Союза Советских Социалистических Республик, именем трагедии, боли и слёз нашего народа, жизнью своей победившего нацизм и милитаризм, нелюди в человеческом облике станут мишенями по негласному Закону Справедливости. Его тайна тысячелетиями хранится в народной памяти — в крови, сознании и генах. Исполнителей-палачей однозначно казнят, но мы обязаны помнить, что в любом противоборстве наций виноваты дипломаты, политики, вожди, премьеры, короли и царевны, знающие когда и как подкинуть массам хлеба и зрелищ...

Вопрос — какой ценой и по каким ценам доведут они Человечество до вечного планетарного милосердия?

5. ПРЕДАТЕЛИ ПОД ВОПРОСОМ

В завершение новейшего экскурса о деятельности шпионской сети германских вооружённых сил на Орловщине необходимо рассмотреть ещё одну форму предательства. Проблема символизируется тем, что в период расцвета советских карательных органов широко практиковалась фальсификация уголовных дел в угоду провозглашённой линии Компартии: «Все на борьбу с троцкистами, контрреволюционерами и врагами народа!». Облзачистки, раскулачивание, насильный сгон в колхозы и конфискация имущества крестьян в пользу государства, дьявольские методы расправы над священнослужителями, подрыв храмов и их разграбление, расстрелы невинных в Липовчике и Медведевском лесу, бесправие осуждённых и «временно» заключённых в Орловском центре и СИЗО, трагедийное этапирование граждан всех прослоек общества по стране и, наконец, повышенная смертность за «колючкой» ГУЛАГа — вот вехи, из-за которых часть населения ошибочно уверовала в «гуманность» завоевателей...

Горько признавать, что фашистская (!) антисоветская организация появилась за три года до войны в Клинцах. В Уставе «Общества защиты русского народа» значилось (приведу документ выборочно и с сокращениями): «Борьба с Советской властью и вообще с идеями большевизма в интересах защиты русской нации от жидовского ига — основное направление группы (...). Наша группа стремится к уничтожению еврейской власти в России, что, конечно, является желанием русского народа (...). Похабный Сов. строй, чувствуя свою гибель, старается и как можно скорее ликвидировать свобододлюбивых людей, изолировать их от остальной обманутой массы, для быстрого построения второй Палестины (...). Мы им напомним, что наша родина — это будущая свободная Россия, а не существующая Советская Палестина».

Яро выраженный русский национализм под девизом «Смерть жидам!», к сожалению, был не нов. Он шёл параллельно истории страны аж со времён великого князя Владимира Мономаха, пророчески предсказавшего окаянную смуту в случае госпереворота во главе с иностранцами. Родоначальник династии самодержцев расейских, боровшийся с язычеством ради укрепления христианства, знал, за что Сын Божий проклинал предавший его народ. В пустыне зачали зародыш Утопий.

Вдохновителем клинцовских антисемитов был бывший брянский кулак А.С. Щёлоков. Украд на рабфаке печатную машинку, он вместе с «русскими патриотами» И. Кашкиным, К. Непши, Г. Фёдоровым, Я. Марченко, В. Максименко и др. (все — дети служителей культа и кулаков, к тому времени расстрелянных НКВД) распространял шовинистские прокламации, призывая быть готовыми к вооружённому бунту. Вот, например, контрреволюционные вирши тогдашних скинхэдов:

*Отчизна — мать Россия
родная ты моя,
сыны твои проснулись,
восстанут для тебя.*

Фактически сироты, объединившиеся в злобный союз из-за потери кормильцев, естественно, не созрели до понимания общенациональной кровожадности итало-германского фашизма и уж тем более самурайского экстремизма, провозгласивших «избранность» двух рас. Они не предусмотрели, что русские нацисты, не имея самостоятельности, в стане покровителей всё равно останутся рабами, в лучшем случае сыграют роль дворовых собак. Вредная правда аукнется на РОА Андрея Власова, отрядах Степана Бандеры, Ивановского и Акинчица, на Евгене Коновальце, убитом НКВД, на программе и жизни Йонаса Жемайтиса и Карлиса Ульманиса. Карающая длань большевизма настигнет представителей казачества — Петра Краснова, Ивана Кононова, атамана Григория Семёнова, лидера русского фашизма Константина Родзиевского, ударит бумерангом атеизма по главам духовенства и мусульманского движения Средней Азии. Но до предательства 2-й Ударной армии, репрессий на инакомыслящих «язычников» и переселения народов Ставкой ГКО, товарищи Холин, Пономарёв и Столяров, служившие при УНКВД по Орловской области, поставят крест на фашистах в Клинцах в сентябре 1938 года...

В Красненском районе, уже в годы оккупации, пресекли ячейку антисоветской организации «Истинно-православные христиане» (ИПХ) во главе с нелегалом В.Ф. Сериковым. Будучи под следствием в 1938 г., он бежал из-под стражи и продолжил «миссионерские проповеди» в положении «вне закона». По агентурному делу «Паутина» проходили 17 человек, руководимых также нелегалом С.С. Денисовым. Десять «истинно-православных христиан» проживали в подполье, образно названном «Закут». В ходе оперативных мероприятий, проводимых майором Андрее-

вым, старшим лейтенантом Гамолиным, майором Новиковым и другими «Шерлоками Холмсами» были обнаружены тайники. Группа была ликвидирована, причём конкретных дел и формулировок её жизненного кредо, доказывающих архиопасность для коммунистического строя, автору разыскать не удалось. Одним словом, «религия — опиум для народа»...

Непосредственно перед вступлением армий Вермахта в Орёл «приказал долго жить» филиал монархической организации «Иоанитов», занимавшийся антисоветской работой с 1935 г. Благодаря сотрудничеству с НКГБ и НКВД соседних областей было установлено, что филиал имеет пять домов, приобретённых за свои средства. В них оборудовались конспиративные тайники, где скрывались нелегалы, церковно-монархическая литература, товары, ценности и продукты. Бразды правления нёс Старец, он же Черенков М.И., Самойлов И.П. и Корольков Я.Ф. — нелегал, руководивший «Иоанитами» с 1907 г. В миру вне псевдонимии то был Василий Фёдорович Пустошкин, с 1925-го возглавлявший Союзное сообщество «Иоанитов» на подпольном положении. Схроны находились в доме № 9 на Бригадной улице в квартире М.А. Васильева, в квартире сына Пустошкина — Павла по улице Первомайской, 35, на улице Революции, в доме № 40, в квартире Л.А. Логвина, а также у Д.А. Дубовского и А.Е. Маслик. Организация ставила целью существования свержение Советской власти и возвращение самодержавия — каким образом (не со свечками же!) — осталось загадкой...

Символ НКВД —
Меч возмездия

В результате произведённых с пристрастием обысков, у сектантов изъяли фотоколлекцию. На бережно хранимых фото были запечатлены: упокойная Матрёна Киселёва, религиозная фаворитка, умершая в 1906 г. и вознесённая в святость Иоанном Кронштадтским как Парфирия; проповедник Кронштадтского собора Назарий, сподвижник и правая рука И. Кронштадтского; матушка проповедника и духовного писателя Иоанна Кронштадтского, от рождения Ивана Ильича Сергеева (Сергиева); сам протоиерей и настоятель Андреевского собора в Кронштадте отец Иоанн, превозносимый, как святыня (портрет и фото вместе с матерью и тётёй). Там же конфискованы сочинения «народного святого» и других мудрых старцев Русской Православной Церкви, нарукавники, пояса, передники для совершения религиозных обрядов, утварь, ценности и сбережения. У Луки Логвина арестовали Жилину Пелагею, Брюхнову Евдокию и их друга, оставшегося неизвестным. Неужели они молились за Гитлера и Абвер?

В июне 1941 г. 19 членов филиала организации «Иоанитов» расстреляли как «врагов народа» по приговору Орловского облсуда. Вопрос о посмертной реабилитации, ставшей возможной после XX съезда КПСС, вряд ли кем поднимался...

До и после рождения Будды, Христа, Магомета — тайное становилось явным, доставляя душевные муки живым и освобождая от мук души мёртвых. Предательство и ныне живо не только в отрицающем всё Мире, но и в буддизме, синтоизме, мусульманстве, иудаизме, христианстве, в среде протестантов, баптистов, католиков и кришнаитов. У предательства нет родины, тела и лица. Однако, как одно из реальных проявлений демонизма на Земле оно под контролем, хорошо обучено, вооружено и щедро оплачено. В нём заключены рождение, эволюция и эксплуатация планетарной лжи о «пятых колоннах». Ибо ни одно из производных человеческой жизни не действует без составляющих деталей общего механизма госмашины, использующей предательство и ложь для убийства генофонда собственного народа, якобы для его же блага. Дуэль человечества продолжается – в Африке, на Ближнем Востоке, в Афганистане, на Украине...

Январь 2003 – май 2015 гг.
Орёл–Ливны–Елец–Липецк–Ефремов–Тула–
Брянская область–Оптина Пустынь–Калуга–Белёв–Орёл

*Пытливые потомки
 Придут за нами
 вслед –
 Развязывать
 тесёмки
 Позора и побед...*

*Вторая Мировая
 С крестом
 и со звездой...
 Была б вода живая –
 Вернул бы всех
 домой!*

БОЛОТНАЯ ИСТОРИЯ

(Рассказ ветерана мотопехоты Вермахта)

Штуттгартец, фельдфебель «бээмвушно-цюндаппной» мотополиции Отто Бёренброк довольно долго приходил в себя после ожесточённых песчаных гонок под флагом Роммеля и Грациани. С появлением «Томагауков» и пушечных «Харрикейнов» американско-английского содружества и после гибели десятка друзей с гоночным уклоном ему день за днём приходили кошмарные сны.

В этих «оттяжках» разума почему-то снилось, что его убьёт обожаемый и ухоженный BMW, намотавший карданом без малого пол-Европы.

Здесь, в нескольких милях от Эль-Аламейна, Отто ощущал себя крайне дискомфортно, представляя, как любимица Эльза пометёт юбкой после его триумфальных похорон, в очередной раз приснившихся ему под беспардонно-наглый лай рупора Геббельса.

Очнувшись и задымив трофейным «Кэмэлом», фельдфебель что есть дури наподдал обнаглевшего и линяющего Рамзеса – вороватого кота, явно недостойного столь громоподобной клички. Протяжно взыв, тот поспешил ретироваться, попутно шипя проклятия, которых хватило бы на всю Долину Фараонов. Отто, цокая сапожными подковками, пошатываясь от вчерашнего шнапса, решил проверить часовых гаража.

Попытка застать собратьев врасплох резко нарушилась его стоном – сам не заметил, как налетел на ненавистный кактус. По слуху отчётливо кляцнул затвор.

– Halt! Wer ist das? – Стой! Кто это?

– Ehrenwache Spioneabwehr, – Почётный караул контрразведки, – пошутил неудачный ревизор над охранником.

– Teo!? Die Welt ist klein! – Тео!? Как тесен мир!.. Думал, что дремлешь, а мне кошмары душу не хуже приклада давят. Не слышал, о чём в штабе шепчутся? Дорогой мой, послезавтра на транспорты, а потом под все калибры на Восточный фронт. Прощайся, парень, со своей портовой Рафаэллой. Её теперь ни Муссолини, ни Арчибальд Уайвелл не защитят; готовься к смерти, берлинец...

И вправду, бывший затейник погромов Израэлей под повязкой Гитлерюгенда был в курсе предстоящей передислокации через Средиземное море. Он старался проявить максимум мастерства каллиграфии, трижды заполняя бумагу, пытаясь дать понять Эльзе, что на Северо-Африканском без перемен. Написал о чествовании при штабе «Лиса пустыни» бесстрашного аса Ханса-Иохима Марсея, известного как Звезда Африки. Отто крепко завидовал ему: Ханс был много его моложе, проявлял жуткое снайперство. А он, никому не нужный и неизвестный земляк Екатерины II, уже на курсах вождения мечтал облачиться в форму Люфтваффе и на равных «поговорить» с «Мессершмиттом-109» ещё в годы испанской славы легиона «Кондор»...

Отмахиваясь от вони керосиновой лампы, он вспомнил, как сопровождал Эрнста Удета после испытаний пикирующей «Штуки», когда тот едва не убится. Тогда он понял, что если уж падать, то лучше быть за рулём родной «бээмвухи», пусть даже пятисотки «Мото-Гуцци» из ряда апеннинских профи. Казалось, что всё было так недавно! Однако к реальности вернули опрокинувшиеся чернила, одолев затем стиркой его свеженькой униформы под цвет Сахары.

Случилось так, как он и предвещал: N-подразделение мотопехоты ехало теперь напрямую в пасть ада – под Т-34 и «Катюши» сверхжесточких пролетариев...

– Что делать? Великая Германия превыше всего! Да и опостытели эти египетские и мерса-матрухские барханы; того и гляди – в один из них превратишься...

В пути, где-то под Краковом, знакомый оберст, крепко приняв в затхлом и обнищавшем вагоне-ресторане, усугубил опасения, говоря, что со штурма Вердена не попадал в такой мясорубочный ужас, который познал под Ельней. Но Отто выпала карта покруче – его и фреундов ожидали партизаны и болота Белоруссии. Стучали по темечку колёса на стыках, и коньячная муть свербила в мозгу: «Отто, ты не вернёшься. Отто, ты последний мужчина в роду»...

Он подсознательно чувствовал, что события, развернувшиеся против Фатерланда, уже не повернуть вспять любимыми моторами. Оформляясь в комендатуре под крыло бургомистра взамен убиенного взрывом на прошлой неделе, он немало похлопотал, чтобы «прописаться» поближе к оживлённой трассе и населённым пунктам. Судьба же распорядилась иначе, она не брала взяток и выставляла вперёд своего главного слугу – случай. Комендатура спешно сколотила отряд – пару БТР с пехотой и дюжину мотострелков с «МГ» на колясках. Отто с большой неохотой выступил на марш по просёлку – любой из виражей мог стать не только для него последним.

Когда прибыли в дальний, скрытый дремучестью хутор, ничто не предвещало опасности. Скучная животиная, грязные дети и постаревшие от невзгод бабы тяготились «опекой» новых хозяев и молчали как рыбы.

Отто не стал давиться склизлой картошкой без постного масла и духотой в хате. Пожёвывая НЗ – галетный эрзац с остатками смальца, он вышел к обстрелянному не раз BMW, привычно качнул туда-сюда вилкой и, отгоняя страх, сковавший мозг в этой чёртовой дыре, решил прожиганить ко второй усадьбе на взгорке.

Звучно перегазовывая, стрекоча утробными силами верхнеклапанного двигателя и характерно «отхаркиваясь» хлопающей по ушам отсечкой выхлопа, его внезапно потянуло на былое каскадёрство.

«Побаливал» бывший участник стартов в Нюрбурге «детской болезнью» — ловлей центра тяжести как себя, так и аппарата, поднимая в воздух коляску. Взбалмошный фельдфебель душевно молодец, вспоминая по ходу щелчков передач, как он гонял «интеллигентов» в мирное

время, когда во главе штурмовой мотобанды накручивал десятки метров на заднем колесе допотопного, но удачного «Чатерли». То была дурь молодых поветрий и пора шокирования уличных и квартирных мэдхен и мэм. В землях Русланд было не до бравурного ребячества – просёлок ломался, в точности, как ступенчатый кроссовый серпантин.

Крутанув «жука» и чуть было не завалив изгородь, Отто уморил мотор интенсивным разгоном: пару раз чихнув и передёрнувшись словно в конвульсиях, движок обозначил режущую уши тишину.

Проматерившись, он спрыгнул с мотоциклета, пожалев, что под ним не его любимый одиночка — трофейный «Харлей» мощностью 25 «кобылиц». И тут Бёренброку стало не по себе: прямо на него, бесстыдно виляя бёдрами, шла сисястая молодая дама с хлебом-солью на рушнике...

Фельдфебель впал в транс глухонемого, только вчера болтавшего больше всех во хмелю, – короче, был в полном шоке. Всякие Лолы Монтес, Ольги Чеховы и Марики Рёкк были на фоне этой девицы ледяными вековухами с неопределённой пропиской. Он потерял разноязычный запас слов, и единственным, что он промямлил, было:

– Аусвайс!

Улыбка женщины била все вайсы без пороха, магически расслабляла Отто и невольно ложила его на лопатки, а речь лилась так, будто немец помнил её с рождения. Ему на миг показалось, что сирены – не сказка. Балуюсь крестиком и давя энергией взгляда, хуторянка молвила, опуская смоляные ресницы:

– Фёкла, герр офицер, Фёкла...

Он рассмеялся – всё равно, что полный бак залила! С признаком большого опыта она плюхнулась в люльку, магнитно стебанув по глазам Отто роскошной пышностью стана и розовостью бесподобных ног. Национальное «декольте», которое не увидишь ни на штрассе, ни на Монмартре, было по-простецки шнуровано плетёной бретелькой, его взвинченно тянуло раскрыть, а грудь с отпечатавшимися на ткани сосками вздымалась столь вызывающе, что доводила Отто до робости.

– Едем, голубчик, к речке. Банька там у меня, выпьешь-закусишь. Вдовствую я, горемычная дура, со времён Катинских расстрелов... Ну, что, наглый ты кобелище, слюни-то распустил? Говорю, трогай!

Пришлось тут фельдфебелю из кожи вон попрыгать: всегда с полтычка мотор заводился, а при встрече со Синдереллой проявил себя натурально «дойче швайн».

Тронулся ловелас с толкача, дело под горку было. До речушки, Фёкла сказала, рядом...

Пять минут пути не насторожили его – один глаз на дорогу, другой с радостью и, не моргая, на хуторскую богиню. Ему сердечно хотелось петь что-нибудь навроде танго «Неаполь», но красавица писаная отрезвила его мечты:

Мотожандармы на чужбине

Позирование перед смертью

Топь

Это было в Беларуси

Героиня подполья
Е.Г.Мазаник

– Тормози, малый! Ставь драндулет, нехай остынет на пригорке. Пешочком малость пройдем. Банюшка моя в низине, оттуда не выберешься. Грязюка... Гросс-торф...

Привыкший к мареву песков «африканец» нервно заёрзал в седле, сожалея, что его аппарат не имеет привода на коляску как у друзей – владельцев «Цюндаппов». Но основной инстинкт сломил чувства завоевателя. Доверился дурачина чужой земле, чужой бабе и про Эльзу даже не вспомнил.

За бугром не было мыльни. Едва ступив на хлябь низины, Дон Жуан рейха ушёл в неё со «шмайссером» по самое не балуйся. Он не мог шевелить ногами в этом хлюпающем зловонии газов: они представились ему ступнями водолазов. У него не было слезы, рядом не было собратьев. Дикий страх молниеносно зажал его в тиски, которые не раскручивались. Фёкла безостановочно и надрывно смеялась, и эхо смеха аукалось в его перепонках приговором к смерти. Он понял, что эта большевистская ведьма не задаром училась крутить бюстом и ягодицами. Генеральный комиссар Белоруссии Вильгельм Кубе знал о пропаже у Ползучих Дворов «лесных братцев» Акинчица и людей Ивановского, но и его уже выследила Лена Мазаник.

...Недолгая агония держала врага в объятьях: Отто захлебнулся трясиной, поданной главным хирургом партизан на десерт. Крики и хрип фельдфебеля никто не услышал, хотя овчарно-карательная братия сбилась с ног и покрышек в вечерне-ночных поисках. Всё, что осталось от спутника нацистских головоломов и преступлений запечатлелось в постскриптуме последнего письма Эльзе: «Милая! Не флиртуй, вернусь, зубы повыбиваю!»

Немного «пожил» и BMW, четырёхтактный ветеран с дуплексной рамой – оттархтел своё после теракта в мае 44-го...

* * *

... – Вот и вся история про гонщиков опалённых лет, господин писатель, – устало вздохнул сосед по купе, белый как лунь дед с безобразной культёй, которую я подсмотрел при ужине, но промолчал.

—Так мы воевали, верные служаки Вермахта, Люфтваффе и Кригсмарине. Страх – сколько люду было сожжено, убито, потоплено...

В окне замелькала семафорная и электрическая иллюминация Бреста. С тяжёлым сердцем и свинцовой тяжестью в затылке от пережитых эмоций я взял свой кейс и, попрощавшись, вышел на перрон.

Лунная ночь по-приграничному невидимой кистью живописала новые времена и нагло качала свои права. Я маялся в переходах, кассах и расписаниях. Мучительно думал, что не будь «обоготворённого» демагога, болезненного от газов Первой мировой – Адольфа Шикльгрубера – тысячи Гансов, Эрихов, Хельмутов, Генрихов могли бы жить припеваючи. Миллионы Иванов, Серёжек, Талгатов, Буб, Рустамов, Ибрагимов,

Ашотов были бы рады растить детей, собирать-чинить мирные машины, пахать землю, ладить венгеря и учиться, – **ВСЕ БЫЛИ БЫ РАДЫ ЖИТЬ** – без наиковарного Джугашвили, для большинства «дорогого» товарища Иосифа Сталина.

Они бы любили чистокровных ариек и евреек, полячек и чешек, венгерок и гречанок, россиянок и мусульманок, француженок и англичанок, итальянок и испанок, а, может, мечтали бы об единой международной семье...

Но, видно, мирное кровосмешение под прикрытием любви так же недопустимо, как кровопролитие в войнах под штандартами «освобождения» мира, закреплёнными напутствиями известных религиозных конфессий.

Так стоит ли удивляться тому, что в момент финальных испещрений в блокноте к автору подошла гламурная Эммануэль под тоннажем макияжа в умопомрачительных шортах и каймановых ботфортах с фразой:

– Сэр, не купишь меня на ночьку за две сотни баксов?

Я с горечью засмеялся и, тактично отказав в гонораре за бысро-лётные услуги, задал «Мисс-Граница» лобовой вопрос:

– Коко, ты помнишь, когда началась война?

Выпятив чванливо губки, она прокуренно пророкотала:

– Когда убили Джохара Дудаева...

ЧЕЛОВЕК-РАЗВЕДКА

(К 120-летию Р. Зорге)

Герой, шпион, загадка –
Рихард Зорге

Рихард Зорге... Он же Ика Рихардович Зонтер. Одарённый журналист-международник, интернационалист и талантливый разведчик, работавший в логове противников Коминтерна под псевдонимами Флерис, Инсон, Леонард, И.К.З. и просто доктор Зорге. До недавнего времени жизненный путь уроженца посёлка Сабунчи, что в предместье Баку, был покрыт налётом недосказанности, пылью совершенно секретных архивов и парадоксальным столкновением противоречивых мнений, исходящих от действующих членов многоликих политическо-идеологических лагерей. Для зримого восприятия исторической действительности сжато изложу известные факты из его биографии, обобщив источниковую базу Японии, Германии и США с ранее

недоступными советскими материалами.

Отец Рихарда, Герман Зорге, прибыл в Россию в 1885 году, трудился техником нефтепромыслов в Балаханах. Укрепившись финансово и войдя в мир представителей «чёрного золота», он приобрёл механическо-чугунолитейный заводик на Апшеронском полуострове. В Сабунчах он познакомился, а затем и женился на дочери железнодорожника — Нине Семёновне Кобелевой.

Матери Рихарда досталось от жизни сурово не по летам. Подрядный рабочий Семён Кобелев, папа миловидной Нины, умер от тяжёлой болезни. Вслед за ним не выдержала жалкого существования мать, оставившая в миру шестерых сирот. Нина одна поднимала сестёр и братьев на ноги. Ну а после переезда в двухэтажный особняк мужа 22-летней жене прибавилось забот: 4 октября 1895 года родился малыш Рихард.

Не прошло и трёх лет — последовал переезд семьи в кайзеровскую Германию. Здесь старший Зорге купил дом в пригороде Берлина — Вильгельмсдорфе, откуда вскоре его сын будет посещать реальное училище. Перемена языка и Родины долго не воспринималась сознанием мальчика...

В 1907 году судьба наносит внуку соратника К. Маркса жестокий и безвременный удар: скончался отец, приверженец идей «железного канцлера» О. Бисмарка. Скорбя о потере, наивный юноша, попав в круговорот национального течения, взрослеет, как на дрожжах. Скрытно от

матери он поступает в Берлинскую школу военного обучения и, окончив её, попадает на Западный фронт, в Бельгию...

Шёл кровопролитный 1914 год. Во Фландрии Рихард сражается против солдат Антанты и получает три ранения. Вспоминая те годы при написании автобиографии за два года до выхода романа Ремарка «На Западном фронте без перемен», Зорге отметит: «Если бы у меня не было никаких убеждений, одной ненависти к войне было бы вполне достаточно, чтобы я стал коммунистом... Как мой дед, так и его братья, особенно Фридрих Альберт Адольф Зорге, а также братья отца, были до и после революции 1848 г. действительными революционерами».

Третье ранение под Верденом вышло самым тяжёлым. Три дня с осколками в раздробленной снарядом кости ноги, он пролежал у высоты № 304. Был вовремя подобран своими, лечился в Кёнингсбергском военгоспитале, перенёс операцию. Там он впервые услышал об Ульянове-Ленине, но психологическое напряжение и тупиковая безысходность от последствий хирургического вмешательства истрепали его внутренне, ибо правая нога стала немного короче. Долгих костылей и ущербной хромоты на годы было не избежать. Ухаживавшая за ним сестра милосердия, знакомая по отцу с Р. Люксембург и К. Либкнехтом, не скрывая слёз, плакала, рассказывая о трагическом поступлении новых и новых калек и раненых — тысячах обманутых немцев...

Обратная сторона войны, гнетущее давление её молоха после заключения перемирий, личное участие в баталиях, предопределили жизненнолюбивую позицию Зорге — он обращает свой взор на медицину. Ещё находясь в отпуске после ранения, Рихард поступил на медицинский факультет Берлинского университета, где увлёкся основами теорий Маркса-Энгельса. Ему казалось, что нужно лечить общество не полатыни, а политической борьбой, революцией...

Российский переворот подтвердил направление «народного вектора», доказав воинственную, несознательную мощь пролетариата, вверившего свои жизни «германским путешественникам». Очаги всеохватного буйства малообразованных бунтарей, лавина «мировой революции» посетили и Германию. Сочувствующих и присягнувших после Брестского мира оказалось более чем достаточно. Однако правда была лишь красивой ложью, гигантоманским авантюризмом босоногих, обманутых людьми из ряда профессиональных болтунов, мечтавших погреть руки на пламени войны и на холодных «кирпичах» Мирового валютного золота. Для сотен Шикльгруберов это был наглядный урок, как манипулировать массами...

Зорге шёл двадцать третий год, когда он оказался в эпицентре революционного урагана в Европе. Веря в светлое предназначение социальной перестройки сродни позиции Эжена Потье, он оставляет медицину. Демобилизовавшись из рядов армии, молодой, но тяжело израненный человек ищет себя и поступает в Кильский университет на факультет государственно-правовых наук.

Матросский Киль лихорадило. Вступив в ряды социал-демократов, Зорге принимал участие в митингах, переросших в Кильское восстание, поддержанное рабочими и солдатами Бремена, Любека, Гамбурга и других городов. И всё-таки, несмотря на бегство Вильгельма II в Голландию, буржуазия задушила революцию, узаконив правительство правых социал-демократов Эберта — Шейдемана — Носке. Зорге чудом избежал расстрела в Берлине. Были зверски убиты Р. Люксембург и К. Либкнехт. По счастью, жандармы Эберта не нашли у Рихарда оружия.

В августе 1919-го Зорге защитил диссертацию «Имперские тарифы центрального союза немецкого объединения потребителей» в Гамбурге, где он познакомился с Э. Тельманом. Вступив в Компартию Германии, доктор государственно-правовых наук встречается с рабочими, крестьянами и солдатами, агитирует помогать Советской Республике.

Впоследствии Зорге консультировал партгазету, а с усилением репрессий перешёл на нелегальную работу среди шахтёров Аахена, в период капповского путча в составе вооружённого отряда рабочих защищал его центр. За участие во всеобщей забастовке против монархистов преподаватель Высшей технической школы автоматически выдворяется из её стен администрацией...

Так доктор Зорге стал рабочим-горняком. Его преследуют за коммунагитацию, вынуждают покинуть Аахен. Переехав в Золинген, часовой революции редактирует партгазету «Бергише арбайтерштимме», находит соратников в лице Дангеля, Пленнге, Зюскина, Шумана, Стенела и других.

С 1922 года подающий надежды журналист преподаёт в партшколе Вуперталя, ищет единомышленников в Франкфурте-на-Майне и... арестовывается, как «враг Германии». Отбыв заключение в застенках Эльберфельда, Зорге отправляется в Берлин в ЦК КПГ. Друзья подыскали ему работу ассистента соцфакультета во Франкфуртском университете с правом чтения лекций. Работа была лишь официальным прикрытием. На деле «ассистент» числился членом горкома, осуществлял нелегальную связь, ведал вопросами пропаганды и воспитания, хранил денежные фонды, секретматериалы в угольном погребе...

После апрельского съезда КПГ, прошедшего нелегально в 1924 году во Франкфурте-на-Майне, в партии произошёл раскол по российскому трафарету использования ревситуаций. События в Руре, Рейнской области и Саксонии, а затем и в Тюрингии указали на важность объединения сил, но знаменитая притча об отце, сыновьях и венике сработала и здесь. Что ж, партийные распри в борьбе за власть были и будут всегда, я в этой «домашней» грязи не вижу смысла копаться...

В том же году воплотилась давняя мечта — Рихард Зорге приглашается на партийную работу в Москву. Иностранец, немец, родившийся в России, профессиональный революционер стал гражданином СССР

В период 1925–29 гг. политолог и учёный углублённо изучает вопросы и проблемы мировой политики, международных отношений и эко-

номики. Раскрывается его умение мыслесложения на чистом листе бумаги: появляются объективные, призывающие к действиям материалы в журналах «Мировое хозяйство и мировая политика», «Красный интернационал профсоюзов», «Большевик», «Коммунистический интернационал». Война пером и умом говорит сама за себя даже по заголовкам: «Материальное положение пролетариата в Германии», «Лондон и Вашингтон», «Национал-социализм в Германии», «Экономические статьи Версальского договора и международный рабочий класс». Увидели свет глубоко интересные и содержательные работы: «Новый германский империализм» (часть книги автора), памфлет «Накопление капитала» (анализ труда Р Люксембург), «Позиции II Интернационала в отношении послевоенного империализма», брошюра о плане Дауэса.

Такие труды не могли быть не замеченными людьми, связанными с обеспечением государственной безопасности и с внешней разведкой усиливающейся диктатуры пролетариата. Люди «касты Зорге» были тогда на расхват. Особо ценилось не так высшее образование, как личные качества и знание языков. Учитывались — бескорыстность, неординарность, одарённость, артистизм, внешность, умение управлять эмоциями и инстинктами, наконец, главное — здоровье.

Очевидная ложь московских захватчиков печатного, идеологического и исторического станка состоит в том, что Зорге пришёл в разведку по «велению сердца, защищая СССР — отечество трудящихся всего мира». Он был вызван на беседу с главой контрразведки Я.К. Берзиным (П. Кюзисом, он же П. Берзин) в 1926-м. Ясно, что Рихард дал согласие на работу в ведомстве «исполнителя разных поручений ЦК в 1917-м» (вспомните фактаж контртеррора) не ради денег. Как протекала беседа-вербовка можно только догадываться, хотя Зорге жил по принципу Гёте — «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день идёт за них на бой». Ветеран Гражданской войны, ссыльный латыш, Старик, известный под псевдонимом Папус, был своеволен и умён, согласно песне «Нас водила молодость в сабельный поход».

Так или иначе, агент Коминтерна, партийный деятель и журналист первый раз расписывался под анкетой и в ведомости Разведуправления РККА (4-е управление). В то время большой политический резонанс произвёл геоглобальный меморандум лидера самурайства, премьер-министра Императорской Японии барона Г. Танака, с идеей через Китай подчинить «расе Ямато» весь мир. Реакционное офицерство и мощный флот поддерживали агрессивные устремления сподвижника императора Муцухито. Руководители Советской России были заинтересованы в усилении Госграницы между Монголией и Китаем, хотя власти Гоминьдана проводили враждебную политику по отношению к нам. Камнем, вернее стальной полосой преткновения служила геополитически важная Китайско-Восточная железная дорога, пережившая то же число провокаций, что и лежащих под нею шпал. Кроме того, японских милитаристов и симпатизирующих им китайцев пугала активизация Морских Сил моло-

дой республики при строительстве баз и зарождении Тихоокеанского флота...

Советская разведка была обязана знать если не всё, то хотя бы 40% информации о Дальнем Востоке, о событиях, людях и планах потенциальных противников, с непомерно ссузившимися от хитрости и коварства глазами. Уроки Русско-Японской войны после страшнейшей братоубийственной мало кому пошли впрок, что подтверждает прокол гения Ленина относительно не восстановления, а разбазаривания и распродажи плавединиц флота убиенного Николая II.

Скалисто-вулканическая Япония тоже пережила «рисовые бунты», гонения на марксистов и других лиц от простого народа. В стране кипела оголтелая полицейщина, закреплённая узаконенным беспределом налоговых кодексов при всеобщем бесправии, нищете, проституции, 12-часовом трудовом дне. Монополисты концернов «Мицуи», «Сибудзава», «Кухара» и «Мицубиси», выворачивая нутро согражданам, гнали финансы на полное перевооружение Империи во «благо» сопроцветания с родственными расе народами. Зная влюблённость японских рваншистов в «синряку-какутё» (агрессию), Зорге отправляют на полпути к ним – в Шанхай, славный не только рикшами с опиумом, но и мощным центром белогвардейской эмиграции, мечтавшей о возвращении двуглавого орла. Это было первое задание, опасная работа сроком в три года...

Да, он «заболел Дальним Востоком», хотя ехал в его земли через... Германию. В окнах купе экспресса смешивалась в красках и очертаниях яркая осень ноября 1929 года. Центр документально обоим обожал прикрытия, не жалея купюр всех видов, если можно было попользоваться приверженностью многих людей догмам коммунизма. Выйдя на давние каналы во Франкфурте-на-Майне, Рихарду удаётся аккредитоваться в журнале родного университета «Социологише мэгэзин» с удостоверением спецкора в Китае. МИД Германии рекомендовало журналисту посетить генконсула в Шанхае Колленберга с тем, чтобы тот помог ему в сборе необходимой информации на территории Поднебесной...

Париж, Марсель — быстро летело время пути, в набросках статей для газеты «Дойче гетрайде-цайтунг». Прибыв в Шанхай, Зорге за короткий срок был потрясён неповторимостью и загадочностью этого города всех национальностей, крупнейшего порта с населением шесть миллионов человек. Здесь он знакомится и работает с радистом Максом Клаузенем и его женой Анной Жданковой, зрелым японским журналистом Ходзуми Одзаки, имевшим выход на принца Фумимаро Коноэ. Японский Лоуренс, полковник разведки Кэндзи Доихара, планируя похищение императора Суантунга в предверии создания марионеточного правительства Генри Пу-И в Маньчжурии, просмотрел советских разведчиков буквально под ногами. Вскоре 300-тысячная армия Чжан Сюэ-ляна под флагом Чан Кайши пропустила японские войска без единого выстрела в земли Маньчжурии, им-

ператора заточили в Харбин. Зорге доносил в Центр о нападении Японии в январе 1932 года...

Анализ действий Нанкинского правительства, перипетии отношений Японии, Англии, США, Китая, Франции и Голландии, проводящих единоличную (корыстную) политику в Юго-Восточном Азиатском регионе, усиление влияния этих держав, составляли канву данных, поставляемых Рихардом в Центр до января 1933 года. Этим же месяцем ГРУ неожиданно уведомило его о вызове в Москву и передаче «хозяйства» новому резиденту.

Планом Берзина предусматривалось перебросить Зорге на разведработу в Токио, поскольку приход к власти А. Гитлера подразумевал сближение и контакт антисоветских сил. Памятуя о журналистском кредо и налаженных связях, Старик, незадолго до назначения на должность заместителя командующего Особой Краснознамённой Дальневосточной Армии, советует Зорге ехать в Японию через Германию. За два месяца, проведённые в Берлине, ему пришлось обойти многие препоны, прежде чем получить необходимые документы от «Франкфуртер цайтунг», «Дойчен фольксвирт», «Бёрзен цайтунг» и журнала «Цайтшрифт фюр Геополитик», издаваемого генерал-майором-геополитиком К. Гаусгофером. При этом, перед отъездом Зорге напомнили о трениях с руководством Отдела международных связей ИККИ — любая излишняя инициатива преследовалась режимом на уровне самого Хозяина, знавшего Рихарда по участию в заседаниях Секретариата и Президиума Информотдела Исполкома Коминтерна...

Китайская «стажировка» не прошла бесследно. Помимо работы с четой Клаас (Римм), американкой А. Смэдли и её другом Х. Одзаки, выполнявшим поручения редакции «Осака Асахи», Зорге привлекает к себе сыскное око в лице шанхайского резидента Абрама, сообщившего Центру о «шаткости и неблагонадёжности» разведчика, чересчур увлёкшегося спиртным. Трактровка пьянства Зорге образно двулика: Запад считает, что таким образом создавался образ плейбоя для сокрытия истинных намерений гросс-шпиона; Советская Россия вообще молчала более 50 лет (и ныне часть «Дела Зорге» засекречена и хранится в ГРУ Генштаба Российской армии). Возможно, порок посетил Рихарда из-за интуитивного предчувствия высочайшей гослжи и действий большевиков, похоронивших марксизм в правильном понимании на корню, ведь он пять лет прожил в СССР, видя, что в нём происходит не по газетам. Вероятно, лавирование между двух огней (в России — опасно, в Германии — Гестапо) привело доктора, человека, фактически оставшегося без Родины, к осознанию значимости собственного труда на дальних рубежах взрывоопасного мира. В любой момент его манёвры могли стать крахом всего дела, всей жизни. Поэтому злоупотребление алкоголем столь видного коммуниста важно понять, а не баснописно интерпретировать, поскольку Зорге не был эгоистом ни в отношениях с первой женой Кристиной, ни при попытке спасти фаворитов Дальневосточного бюро ИККИ в

Шанхае, супругов Руэгг (Нуленс). Нелегал ГРУ в Китае Я. Виртанен, случайно встретившись с Рихардом в Москве перед его второй поездкой в Японию, удивил госпожу Л. Куусинен: «Ему было невозможно шпионить на русских, но он не знал, как вырваться, как начать новую жизнь».

Официально занимая пост пресс-атташе германского посольства в Токио, Зорге тесно сотрудничает не только с вышеназванными изданиями, но и с газетами «Тэглихе рундшау», «Алхемееен ханделсблад» и др. После профашистских путчей самурайства «Правда» и «Известия» также опубликовали его материалы по причине отсутствия в Токио собственных корреспондентов. Дополнительная информация о дальневосточном агрессивном соседе была весьма кстати, найдя своё отражение в последующих выпусках советской прессы.

Будучи в курсе секретной переписки посла, генерал-майора Э. Отта, Рихард добивается его доверительно-товарищеского расположения. Трудна и филигранна была работа. Столь большую информационную нагрузку не мог выдержать один человек даже с извилинами ума, похожими на тройное сито. В ворохе сведений и документации, подлежащих мгновенному уничтожению, следовало выявить важное и истинное, увидеть продуманную противником «дезу», отсеять схоластику. Важным аспектом выступала конспирация, знание окружающих людей и местности, трезвая оценка международного положения страны, в которой изо дня в ночь приходилось крутиться, как белка, в колесе. Причём на глазах конкурирующих «фирм» (Интеллидженс Сервиса, Абвера, ПИДЕ, Сигуранцы, «Кемпейтай», «Дзехокеку», Ультра и т. д.). Моральную и деловую поддержку окажут «борцы невидимого фронта» — жена, Екатерина Максимова (письменно, ибо находилась в России), супруги Клаузен и Вукелич, художник Ётоку Мияги, элитное окружение Ходзуми Одзаки, работница токийского ресторана «Золото Рейна» симпатичная Ханako Исии...

Боевая подруга героя жива, здравствует в токийском районе Китидзи-одзи. Исии-сан за 80, и она, волнуясь, вспоминает первое randevu с Рихардом, произошедшее в «осевой» ресторации на его день рождения, 4 октября 1935 года. (Привожу её рассказ в сокращении. — **В.Р.**)

«Спустя 29 лет после войны о Зорге узнал мир, Москве понадобился герой. Из Максимовой сделали его жену (Екатерина погибла в годы войны в сталинских лагерях по одному из пунктов 58-й статьи, т. е. обозначалась, как спутница жизни «врага народа». — **В.Р.**), а обо мне просто-напросто забыли. Помню, Зорге был в компании немецких друзей, а меня усадили за стол, чтобы ухаживать. Он пообещал, что подарит мне пластинку, у него была большая коллекция, хотя русских в ней не было. Зорге жил в квартале Нагасака, дома ел европейские блюда, но и японскую пищу переносил нормально. Много курил трубку, предпочитая турецкий табак, иногда дымил американскими сигаретами. Пил умеренно. Картошка и алкоголь — это то, что любят русские, но я не видела его напившимся до беспамятства.

Такое случилось только раз. В 1938 году, здорово выпив, он чуть не разбился на мотоцикле, врезавшись в стену американского посольства. Разбил лицо, остались шрамы на лбу и подбородке. Выбил зубы и месяц лечился в больнице. Потом купил автомобиль, который больше стоял в гараже».

Редкостные, никому неизвестные моменты биографии... Ничтожная малость, и всё-таки много! Теперь у всех в памяти пророческая радиogramма группы «Рамзай»: «Нападение пройдёт на широком фронте на рассвете 22 июня». И никто не напишет, не вспомнит и не предположит гипотезу, что в случае с германским драндулетом, которыми торговал один из его соратников, просматривается возможное решение Зорге уйти от проблем через самоубийство. Напомню, почему: в 1937—38 гг. расстреляны видные партийные, военные, общественные и культурные деятели Страны Советов. Среди друзей Р. Зорге — Я.К. Берзин, К.М. Римм, Л.А. Борович («Алекс»), передавший Рихарду фотоплёнку с содержанием нормативных актов «Антикоминтерновского пакта», шеф Международного отдела Коминтерна И.А. Пятницкий и, разумеется, многие другие. Из Москвы Краснокаменной последовал отзыв сотен резидентов со всего мира, в числе их — и Зорге. Рихард осмелился взбрыкнуть режиму, сославшись на сверхценность получаемых его группой данных, а те, что остались дисциплинированными, подчинившись приказу, почти все были умерщвлены НКВД или позже умерли за колючей проволокой ГУЛАГа. Учтём сюда икс-число убитых при попытке к бегству, отравленных, замученных, а также диагнозы — «инфаркт», «эпилепсия», «несчастный случай», «умалишённый-душевнобольной», и мы поймём, почему рванул к японцам лидер НКВД по Дальневосточному краю Г.С. Люшков, ушли за кордон уважаемый востоковед ОГПУ, знаток арабов, басмачей и Афганистана Г.С. Агабеков, опытный сотрудник МИД, дипломат Г.З. Беседовский...

В 1941 году цепкая врагомания принесёт свои трагическогорестные плоды, семена которых были рассажены ранее — в Китае, Монголии, Испании, в Польше и Франции, в Битве за Англию и страны БЕНИЛЮКС. И.В. Сталин посчитал многих «опасных» патриотов «двойниками-провокаторами», а Л.П. Берия и глава разведки Ф.И. Голиков на упреждающих донесениях размашисто ставили резолюции: «Глупость», «Ерунда», «Подшить в дело», «Пошлите информатора к ё... матери». От этих посылов навечно пострадает Родина-Мать, её сыны и дочери вместе с предками и детьми. Миллионы исчезнут в плену, лагерных резервациях, при бомбардировке городов, сёл, деревень, в ужасе оккупации, в трюмах конвоев и эшелонов, под обломками автотехники, в ходе партизанской войны и конвоирования тысяч работоспособных россиян на «нужды строительства Тысячелетнего Рейха». Дурноватым резолюциям в шаге от Великой Отечественной подвергнутся радиogramмы Ш. Радо, А. Самохина, донесения Бозера и Рёсслера, Треппера и Ворон-

цова под единой формулировкой: «Источник не пользуется нашим полным доверием, однако его некоторые данные заслуживают внимания»...

Военизированная реакция на материках цвела и не давилась плодами, полученными через кровь, пот, жизнь и смерть своих народов и терзаемых всеми калибрами наций. Финальной радиogramмой Зорге из токийского далека была «Япония не нападёт на СССР», в чём видится не только знание Рихарда о «репетициях» по налёту на Пёрл-Харбор, но и то влияние, которое он оказал на посла Германии Э. Отта, вскоре отозванного «по полному служебному несоответствию».

18 октября 1941 года «Кемпейтай» арестовала Зорге и его радиста Клаузена по подозрению в шпионаже в пользу СССР. С этого момента стартует вечный трагиспектакль под названием «Концы в воду»...

Жива версия, что Зорге выдали японцам по совету Сталина. Полярно мнение шефа политической разведки Рейха В. Шелленберга в его книге «Лабиринт» (Нью-Йорк, 1956). 7 ноября 1944 года Зорге повесят во дворе тюрьмы Сугамо вместе с Одзаки. Шелленберг, помня, что только в 1940 году Рихард послал в Москву 300 000 групп закодированного текста, пишет: «...хотя в 1947 году японское правительство утверждало, что приговор приведён в исполнение, ходили слухи, что Зорге жив и здоров и живёт в Советском Союзе».

Сплетни обывателя и «слухи» человека, знавшего максимум о берлино-римско-токийских тайнах, отличаются друг от друга, как капли дождя от горошин града. Автор целой главы «Дело Рихарда Зорге» корпел пером перед смертью не ради «утки». Видимо, хороший друг мадам Коко Шанель знал о проницательном коллеге нечто большее, чем его заокеанские друзья. Голос, взывающий к истине, не всегда рождает эхо, но надежда услышать его остаётся за каждым...

Вращаясь бумерангом в летах, эхо от громкого дела, нашумевшего во всём мире, «прилетело» через полвека с острова Хонсю. В течение последнего десятилетия авторитеты из адвокатской палаты Йокогамы изучали материалы, чтобы уяснить причины осуждения и казни. На документах все эти годы лежало «табу» под печатью давно умершей диктатуры Х. Тодзио, но недавно они поступили во все адвокатуры Японии. В многостраничном заключении говорится, что смертный приговор, вынесенный немецкому журналисту самурайской Фемидой, является грубейшей юридической ошибкой. Да, Зорге шпион, он передавал свои сообщения из небольшой парусной лодки, постоянно менявшей местонахождение, но был ли он чрезвычайно опасен именно для страны Ниппон?

Нынешний председатель «Комитета Зорге» в Йокогаме жёсткий юрист Тосиакэ Манабэ, вместе с десятью адвокатами из Ассоциации этого города провели немалую работу в целях восстановления исторической справедливости, призываемой верхушкой правящей либерально-демократической партии. Но им перекрыли доступ к дополнительным

данным, мотивируя это тем, что «Дело Зорге» не сохранилось. По мнению Манабэ и его коллег, передача сведений государству или его органу по прошлому закону не является преступлением, за которое можно было бы приговорить обвиняемого к смертной казни. Если бы Зорге радировал в Центр Коминтерна, то он мог быть казнён. Однако он связывался с центром Красной Армии, которая не информировала штаб Коминтерна, особенно после его повального роспуска Сталиным и Берия. Манабэ считает, чтобы поднять эту проблему, требуется уточнение российских специалистов. С ним солидарны сын Одзаки — Хоцуми, родня Вукелич и Клаузенев.

Поклон через годы

Память о Зорге – теплоход его имени

Не всё могут знать и российские профессионалы — замки архивов неусыпно охраняются во все века, в точности, как на картине Василия Верещагина «Двери Тимура-Тамерлана». Тонкую ниточку от интернационального подвига человека-легенды с одной стороны, и двуликого гросс-шпиона с другой, кто-то из живых держит крепко, время от времени разматывая клубок. Не исключено, что сенсационный ответ на всемирную головоломку может неожиданно вынырнуть из какого-нибудь южно-американского архива, прошедшего через секретный фарватер времени, знаменующего XX век кровопролитных войн.

Разговор о провале группы «Рамзай» — отдельное объёмное исследование. Зорге открылся лишь раз, указав Ханako Исии идти в советское посольство после его смерти при какой-либо нужде, будь то деньги или что-либо другое. Он не был гонцом, пророком и даже послом, но являлся «послом особого назначения», лично внёс вклад в разгром фашистско-милитаристских сил, ищущих Центр Вселенной.

Верится, Рихард Зорге, когда-нибудь, может быть у Фудзиямы или в Москве, смотря на горизонт, вспомнил слова оратора античной Греции Демосфена: «Послы не имеют в своём распоряжении ни боевых кораблей, ни тяжёлой пехоты, ни крепостей; их оружие слова и благоприятные возможности. А, следовательно, в их руках отчасти и власть над событиями».

Октябрь 2002 г., Орёл — Москва — Орёл, «Путевые заметки».

ВРАЧИХА

Есть люди, славные дела которых входят в бессмертие. К ним относится Анна Львовна БАБИЧЕВА – знаменитая целительница-травница из села Успенское Ливенского района Орловской области. Ей и сотням народных врачей-целителей всей России посвящена поэма «Озарённая душа», отрывок из которой предлагается читателю.

Беженцы. Обозы. Рёв скотины.
Судьбы обрываются, как нить.
Режут лоб глубокие морщины:
– А куда из хаты уходить?

Будь покрепче, в часть ушла бы к родным
Поварихой или медсестрой...
Мотоциклы с лаем пулемётным,
Следом – танки с пьяной немчурой.

Кур стреляют. Вскрики по амбарам.
Виселицу ставят среди села.
К вечеру мелодия нектаром
От губной гармошки потекла.

– Неужель навеки, супостаты?!
И когда ж им – извергам – конец?
Пеплом стал под головнями хаты
Безобидный Тихонов отец.

Тихон партизанил где-то рядом,
Знал о злодеянях в Моховом.
Ненависть к карательным отрядам
Выражая толком и свинцом.

А в селе угрюмейшие будни:
Пытки. Казнь. Окопное рытьё.
Люди, искалеченные люди
Шли-ползли в Анфисино жильё.

Жир барсучий чудом доставала,
Дягиль, чемерицу, дикий мёд.
На бинты простынки изорвала,
Смертное – и то пошло в расход.

Под иггом оккупантов

Новый порядок
под «Лили Марлен»

Иди и смотри...

Заживали смазанные раны,
Выцветали синие рубцы...
Сильные – спешили в партизаны,
Лишь один – метнулся в подлецы.

За девчонок съёживалось сердце.
Гневалась. Да роды – не пустяк:
– Носишь-то, касаточка, от немца?
– Сильничал...
– Оно, конечно, так.

Что дитё? Ему какое дело?
Как птенец из чёрного гнезда,
Вырвется и вскрикнет ошалело...
Едь из Мохового от стыда!

Офицеру выпалила: – Гидра!
Мало, что ли, по свету могил?
Твоего вылечиваю кинда,
Что ты с русской девкою прижил.

Красные от выпитого шнапса,
Положив на стол ей хлеб-эрзац,
Гоготали битюги-баварцы
С явною издёвкой: – Русиш арцт!

Господи! Какая там врачиха,
Щепочка – ну как ни погляди.
В ней самой сердечко тихо-тихо
Тикало в слабеющей груди.

...Откатилась чёрная неволя.
Враг клыки показывал в ответ.
Был тогда при уцелевшей школе
Временно устроен лазарет.

Мучилась в закаты и в рассветы
С воинами страждущей земли.
Устные целебные советы
По миру страдальцы разнесли.

Тяжкие – мамашей величали,
Ждали, словно вешнего луча...
Если б капитана не прислали
– Доросла б до главного врача.

Врачи выше Богов

Не всех дождались...

Добро пожаловать!

А потом – как радуга – Победа!
Оглянулась как-то в тихий час:
Всё одна – ни сына и ни деда,
Не даётся молодость в запас...

Флаг светил над крышей сельсовета,
В гору шли колхозные дела...
– Как же наградить её за это?
– Доктор-то... телятницей была.

Отписать бумагу не сумели,
С орденом – морока тяжелей.
И с единогласия артели
Пятистенок выстроили ей.

По работе – и награда!

Воинский мемориал в селе Успенское
Ливенского района

Земляк Анны Львовны Бабичевой –
Владыка Алтайский и Барнаульский
Сергий

ОДИН – ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ

*Светлой Памяти Героев-кантемировцев
43-й отдельной танковой бригады – лейтенанта
С.Д. Песенко, механика-водителя М.Г. Полтавца,
башнёра С.Д. Филина, радиста-пулемётчика
А.П. Шорохова*

9 января 1944-го, комсомольский экипаж Т-34 под командованием Стефана Песенко вместе с однополчанами-гвардейцами из танкобригады подполковника Болтянского рванул на штурм вражеских укреплений в деревне Синяки Витебской области. Находясь под прицельным противотанковым огнём, быстро маневрируя на труднопроходимых подступах к опорному пункту противника, удалцы первыми проббили брешь в обороне врага. Стремительно-сокрушающий прорыв посеял панику и замешательство немцев, что дало возможность атаковать нашей пехоте.

Весь день «тридцатьчетвёрка», мастерски и отважно ведомая Михаилом Полтавцем, крушила блиндажи и траншеи, давя агрессоров гусеницами и уничтожая их из пушки и пулемёта. К исходу дня экипаж поджёг САУ «Фердинанд», вмял в землю два противотанковых расчёта и шесть блиндажей с гарнизонами, размолотил четыре легковушки, истребил пять дзотов с obsługой, укрепив победный результат уничтожением около 60 солдат и офицеров.

В горячке ближнего боя экипаж и не заметил, как наступила многочасовая январская ночь. Пытаясь отойти к своим, старший сержант Полтавец на полном ходу допустил ошибку не по своей вине: 30-тонная машина проломила тонкий лёд болота и легла на правый борт, застопорив орудие командира башни, старшего сержанта Семёна Филина.

Положение усугублялось не только близостью фрицев, но и 25-градусным морозом, отсутствием воды и вероятностью голодовки. Сказывалась удалённость от позиций наступавшей 33-й армии, а также недвижимое нахождение танка на нейтральной полосе с вышедшим из строя дизелем...

Запас продуктов составлял три суткодачи. Исходя из ситуации товарищи по несчастью разделили паёк на семь дней. Попытка добыть воды или снега не увенчалась успехом – танк находился под обстрелом из крупнокалиберных пулемётов. Экипаж был вынужден соскребать иней с корпуса машины изнутри, оседавший на броне из-за разницы температур.

Сильнее жажды мучил воинов жуткий мороз, бросавший ребят то в озноб, то в жар, то в цепкую дремоту. Какая там еда, когда на пятые сутки противостояния у всех были обморожены руки...

Стужа, нестерпимая жажда, расход последних крошек пищи обессилили кантемировцев, сделав их фактически недвижимыми. Беспремерным сплочением духа, воли и черт характеров русско-украинский союз еле-еле жил, но не сломился.

Немцы, осознав, что «Иваны» в западне, предприняли не одну попытку захвата сверхстойкого экипажа, не раз окружали танк плотным кольцом. Храбрецы отстреливались до последнего патрона, а затем враги отступили, дав морозу и голоду возможность довершить их судьбу.

«Тридцатьчетвёрка» полностью обесточилась: у неё сели аккумуляторы, не работала рация. Эвакуировать машину и экипаж было абсолютно нереально – они застряли на переднем крае обороны противника у населённых пунктов Синяки и Дымоново. Уму непостижимым образом гвардии старшине Анатолию Шорохову, башнёру Семёну Филину и лейтенанту Стефану Песенко удалось отремонтировать пушку и поджечь выдвинутый против них вражеский танк.

Их комбат, майор Пётр Кириллович Кушнир, которые сутки мучился в догадках-домыслах – его сослуживцы «пропали без вести»! То, что с ними произошло, не приходило в головы по обе стороны фронта, не укладывалось в разуме любых национальностей, не выражалось и не объяснялось на русском и немецком языках...

Почти семнадцать суток запердельной блокады, ледовый плен свыше двух недель или 396 часов(!) в осаждённом танке – подобного боевого эпизода и бесподобного героизма не знала и не познает вся летопись бронетанковых войск Второй мировой, независимо от госстроя или госфлага. Для понимания эпохи нынешним поколением, процитируем документ военного лихолетья. В политдонесении начальника политотдела 43-й Гвардейской танкобригады гвардии подполковника Болтянского, адресованном начальнику политотдела 33-й армии полковнику Паша, сообщалось:

«И только на 17-е сутки, в момент обстрела нашей артиллерией вражеских позиций на участке осаждённого танка, четыре отважных воина, напрягая свои последние силы, выбрались из машины...»

12 гранат – это всё, что осталось в их распоряжении, – они оставили на всякий трудный момент: в последнюю безвыходную минуту подорвать себя, но не сдаться в плен.

Командир танка лейтенант Песенко обратился к экипажу: «Товарищи, мои боевые друзья, нам приказано держаться до последнего. Из нас трое комсомольцев и один кандидат партии Ленина. Мы должны устоять. А если потребуются – отдадим свои жизни, но не сдадимся в лапы фашистскому зверю». «Устоим, товарищ, лейтенант», – ответили в один голос Полтавец, Филин и Шорохов...

За проявленную стойкость, мужество и отвагу героический экипаж представлен к правительственным наградам».

Фронтовики выжили в аде Великой Отечественной, встречались в Москве, спустя 23 года после войны. Песенко, Полтавец, Шорохов долго лечились в военгоспитале от сильнейшего обморожения, а наш земляк, шавлыкинец Филин, тащивший друзей по снегу в одиночку, отлежался в медсанбате своей бригады. Его Т-34 реставрировали ремонтники сразу же после освобождения места, где он угодил в коварную западню...

Легендарный экипаж С.Д. Песенко

Герои-кантемировцы. 23 года спустя

Семён Дмитриевич прошёл с новым экипажем Белоруссию, Прибалтику, Польшу, встретив Победу после штурма Кёнигсберга. Его пережившая тысячи вёрст «тридцатьчетвёрка» прогрохочет по Красной площади 24 июня 1945 года, на самом выстраданном Параде войск в истории, в рядах элитной 4-й Гвардейской Кантемировской дивизии.

Проживавший в Кишинёве комбат П.К. Кушнир многократно ходатайствовал о присвоении чудо-экипажу звания Героя Советского Союза, посылая запросы и бумаги в Наро-Фоминск, Подольск и Минобороны СССР. Ответы приходили разные: чаще бесполезные, да отказные...

С.Д. Филин

Три танкиста...

А.П. Шорохов и М.Г. Полтавец

Телепередача «Эстафета новостей» и радиожурнал «Служу Советскому Союзу» продлили броненосцам энное число лет жизни, с наградами и без наград. Теперь далеко от нас Песенко – похоронен во Львове. Не долго протянул в миру Полтавец – слёг на кладбище Кременчуга. Нет Кушнира – и нет Советской Молдавии. Стали белым-седыми дети Красноармейска, где учительствовал Шорохов. Обрёл вечный покой в Шаблыкино богатырь Семён Филин. Рядом с ним, спустя годы, упокоился Герой Сталинграда Илья Воронов. В злобных 90-х сгорел Музей «Кантемировки», отчего умер от инфаркта его ангел-хранитель Михаил Румянцев...

Их не воскресить, хотя мы долго, до слёзности глаз, всматриваемся в лазурь апрельского неба, глядя на курлыкающих журавлей, помня наизусть строки из песни на стихи Расула Гамзатова. Вопрос строго в том, смогут ли они простить потомков, озирая суровым боевым взором гражданское братоубийство на отвоёванной Красной Армией Украине?!

**Февраль 2015 г.,
Орёл – Витебская область – Шаблыкино – Кромы – Орёл**

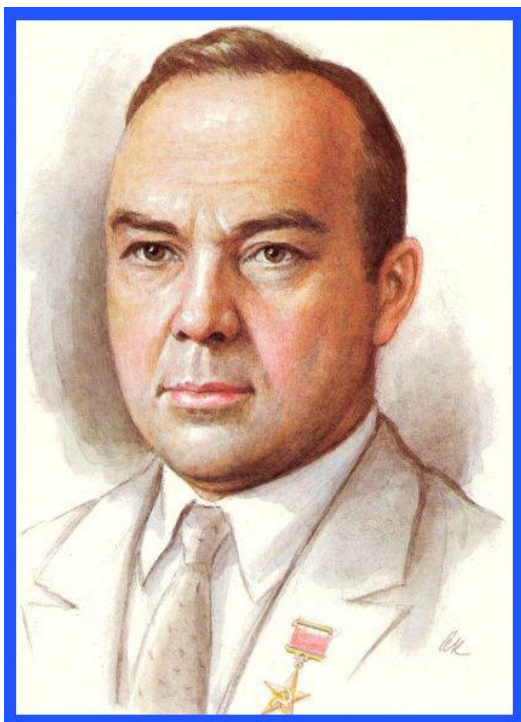
Сын и внук С.Д. Филина – Юрий (в рубашке) и Дмитрий

Вечная слава броненосцам М.Е. Каткуова! Первый Воин

ПОЛИКАРПОВ – НЕБЕСНЫЙ ГЕОРГИЕВЕЦ

Знаменитого авиаконструктора, нашего земляка Николая Поликарпова называли королём истребителей.

Официальная история достижений Н. Поликарпова широко освещена в отечественных источниках и за рубежом. Однако в биографии одного из первых Героев СоцТруда и депутата Верховного Совета СССР есть своя ложка дёгтя: трагическая цепь авиакатастроф, трения с режимом, репрессии в его конструкторском бюро задолго до войны – всё это отображено историками недостаточно.

Борьба с «контрреволюционностью», стартовавшая в конце 20-х годов, коснулась поликарповцев при проектировании истребителей И-5 и И-6. Внедрение бипланов в серию шло успешно и раньше поставленных сроков. Увы, сильнее замыслов авиастроителей и КПД моторов оказался... донос в ОГПУ. «Доброжелатель» упрекал сына попа, беспартийного авиаинженера в излишней расточительности и в приверженности к «непролетарской школе» самолётостроения. Доносчик не утруждал себя формулировками, обвинив конструктора в проектировании «заведомо вредительских самолётов и пропихивании их в серию вопреки воле коллектива».

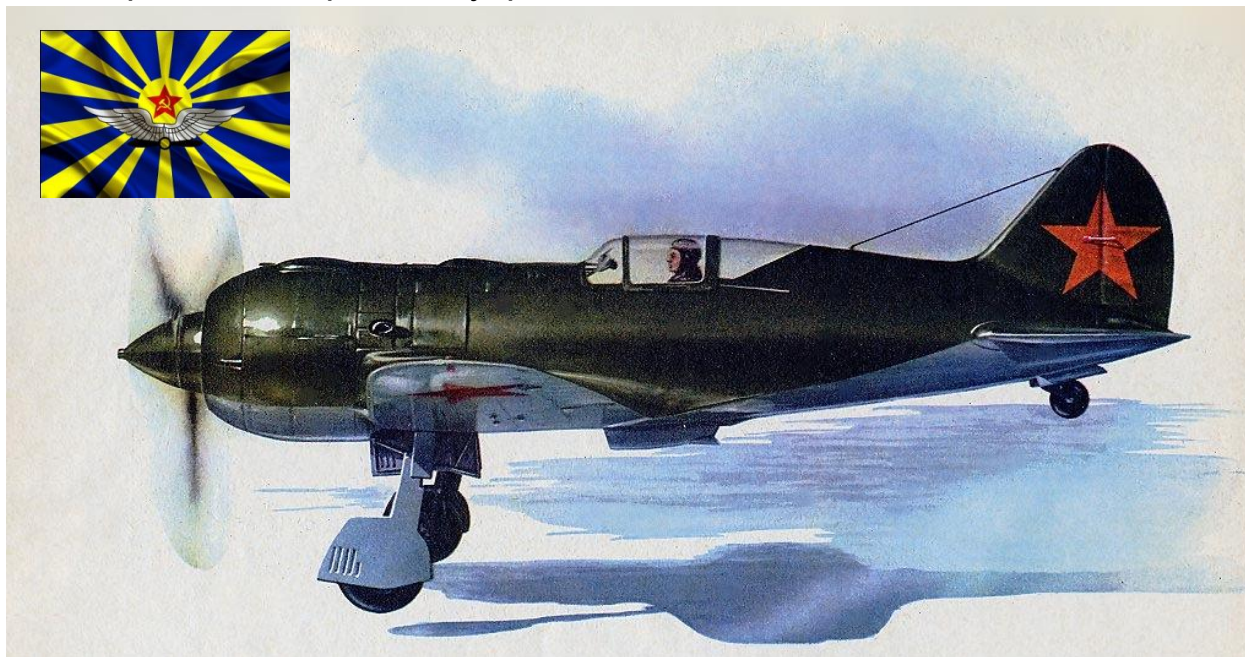
К тому времени за флагманом Авиатреста стояли разработки и испытания Ил-400, ПМ-1, ДИ-1, И-3, ДИ-2. В 1927-м Николай, подгоняемый успехами зарубежных авиафирм, трудился с товарищами над У-2, Р-5, И-6, Л-2. Никто из них представить не мог, что их окрестят «вредителями»...

В результате анонимного пасквиля последовали обыск на квартире и арест 24 октября 1929 года. Его обвиняли как «участника контрреволюционной вредительской организации в авиапромышленности». Конструктор едва успел попрощаться с женой Шурой и дочерью Марианной – «чёрный ворон» умчал его на Лубянку...

В результате анонимного пасквиля последовали обыск на квартире и арест 24 октября 1929 года. Его обвиняли как «участника контрреволюционной вредительской организации в авиапромышленности». Конструктор едва успел попрощаться с женой Шурой и дочерью Марианной – «чёрный ворон» умчал его на Лубянку...

К счастью для Поликарпова и пролетарских ВВС, расстрельный приговор заменили 10 годами исправительно-трудовых лагерей. После допросов и унижений в застенках Лубянки Николая ненадолго переводят отнюдь не в лучшие условия Бутырской тюрьмы, откуда вскоре он попадёт в спешно организованное Особое КБ под надзором ОГПУ и лично И. Сталина.

Вспоминались родное село Георгиевское и Ливны, Орёл, товарищи духовной семинарии и 1-й классической гимназии, учёба в Санкт-Петербурге. С тоской думал о жене, дочери. Каково им теперь? Волновался не зря: его жена Александра нигде не могла устроиться на работу из-за ареста супруга. Родных Поликарпова спасла защита со стороны авиаторов и доктора А. Рауэра.

И-185 — неосуществлённый в серии истребитель КБ Поликарпова

Из секретного КБ вылетит в небо на благо обороны Отчизны истребитель И-5, одобренный на смотринах Вождём. Очевидцы рассказывали, как после аплодисментов он, с присущей ему издёвкой, спросил «шарашников»: «А вас здесь не угнетают?». И-5 было выпущено 800 экземпляров...

Оценивая успехи авиастроителей, коллегия ОГПУ решила осудить его условно. А постановлением ЦИК СССР от 7 июля 1931 года на следующей день Н. Поликарпова освобождают по амнистии.

В дальнейшем наш земляк дорабатывал У-2, Р-5, И-3, их модификации, проектировал штурмовики, истребители, разведчики, гидросамолёты, бомбардировщики. Он стал угрюмо-молчаливым, излишне взыскательным, утратил юмор – аукнулась «внутренняя тюрьма».

Во время испытания биплана И-15 и моноплана И-16 он подружился с Валерием Чкаловым, который лично обучал летать команду «короля истребителей». Все крылатые машины ЦКБ Поликарпова превзошли ожидания, став самолётами эпохи пятилеток, освоения Заполярья, Дальнего Востока, в ходе сражений в Китае, Испании, на Халхин-Голе, в Финляндии и в годы Великой Отечественной.

В годы войны Поликарпов бесконечно курсировал по маршруту Москва – Новосибирск и обратно: в Новосибирске располагался опытный

авиазавод, в котором он был главным конструктором (на территории бывшего цирка).

Игнорируя первые признаки надвигающейся неизлечимой болезни, авиаконструктор радуется успехам «ночных ведьм», бывших немцев на У-2, 606-го авиаполка, отличившегося на Р-5 под Москвой, ведёт архив побед И-16, И-153 над «Мессерами» и «Фокке-Вульфами». Было чем гордиться: авиапромышленность СССР выпустила в сражения 6500 И-15 в модификациях, 9450 И-16, почти 4000 «Чаек», около 7000 Р-5, 33 000 У-2!

У-2 завоевал имя создателя – ПО-2

Боевая «Чайка»

«Ишак» всех фронтов

Первопроходец Заполярья - Р-5

Чёрный негатив пережитого сократил жизнь подвижнику отечественной авиации. 30 июля 1944 года 52-летний Поликарпов умер от рака.

Профессор и доктор наук, он преподавал проектирование самолётов в МАИ. Главконструктор опытного авиазавода «Москва–Новосибирск», он до конца состоял в руководстве научно-методического совета в Главуправлении наркомата авиапромышленности, готовил книгу «Конструкция самолёта».

Поликарпов не дожид до Победы, хотя приближал её каждую минуту своей жизни разумом, воплощённым в оружие победителей.

**Май 2015 г.,
Орёл – Успенское – Калинино – Ливны – Долгое – Орёл**

МИНА

– Вот здесь... Лицо её засветилось, румянец пробежал по щекам да так запылал, что будь на полянке прохладно, можно было бы увидеть струйки тёплого воздуха, идущего от этого симпатичного лица.

Молодые кусты лапчатого орешника как-то уютно окружали золотой просвет лужайки. Бело-розовые стволы берёз, нагретые и блестящие там, где не было бороздок в коре – усиливали ощущение уединённости и внезапно нахлынувшего трепета.

– Всё так же... Нет... Что я говорю?! Такого не было... Внизу, у ручья, без умолку били соловьи. Луна светила мне в глаза... И соловьи били не внизу. Нет. Они били во мне... В сердце.

Она подошла к старой шершаво-корявой берёзе, обняла, поцеловала её. Лоснящийся отенок бересты чуть потемнел от скатившейся слезы.

– Здесь мы стояли... Тут он перехватил моё дыхание... Где ты, милый?! – нервно вздрогнули её припухшие губы.

– Катюха! – прогремело почти рядом.

– Ай, в ягодах утонула? Давай сюда – рвать некуда!

Между деревьев показалась рослая фигура красивого парня с рассыпавшимся в разные стороны чубом, в голубой, переливающейся на солнце рубашке с короткими рукавами.

– Что, громче не можешь? – сказала она, поправляя ситцевое платье в крапинку.

– Ох, и гулёна! Так и норовишь улизнуть. Вся родня ваша такая! Подол на ветер держит...

Его всегда подсознательно тревожила и глодала мысль: «Почему первым не подошёл к ней, когда на кругу у реки, за белыми садами, светящимися в ночи, Катя дробью своих каблучков и статью всех сводила с ума?..» Фёдора обжигала мысль, гоняя кровь из края в край, что его драгоценную когда-то обнимал Колька Голубь и Димка Босой, которые теперь невесть где были на заработках и давно имели свои семьи.

В такие минуты Катя ловила злой и острый огонёк в его наливающих глазах. Понимала, что муж был прав. Прав бесконечно, до еле заметного оттенка в голосе, где-то внутри, в глубине сердца, жалела его до того состояния, что скрываемаемая правда чуть ли не вырывалась из тайников её души. Но надо было жить. И, заключив в кольцо рук любимого, заглушила страстными поцелуями нарастающий ропот ревнивца...

– Глупый! А кто был пьяным от счастья? – и милая жёнушка, заразительно хохоча, увлекла его за собой навстречу белокурой дочурке, которая тоже бежала им навстречу, волоча по горячей пыли огромную куклу с немигающими синими глазами.

...Через неделю он уехал в соседнюю область достраивать ферму с шабашниками-хохлами. На третий день, неся садок с карасями, он был

удивлён окриком почтальона. Молча щупленький мужичок подал ему телеграмму.

Когда он прочёл – у него оледенело нутро. Тесть извещал: «*Федя срочно выезжай Катерину разорвало миной Зинулька у меня*».

Упали караси. Нечеловеческий крик прокатился по логу...

ЭХО ОСВЕНЦИМА

(К 70-летию освобождения мучеников концлагеря)

Идеологическо-информационная кампания, ведомая прозападными и зарубежными СМИ по историческому наследию Второй Мировой войны, обязывает противодействовать ей фактической неопровержимостью фашистских преступлений.

27 января 1945 года Красная Армия освободила крупнейшую «фабрику» смерти нацистской Германии – концлагерь Аушвиц (польски Освенцим). Основанный за год до нападения гитлеровских орд на СССР, на слиянии Вислы и Солы близ городка Освенцим (60 км западнее Кракова), он занимал территорию около 500 гектаров.

Поначалу узники размещались в казармах, позже здесь действовало табачное производство. «Новый порядок» предусматривал содержание и эксплуатацию до 250.000 мучеников, в том числе стариков, женщин, детей. Необыкновенный фашизм пунктуально отслеживал даже беременных и рождение младенцев...

На Первой 1940-го на должность коменданта из Заксенхаузена (туда попадёт сын И.В.Сталина – Яков) перевели гауптштурмфюрера Рудольфа Ханса Хёсса – давнего друга Мартина Бормана. Новый комендант, имевший трагичный «опыт» охраны Дахау с 1934-го, спустя месяц принимал «инспектора» смерти, рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера. Вместе с подчинёнными они контролировали 45 рабочих команд Аушвица и посетили филиалы концлагеря – Моновице и Бжезинка.

Эсэсовцы под жезлом Гиммлера по его приказу провели расширение адского вертепа, оборудовали «фабрику» газовыми камерами, оснастили подвалы для хранения трупов, согласно доктрине «Окончательного решения» (план тотального уничтожения евреев и цыган). Были введены должности – старшие по концлагерю, его блокам, баракам, дневальные, не говоря про автобаты, команды автоматчиков и свору обученных на травлю овчарок.

Поскольку контингент узников являлся международным (всего 27 национальностей), его обязали носить отличительные знаки, иначе – лагерное клеймо. Поляки и французы носили нашивки «Р» и «F» (что применялось аналогично и к другим, наиболее массовым народам). Нашивка «А» обозначала нарушителя дисциплины труда, «К» – военпреступника, «Blöd» – идиота (умалишённого или дурака).

Изначально жертвы новых рабовладельцев дробились на четыре группировки – политвраги, низшие расы, уголовщина и неблагонадёжные. Евреи, цыгане, полукровки (вторая группа) не имели абсолютно никаких шансов на спасение. Они проживали отдельно в спецбараках (конюшнях) в ожидании смерти от каторжных напряг, пыток голодом, медэкспериментов, в ожидании дня, когда палачи вели их сотнями и тысячами в газовые камеры и крематории...

Горе Аушвица

«Фабрика смерти»

Однотипно с Майданеком, Треблинкой, Биркенау, Дахау – Аушвиц (Освенцим) стал апогеем сверхчудовищного геноцида за всю историю цивилизаций Человечества. К политврагам «освободительного» режима причислялись коммунисты, социал-демократы, представители разномастных религиозных сект, миролюбцы и народовольцы, мученики, читавшие «не те книги» и слушавшие «враждебное» радио. К ним (но особняком) прикреплялись бытовые и политические преступники, ранее состоявшие в рядах НСДАП (правлящей партии Третьего Рейха). К «крайне опасным» относились также интеллигенты, саботажники, паникёры, категория лиц, жившая «против всех», гомосексуалисты, проститутки и наркоманы.

Все без исключения носили цветной треугольник и порядковый номер на правом колене и левой стороне груди, причём в Освенциме «узаконили» индивидуальную татуировку номера узника на левом предплечье.

Каждой прослойке лагерников под страхом смерти запрещалось снимать и портить опознавательные знаки. Тем, кто пытался бежать или подозревался в побеге – красно-белая мишень на спине и груди. Политэкам – треугольник красного цвета. Ненормальные в половой ориентации метились розовым, цыгане – коричневым, уголовники – зелёным, а неблагонадёжные – чёрным треугольником. Жесточе всех спрашивали с евреев: дополнительно к стандартному треугольнику им нашивался жёлтый, а также шестиконечная «звезда Давида». Расовый осквернитель в лице еврея, независимо от пола и возраста, принуждался к постоянному ношению чёрной каймы вокруг жёлтого или зелёного треугольника. Таково было личное требование Адольфа Гитлера, которому евреи подарили пальто, когда он прозябал нищим художником в Вене...

Кощунствующим на истории напоминаем, что через преисподнюю Освенцима протянули миллионы человек – более четырёх миллионов из них немцы истребили с использованием технических «достижений». Высокотоксичный газ «Циклон-Б» испытали на советских военнопленных в конце 1941-го, а первые эшелоны из СССР прибыли в лагерь спустя пять дней после взятия Орла бронетанковой группой Г.Гудериана.

Помните, что наших соотечественников безжалостно эксплуатировали на заводах по производству искусственного бензина, в цехах и на тер-

риториях Круппа, «И.Г.Фарбениндустри» и других предприятий. О какой «вредности» производства мог задумываться председатель концерна Георг фон Шницлер, когда в его руках сконцентрировались не только выпуск основных химикатов и синтетического каучука, но и 72% производства азотных соединений, из коих штамповались бесчисленные боеприпасы?!

Девиз Освенцима – «Труд делает свободным»

По различным (послевоенным) данным, на «фабрику» смерти железнодорожными составами доставлялись из Франции – 11.000, Греции – 65.000, Голландии – 90.000, из Словакии и Германии – 90.000 и 100.000 человек, из Польши и Венгрии – 250.000 и 400.000 жертв. Выжить пощастливилось единицам – сегодня их свидетельства являются приговором...

Гнуснейшим античеловеческим преступлением в Освенциме стали биологические эксперименты по массовому уничтожению русских, поляков, украинцев, сербов, югославов, чехов, хорватов, евреев и представителей иных рас и народов. В концлагере действовали такие спецлаборатории и больницы, рассказ о которых – документальная повесть с возрастной приставкой «20+». В обращении с узниками оказались нелюдями не только «врачи», конвоиры и прочий «персонал», но и спецподразделения из «чистокровных» эсэсовок. Многие из кровожадных палачей непостижимым разуму образом избегают приговора Франкфуртского процесса 1963–1965 гг. (например, исчез приемник Р.Х. Хёсса и Т. Эйке, старший инспектор концлагерей Р. Глюкс).

В ужасающей обстановке Аушвица-Освенцима и его филиалов, с 1942 года за колючей проволокой сформируются подпольные группы Сопротивления. Выжившие из них навсегда пронесут в памяти лозунг над воротами: «Труд делает свободным!». Заключённые запомнят наизусть имена извергов-сатанистов В. Франка, К. Хеккера, Г. Шерпе, Р. Мулка, Х. Штарка. Не подлежат реабилитации в веках соучастники массовых убийств, запредельные жизнезомы В. Богер, В. Шлаге, Ш. Барецкий, Э. Хантл, О. Кадук, Ф. Лукас. Гореть в вечном пламени убийцам невиновных – В. Капезиусу, Й. Клеру, К. Данилевски, П. Броду, Ф. Гофману, Э. Беднаресу и им подобным врагам народов. Большинство из них приговорят к пожизненным срокам с каторжными работами. Хёсса поймали и судили раньше – в 1947-м в Варшаве, причём казнили на месте злодеяний – в Освенциме. Исчез в Парагвае палач Й. Менгеле.

Героические бойцы и командиры Красной Армии – уроженцы 15 Республик Советского Союза – ровно 70 лет назад освободили 2.819 человек, из них всего... 96 соотечественников. Расследованием преступлений агрессоров на оккупированных территориях занимались Чрезвычайная Госкомиссия СССР и Международный Освенцимский комитет в составе 16 держав Европы. Но и сегодня чёрная гранитная плита на Мемориале в Биркенау (Бжезинка), экспонаты музея и лагерные постройки в Освенциме, цепь каменных саркофагов и фигуры тел мучеников неммым укором предупреждают новых диктаторов и «ястребов» Планеты:

*– Отвечайте нам, Бога ради,
Те, в ком чёрная бродит сила,
Что вам думать о новом аде
Мать-Вселенная запретила!*

Январь 2015 г.,

Орёл – Козельск – Стрелковка – Подольск – Орёл
(Материал публикуется в значительном авторском сокращении)

Палач Нюрнбергского и Токийского процессов Джон Вудс и борец за права евреев Симон Визенталь исполняли приговоры над военными преступниками в сжатые сроки

**Песни на слова Виктора Рассохина
К 70-летию освобождения Орловщины**

ПЕРВЫЙ САЛЮТ

*Слова Виктора Рассохина
Музыка Виктора Садовского
Темп походного марша*

Орёл и Белгород – два брата,
Седыми вышли из огня,
И генерала, и солдата
В горячей памяти храня.

Припев:
И генерала, и солдата,
И генерала, и солдата
В горячей памяти храня.

Знамённый шёлк алел от ветра,
Как слава павшим и живым.
Их имена дарили щедро
Мы старым улицам своим.

Припев:
Их имена дарили щедро,
Их имена дарили щедро
Мы старым улицам своим.
Смягчались горести и беды,

На Запад шли ещё войска.
Салют – предвестником Победы
С Москвы – заглядывал в века.

Припев:
Салют – предвестником Победы,
Салют – предвестником Победы,
С Москвы – заглядывал в века!

МЕМОРИАЛ

Музыка Геннадия Роенко

1

Иду смотреть на ветеранов,
На лица их, на ордена.
Они в наш сквер приходят рано,
Им в эти ночи не до сна.

Припев:

Стоят с багряными цветами,
Седые головы склоня,
Где поднялся высокий пламень
Святого Вечного Огня.

2

В него их жизни переходят,
Неизмеримый ратный труд,
В непокорившемся народе
Они Героями слывут.

3

При орденах или с медалью,
Или калеки из калек ...
Великой радостью, печалью
Объединённые навек.

Августовская победа

Салют столетия

Орёл и Белгород - два брата,
седыми вышли из огня

Первосалютный Орёл

У Вечного огня Белгородчины

ЗЛО ЗА ЗЛО

Всероссийские майские праздники удались на славу. Конечно, не всем уроженцам Градов-героев посчастливилось погулять вволю и порадоваться салюту в ночных небесах. Известное дело: дачи, огороды, помощь престарелым родителям на селе. А тут ещё невпопад у многих спиногорызов экзамены. Как не помочь? Будущее семьи, страны, наша надежда и опора...

Ветеран войны Герасим Кузнецов коротал свой век бобылём второе десятилетие. Аннушка, его красавица Анютка, бой-баба, штурмовавшая Берлин, радистка штаба полка, к горечи его, умерла при родах в дни хрущёвской «оттепели», унеся с собою их долгожданного ребёночка.

– Эх, пташка-инвалидушка, как не уберёг я тебя? – мучил себя иссушенный пенсионным бесправием старшина второй статьи Дунайской флотилии, подходя к уютному и облагороженному городскому скверу. – Лучше бы меня накрыло под Прагой. Пусть разнесло «фаустпатроном» в трофейном «Оппель-адмирале» начальника разведки полка. Всё равно, кто б пришиб – власовцы, фрицы или пролетарская шальная пуля...

В свете иностранных реклам и неоновых фонарей, в стартующе-тормозящем шипении расхристанных такси и свежих иномарок, под психическо-неполноценное завывание Земфиры из кассетного ларька, он шёл, не поднимая глаз, навстречу Вечному Огню. В последнее время Кузнецов всё чаще стал наведываться сюда, хотя его частный домишко, унаследованный от репрессированного отца, громившего мятежников в Ливнах и Антонова на Тамбовщине, находился от места паломничества горожан в четырёх верстах. Сруб из просмолённых железнодорожных шпал задумывался героем Гражданской на век без учёта маршрутов общественного транспорта. Какой тогда транспорт? Лошадку бы порезвей, ходок ладный, а то и бывшую тачанку по типу махновской под мирный быт прилаживали. Одни льготы были: голова, руки да ноги.

«Ни за что батяню из жизни выдернули, за смекалку и труд! И Климента с Будённым знал, но как дуло внутрь страны повернулось, так сразу и отвернулись», – не глядя на прохожих, думал Герасим...

Придёт он, бывало, в скверик на часок, а нет-нет, побудет полтора, а то и два. Он любил смотреть на смену караула, на молодых мамаш с колясками. По выходным покупал у оранжерейщиков красные, как кровь, тюльпаны. Пройдя сквозь палево сороковых и не найдя своего «рубикона», он понимал, что «гордиев узел» коммунизма разрублен. Будучи членом партии с 1943-го, незаметно для себя пристрастился спорить с «пехотой» – завсегдатаями «парковки» Александром Сергеевичем и Моисеем Габриэловичем.

Дунайские катерники
с подругами на берегу

Безродных – к ответу!

Доигрались...

О, что это были за споры! Не диспуты, а партийные съезды с доскональным знанием истории мира и сегодняшних администраций. Друзья не уважали карты и домино. Никогда не ругались, изредка выпивали крепкого дорогого винца. Вспоминали погибших, раненых, пленных, Победу, тяжесть подъёма из руин и даже Юру Гагарина.

– Ого-го! Это ж мы нечисть побили и первыми к звёздам вышли. Какую же силищу разрушили псевдодемократы. Мусульман с христианами поссорили, а ведь как дружили! Средняя Азия полегла костями наполовину от Москвы до Берлина. Великая была моща – СССР! – частенько повторялся Герасим Павлович. – Помнишь, товарищ Моисейка:

*Выпить нам есть повод:
За военный провод,
За У-2, за «эмку», за успех.*

Безногий Моисей Габриэлович тут же заводил свою любимую:

*Эх, путь-дорожка фронтовая,
Не страшна нам бомбёжка лихая.
А помирать нам рановато,
Есть ещё у нас дома дела.*

...Покрупневшая в кости, более массовая милиция (терроризм ведь кругом!) славных дедушек не обижала. И всё б ладно, да с молодёжью «пепси-прикольной» что-то случилось: лезет, – вы разве не видели – нагло-хамовито лезет с ногами на лавочки. Наряд идёт—ноль; родители кричат—ноль; ветераны со старушками шумят, обижаются – ноль; ну нет никакой управы!!! Зато анаши, девок красивых подешевле, да «сникерс» подавай под червивку и рэп...

Несколько встреч освобождавшей этот город, достойной во всех отношениях троицы, было омрачено тупостью и беспардонностью подобных приклатнённых «субчиков» и «чувих». Что делать? Как поднять интеллектуальный уровень и организовать досуг «нашего будущего»? – эти вопросы ставились ребром и в быту, и в мэрии. Однако в последней, видимо, не перечитывают на досуге Ивана Андреевича Крылова, а жаль! Мудрость прошлого непреходяща и актуальна и ныне, господа современники. Так зачем же вы сами превращаете жизнь в басню?

Так думал Герасим, спеша домой: хотелось посмотреть, как гонятся Вильнёв с Шумахером, дочитать «Последнюю дуэль» местного поэта. Проходя по аллее, он уже видел «налётчиков», прозванных так сапёром-понтонщиком Александром Сергеевичем, форсировавшим с боями Днепр, Вислу и Одер.

Подошёл, попросил закурить. Трое ребят и девушка в приличной загранодежде были навеселе.

– Кури, дед! Хочешь коньяку? Бабка-то твоя таким тебя не угостит, бутылка – пенсия. Омаров не кушаем. На, палочкой крабовой закуси, –

гну савил допризывной гвоздь-акселерат с бритым затылком под гогот, очевидно, «общаковой» девицы.

Молча выпив действительно крутого коньяку (всё одно, хуже парижского победного 45-го), Герасим отступил пару шагов назад и, испугавшись своего голоса, закричал:

– Слезай, мажоры, с лавочки, нечего в святом месте пирушки бесцельные устраивать. Это глумление, кощунство над памятью, разве не понимаете?!

– Ну вот, – кыхыкая прокуренным нутром, молвил малыш с бледным лицом. – На добро злом отвечает! Нехороший дед. Отойти, побьём!

– Да ты кто такой? Прикуси язык, Покрышкин! – осклабился, поддакивая дружку, подросток, сидевший, несмотря на ночь, в чёрных очках. Принял дозу, топай мемуары писать. Не заставляй внуков плакать!

Боль с привкусом желчи во рту, тяга под ложечкой и учащённое сердцебиение напомнили старшине речфлота миномётную утюжку, госпитали, Аннушку, пленение Власова и белого коня Жукова на Красной площади. Внезапно нагнувшись, он резко схватил за ногу «очкарика», закинул её вверх и, навалившись, свалил его с лавки, одновременно ударив в грудь «бритого». Он не должен был этого делать. Должен был пройти мимо компании, молча, даже если бы она представилась ему шайкой карателей из-под Ровно...

Но теперь было поздно: собутыльники, матерясь на чём свет стоит, били ногами его израненное на войне тело.

– Мочи, бей гада! – истерично визжала молодая стерва и, размахнувшись, ударила лежачего деда бутылкой по голове. Он оглох, обмяк и почувствовал привычную соль в горле, как когда-то там, на Дунае, когда их бывалый монитор подорвался на mine. Перед глазами поплыли боевые товарищи, Сталин, Аня, отец, мать, братья и сёстры, загубленные в крематории Освенцима. Откуда-то заверещал Утёсов: «Раскинулось море широко»...

* * *

На следующий день молодчики подшофе или под кайфом, решили, что пешком ходить плохо. Напав на почти ровесника, только что получившего права, они связали его, бросили в кювет и продолжили «развлекаться», на этот раз на колёсах. Полусгнивший старенький «Жигуль», хрипя глушителем и ноя редуктором, словно возмущался тому, что его так нещадно дёргают изнутри. Уркаганы заехали за подружками среди ночи и мчались свыше «сотни» за город, на пруд. Шашлычка изуверам захотелось, танцев, немножко секса. На полпути оторвалась у них на полном ходу шаровая опора. Кончилась лавочка...

Вылетев на встречную полосу, затем ворочаясь в юзе на её обочине, «Лада-копеечка» «клюнула» капотом в кювет и через несколько секунд легла на крышу, избавившись от ветрового стекла, улетевшего

вперёд на полсотни метров. В рассветающей идиллии утра, среди пенья птиц и распутившейся молодой зелени цеплялось за ребро крыла еле вращавшееся колесо и слышались слова: «Между землёй и небом – война»...

* * *

Герасим Павлович Кузнецов пришёл в себя на третий день в реанимации и ничего не помнил. Выйдя из «госпиталя» в восьмой раз, он поехал в приют и усыновил ребёнка, которых теперь брошенных по стране тысячи.

Борька – задумчивый малый. Он обожает смотреть «Формулу-1» и фильмы про Великую Отечественную войну, но читать ещё не умеет.

Его новому «папке» только сняли швы с головы. Он показывает мальчонке награды и фотографии. Гладя его рукой по русой головушке, он рассказывает про адмиралов Абрамова и Фролова и часто приговаривает: «В апреле, ельцинёнок, возьмём твою сестру Аннушку, а в мае вместе пойдём к Вечному Огню».

Он не знал, что Александр Сергеевич и Моисей Габриэлович ему уже никогда не поклонятся...

Первая ночь нового памятника земляку
Илье Старинову (п. Стрелецкий)

СПАСИТЕЛЬ-ТАНКИСТ

Молодцеватого, подтянутого и опрятного старичка в глубоких морщинах я встречал на рыболовном направлении Орёл – Курск систематически – по выходным. Поговорить как-то не доводилось. Хотя, скажу честно, хотелось, поскольку его стремление ко встречам с Природой и наверняка с Царь-рыбой говорило об его неслучайном выходе в массы.

В этот тёплый летний четверг, собрав мини-тормозок и нехитрые снасти, я шумел болотниками по асфальту, шагая к замыкающему вагону, думая о ходе карася в Куначе – большой слух прошёл на молочном базаре. Людей было скудно: отсыпались, либо съехали в райцентр грабители пап и мам, дедов и бабок, после выкачки их годовалой работы и взвинченной катастрофичности будней...

Примостившись у окна и рассматривая отреставрированное здание исторической станции, подумав, что где-то здесь, вероятно, прикрыли «испанкой» смерть Яши Свердлова, я вздрогнул от удара по ноге и щелчков сорвавшейся с тормозов «Невской».

– Извините, пожалуйста, ляжка рюкзачная, понимаете, запуталась! О, а вы, вижу, рыбацкого племени? Куда думаете – на плотву или карпёночка? – дружески вопрошал седой, лысеющий дедушка, подтягивая катушкой размотавшуюся жилку.

– А я вас помню! Вы, если не ошибаюсь, писатель. Щас и не припомню – не то Россошенский, а может, Расплугов. Перечитывал, как же! Провожали на пенсию, вручили «Шапку Мономаха» вашу любопытную. Кое-что про битвё рыбки током и трудности с публикацией «ЗИСа» слыхивал...

– Правильно, жёстко работаете! М-м-м...

– Виктор, – подсказал я ему и спросил:

– А вас как по имени-отчеству? Не раз встречались на водоёмах и в поездах, а подойти, по правде говоря, стеснялся.

– Иваном Порфирьевичем с рождения кличут, – говорил мне «сосед по лавочке» – затёртому «паркету» электричек. По его лицу прошла череда отсвета от желтоватых фонарей – сами не заметили, как тронулись.

Слушая и внимательно смотря на него, я понял, что рыбачок-то внешний, а на деле человек сложной судьбы.

Говорит мне Иван Порфирьевич: – Вот вы, Витенька (прямо, отец!), пишете в защиту народа и человека. Врагов российских, тиранию, падение нравов и мародёрство обезличиваете. Послушайте, о чём поведаю, может, к месту прибудет вам ветеранское откровение. Редакторы, думаю, знают, где родились, – тоже заинтересуются...

– Служил я в Пятой танковой Гвардейской армии механиком–водителем, почти как в песне «Три танкиста». В конце июня 1944-го бросили нас в наступление, громить укрепления «Пантера», что были у Витебска под жез-

лом генерал-фельдмаршала Буша. Немчура в городе страшные вещи творила: ежедневно от двухсот до пятисот жителей расстреливала, построила два концлагеря. Связной из подпольного горкома партии, которым руководили Григорьев, Семёнов, Кудинов и Маценко, поведал нам на привале, что немцы уничтожили свыше 135 тысяч жителей и военнопленных во время оккупации. Эх! В какие рассказы и энциклопедии уместить злодеяния «барбароссовцев» – мерзавцев, прикрывшихся перлом «Новый парядок асвабадит Россию»...

... Электричка с подвывом, энергично ускорила разбег. Слышался говор старушек о «колорадском» нашествии, а мне стало не по себе. Становой Колодезь... Здесь тоже глумились над русским народом и уничтожали его эти самые «цивилизованные» рабы «пространства, как фактора силы», толком не осмыслившие Гёте, Ремарка, Обста и Шпенглера, Ницше, Гаусгофера, Маркса, Шопенгауэра и даже «Майн Кампф» нервного «наци №1» Гитлера...

Ранние лучи робко ворвались в окна полупустого вагона. Уважаемый попутчик не видел нового дня – он погрузился в ужас сороковых и продолжал озвучивать свою болезненную быль, изредка заглядывая мне в глаза.

– Когда двинули мы, не жалеючи детищ Кошкина и Морозова, нас поддержали соколы Первой воздушной армии, а выходили мы на смертельную схватку из-под Рудни. Дизеля наши – В-2, конструкции... э-э-мм... Чупахина и Вихмана свеженькие были, спасали не раз. Да всё одно – сокращался их моторесурс неохватными горизонтами и боями, рвуцими железо и плоть боями...

Приказ – на Толочин, обеспечить охват фрицев в Орше, затем – марш с боем в направлении Березина – Борисов.

Гнали мы по грунтовке, не помню хутора, где-то под Богушевском. И вдруг, на околице, «Святогор» наш – лейтенант и командир Николка Астров – как гаркнет, аж ток по телу промчался.

– Ванька, орёл, сворачивай! Кто-то под танк бежит. Прижми прыть. Забыл, как дружка моего по Орловскому бронетанковому Трофимова подорвали?!

Передёрнул я рычаги, ушёл влево, а мы головные! В угарно-пылевой мшаре встали как вкопанные, а гул и лязг напирает вслед нам так, что и шлемофон не поможет. Жмут педали гвардейцы: девиз-то «На Запад!»

Вылезли мы, артиллерия наша 76-миллиметровая – Грушин с Казначеевым тоже. Смотрим, на дороге пацан лет десяти. Машет руками и трёт ими глаза, – плакал, видать, кутёнок. Подбегаем к нему:

– Ты чего?! Куда, хлопец, под гусеницы, обалдел?! Мы под шестьдесят летаем по шоссе, а ты тут... плакса мелкая! Ату в хату, пострелёнок! – кричу я ему, а он будто и не слышит...

– Дядя красный командир! Скорее, прошу вас, быстрее! Сволочи детишек в колодец побросали. Вот только что. Мужиков у нас нема. Дед один и вдовы, а мамка моя повесилась...

Видел я меченосцев Тодзио и Умэдзу, но такого... Раздавил бы эту падшую роту СС гусеницами, чтоб треск стоял до Берлина!!!

– Где сестрички твои и братья, малыш?

– Метров триста через яр, бежим скорей, укажу...

Неведомой силою, меня, сироту, понесло за мальчонкой, и не думал я о безопасности и атаке, – помчался, не взглянув на вечно сурового Астрова. Бегу, а ноги подкашиваются. Горло сдавило, с непривычки «мотор» так и рвётся из груди выпорхнуть. Подбегаю. Бабы воют так, что, кажется, прямо здесь бы и помер. Заперты, понимаешь, были. Спасибо ещё инвалид-старик вовремя надломил засовы...

Не раздеваясь, вытянувшись, словно на перекладине, держась руками за сруб, осторожно разжал пальцы – как падал – думал, вечность прошла. Вода – лёд. Темнота, ни стопа, лишь макушка колодезная точно жерло «тридцатьчетвёрки»... А глубина – ей Богу, по кадык. Счастье, что дно щербатое. Нашупал я комочки детские – в них и весу, как в голубях. Чую, что-то в них ещё бьётся, и тут по голове мне здорово шмякнуло. Сжал зубы от боли, гляжу: трос! – молодцы Астров с Грушиным. Сдёрнул с себя ремень. Кричу, мать эту самую, копия из преисподней:

– Майнуй, ребя, шустрее! Тут ещё двое! Киньте, во что завернуть, и верёвку крепче...

Не знаю, сколько я пробыл в летней стуже, в этом внеразумном, однако реальном трагизме.

Не успел вздохнуть мерно, снова удар: детей было четверо! Вновь спустился в леденящий душу кошмар, – и не поверишь, Василич, – ребёнок был в нише колодца, которую я поначалу не обнаружил...

Прижал я его к себе, а он, словно проколота всяду кукла. Дышу на него, растираю, трясую, целую. Всё без толку! И душат меня слова – поздно и напрасно...

Позвал тут-то Боженку – спаси ты его и сохрани!!! Он-то причём?! Это мы, уродцы взрослые, накликали Вторую Мировую с Отечественной, тоже Второй.

Ура Богородице! Отходило дитё на глазах, захныкало. Я быстренько закутал его в овчину. Мать его тут же упала в обморок под мои опалённые Прохоровкой сапоги...

А Витебск мы взяли почти с ходу, уже потом, и Орша через день была нашей. Всё вокруг было разрушено. Встречали нас не больше ста жителей, еле-еле существующих соотечественников...

* * *

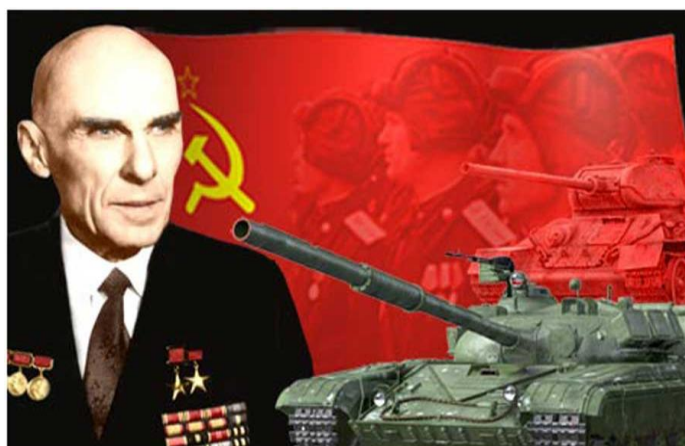
«Остановка 418-й километр», – ударило мне по слуху, ибо я был шокирован, и, признаюсь, – защипало глаза.

– Ну, вы на Кунач, товарищ Россошенский? Или махнёте со мною за благининскими карпушками-карасями? Я бы припомнил, как Рокоссовский, после моего ранения лично меня наградил и назвал не Легощенским, а Ваней Орловским...

Тяжёлые думы
П.А. Ротмистрова

Витебск освобождён!

Гений танкостроения А.А. Морозов

Танковый «хирург»
М.И. Кошкин

Автор танковых «сердец»
Т.П. Чухахин

Соавтор «тридцатьчетвёрки»
Н.А. Кучеренко

Мне было неловко, что потревожил его память. Может, я смалодушничал. Взяв у Ивана Порфирьевича адрес, решил распрощаться – пока, так сказать, временно. Мы вышли в покрытый матом и «неписанностью» тамбур, он рукой жжёного курильщика мгновенно преобразил мундштук «Беломора». Когда ветеран ступил на гравий, я успел подарить ему свою лучшую удочку и сказал:

– Дорогой защитник вы наш! Вы пишете, очень прошу, пишете. Вместе пойдём в «Вешние воды» и обязательно вас издадим!

Он искренне, сиротливо, как-то по-детски улыбнулся. Не поднимая грустных, жгуче-карих глаз, с болью ответил:

– Виктор Васильевич! Кому я нужен со своими Красными Звёздами и Орденами Славы, когда за семь лет до их вручения мне, Россия была репрессирована?..

В тот день не было клёва, и рыба даже не резвилась, как обычно, на зорьках. Плакало навзрыд небо. Я видел над зеркалом такую коротко-временно-редчайшую радугу, которую имел счастье лицезреть не более двух раз в жизни.

Промокнув с головы до пят и уже ночью ввалившись в квартиру, я понял всё, отрывая листок календаря – 22 июня...

Это была моя последняя встреча с беспартийным Героем державы Орловским Ваней.

ФРОНТ И СУДЬБА НИКОЛАЯ ЦОКОВА

*«Мне жалко жизни, той советской,
Себя беру, к тому в пример,
Из столбовых крестьянских предков
Я стал законный офицер».*

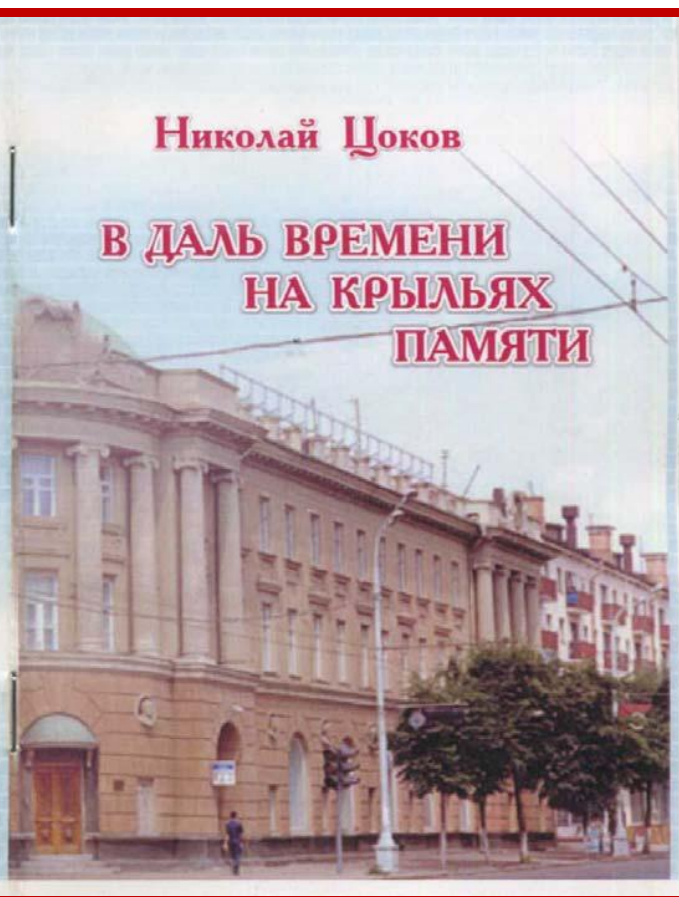
Н.Е. Цоков

Николай Егорович Цоков

Родился 22 мая 1926 г. в селе Игумново, Новосильского района, Орловской области. Образование высшее. С ноября 1943 по 1945 г.г. участник Великой Отечественной войны. В боях был тяжело ранен. До 1956 года служил в Советской Армии. Майор. Командир батареи.

После увольнения работал на различных должностях на Орловском заводе «Дормаш». Находясь на заслуженном отдыхе, активно участвует в ветеранском движении района, города и области.

В наших руках – 50-страничная книга стихотворений Николая Егоровича Цокова «В даль времени на крыльях памяти». Автор навсегда покинул бранный мир, пережив 70-летие Победы. Вдумчиво перечитываешь его выстраданный сборник и, кажется, он рядом, со светлой приветливой улыбкой, при орденах и с тросточкой – ж и в о й...

Новосильское сельцо Игумново, откуда родом герой войны и первопроходец «Дормаша», вводит читателей первым этапом в даль времени:

*В курной избушке я родился,
В Николу Вешнего крещён,
И по церковному канону, –
Был Николаем наречён.*

Рано познавший тяжкую долю довоенного крестьянского быта, Коля отчётливо запомнит жёсткость власти при образовании колхозов, конфискацию лошадей и сельхозинвентаря, лихие трудодни, голодное босоное детство. Спустя десятилетия после войны, среди лирики и романтики, ветеран напомним «светско-рыночному» обществу «такие» народные частушки, за которые в 30-х годах грозила минимум 58-я статья УК СССР со всеми её «контрреволюционными» подпунктами...

*Ах, Советская власть,
До всего ты добралась –
До коров и быков
И до бабьих сундуков.*

В разделе «Война» ясно-мудрый ум фронтовика, покинувшего родную хату в 17 лет в чёрном 1941-м, окаймляет неизбывную скорбь из-за преступлений агрессоров. Здесь – спалённые деревни над Зушею, долговременное укрывательство семей в подвалах из-за бомбёжек и артогна, хаос и горемычность эвакуации.

*Мы двигались, как снежный ком,
Отбросив все резоны.
К нам прибавлялся по пути
Народ запретной зоны.*

Зимовали в ста верстах от Игумново – в Ивановке, спасла кормилица-корова. Лечились хреном и редькою, ели молоко с грибами, а хлеба – ни зёрнышка. Переболели дети, умерли старики. Ребятишки, рискуя головой, несмотря на запреты матерей и старших, собирали по окопам ящики от мин, гильзы, банки, каски, перекселин, тол, порох, германские провода и склянки...

С ноября 1943-го по Победный Май 1945-го Николай Цокков сражался с врагом на различных фронтах, был тяжело ранен. Сложнейшая операция, перенесённая им, помогла военврачам развить её массово при спасении жизней красноармейцев, офицеров, краснофлотцев.

Николай Егорович, в ходе частых встреч с авторами строк, часто вспоминал про обучение под Воронежем («Землянка на сто человек и нары из жердей в награду»), про учебный батальон («Нас мяли, рвали, муштровали, стремясь к боям нас приучить»), про 3-й Белорусский фронт.

*Тут не то, что на гражданке,
Не отправили назад.
П.П.Ш. взять приказали,
Чтобы танкам помогать.*

Для большинства – фронтовая судьба безжалостно-кровопролитна. Под гром пушек и вой бомб, под огнём стрелкового ору-

жия и миномётов, защитники Отчизны помнили 1941 год, истребляя оккупантов.

Похоронив многих однополчан, орловец участвовал в освобождении Шауляя и Коршуная (1-й Прибалтийский фронт), прошёл сквозь ад Мемельской операции. Трагедии войны, словно осколки от вражеских снарядов, накрепко засели в памяти воина, обретая стихотворную форму:

*Фашист по танку бьёт огнём,
Я башней низкой прикрываюсь,
От брызг горячего свинца
Рукою левой заслоняюсь.*

*Бой гремит, снаряды рвутся,
Светопредставление!
Два товарища погибли,
На мне – три ранения.*

*С поля боя, в ближний путь
Меня двое волокут.
Прошу маму молить Бога,
Чтоб не грохнули дорогой.*

Полгода лечения, койки и врачи шести госпиталей, глубокое сопереживание искалеченным собратьям по оружию, естественным образом непоправимо ранили душу возмужавшего сержанта, но не покоробили воли и характера бойца. Разведчик спецроты угодил в преисподнюю при штурме Кёнигсберга, где «был вулкан, был ад кромешный, тут лютовала только смерть»...

Еле живого Цокова извлекли из-под завала бывшей цитадели нацистов. И снова – две недели лечения в госпитале, а за ними, как «второй день рождения», пришла долгожданная Победа.

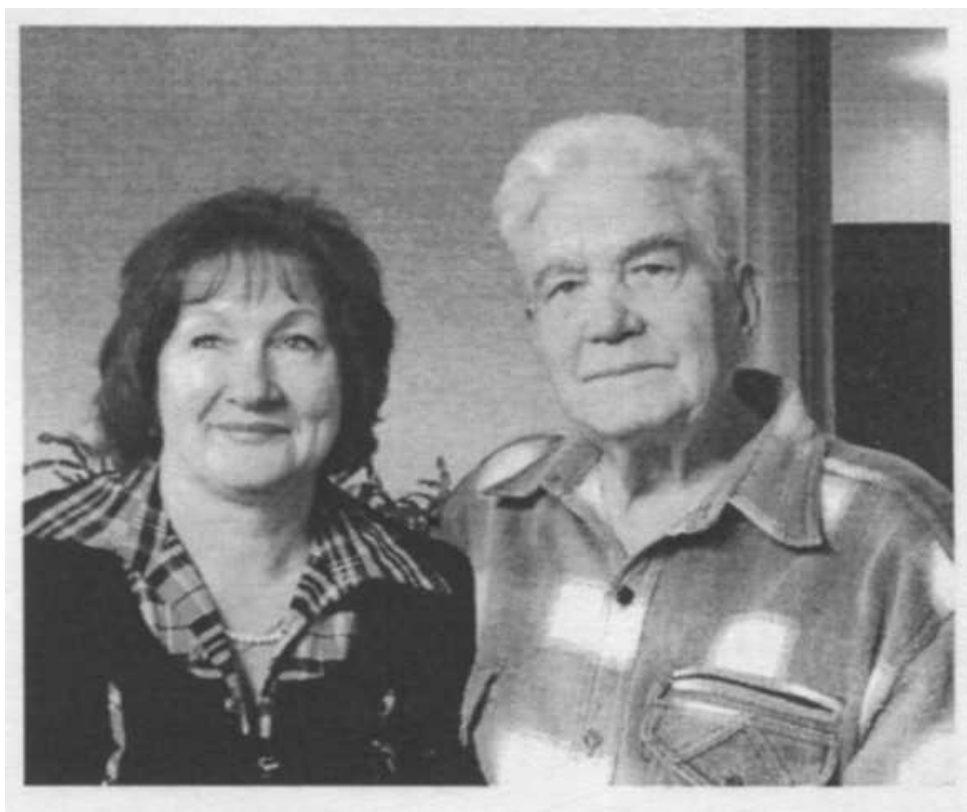
До 1956 года орденосный майор Цоков служил в армии, командовал батареей. Демобилизовавшись, бывший участник танковых десантов вернулся в Орёл, стоял у истоков одного из градообразующих предприятий – завода «Дормаш». Получив диплом Машиностроительного института, работал на нём долгие годы, на различных должностях – начальником цеха и ОТК, секретарём парткома, главинженером. Позже – трудился в областных теплосетях, внёс вклад в строительство котельных и ДК «Дормаш» (ныне Дворец культуры Орла).

Выйдя на пенсию, Николай Егорович активно участвовал в ветеранском движении Города Первого Салюта и Орловщины. Его знали все фронтовики по работе в Совете ветеранов Заводского района, уважали за правдолюбие в профсоюзе машиностроителей области, за общественную деятельность в школах, библиотеках, военно-историческом музее.

Почётный гвардеец с удостоверением от Маршала танковых войск П.А.Ротмистрова, гость юбилейных военпарадов в Москве, поднимавший тост с Президентом РФ В.В.Путиным за Грамоту «Орёл – Город Воинской Славы», имел честь беседовать с видным священником РПЦ, Владыкой Иларионом. 22 мая 2013 года истинный патриот и труженик напишет вещице слова:

*Я знаю, смерть придёт,
Не разминуться с ней,
Две даты нанесут
Под карточкой моей.
И краткое тире, что их соединит,
В какой-то мимолёт
Всю жизнь мою вместит.*

Авторы статьи и родня глубокоуважаемого земляка Н.Е. Цокова выражают сердечную признательность коллективу «Орловской городской газеты» и её редактору Е.И.Глазковой (Эмановой) за понимание значимости публикации материала в Год 70-летия Победы и русской литературы.

Племянница фронтовика Валентина Гусакова
помогла ему издать первый сборник стихов

ПОПУТЧИК

Песчано-мелованная пыль долго оседала за бортом закамуфлированного «Студера», сокрывая шлейфом встречное направление до горизонта. Повидавшие оккупационную вакханалию тополя гнулись макушками к тракту, молчаливо хранящему горе и триумф врагов человечества. В высоком небе малыми птахами распластали крылья отвоевавшие четырёхмоторные бомбардировщики. Натуженно оглашая округу многоцилиндровой симфонией выработки топлива, они медленно ползли туда, откуда совсем недавно стартовали крушить фашизм.

По замусоренной остовами войны обочине, время от времени встряхивая пиджак и брюки, быстро шагал неизвестный гражданин с миниатюрным потрёпанным вещмешком. Он не оборачивался на попутные машины, не голосовал и был безразличен к зазывающим клаксонам встречных, дружески настроенных водителей. Сумрачность морщинистого лица, приземлённо-зыркающий взгляд и уверенная походка говорили о сложности его жизненного пути, на который откладывала невидимый отпечаток известная только ему цель.

Зенитное солнце, паля меж просветов хлопкообразных облаков, испаряло обширную лужность позавчерашнего короткого ливня. Над молодостью вечных пойменных лугов преломлялось пространство края предков, мучимых и

истребляемых до и после смут и революций. Одиноким ходок спешил к начинающему чернеть горизонту, иногда омывая в лужах изношенные сапоги, делал небольшие привалы, забавляя себя обнажением весны и скупой на табак самокруткой...

Мало кто из живших и живущих здесь помнил этого ничем не приметного товарища. Двадцать с лишним лет минуло с тех пор, как он покинул здешние места, этапируемый за «систематическое вредительство».

Было заметно, что дорога даётся ему с каждым часом трудней – он снова тормознул для перекура. Поглаживая ошрамленной рукою проклюнувшуюся желтизну одуванчиков, мужчина, видимо, размышлял о круговороте времени и истории, распятых войнами, техпрогрессом, репрессиями и ценами...

Знойно духорило в тот час: пиковая аномалия по Цельсию довлекла солнцееударным кризисом. Желая укрыться от измотавшей его трассы, человек прикорнул от раздумий и бездорожья в глубокой воронке, временно освободившись от дум, порождённых военкоммунизмом.

В нервном крестьянском сне, наконец-то вырвавшемся из клетки режима, не было ничего отрицательного. Радужные круги плыли под веками. Уста нашёптывали забытую мечту, перемежаемую тихим хрустом песка и частой зевотой. Болезненно храпя через стон, возможно, он видел адскую скрижаль общенародной драмы, переходящей в яму неразрешаемых противоречий. Сладость его свободы разбудилась торможением за плечо.

– Не к добру по кюветам хрониться, – глыбой закона огорошил путника мотоциклист в форме НКВД.

– Чей, куда, к кому и откуда??? – скоробасил молодой лейтенант, играя мундштуком «Казбека». – Попрошу встать и предъявить документы!

– Не торопи – еду до хаты. Бумаги в порядке. Устал я, начальник! Захмелел от шири пространства и родных далей. Спешу на майские – своих повидать. Знать – не слышал, что-как с ними после немчуры. Из подневольных я салехардовцев. Клеймо на жисть – «дно»...

– Так-так... Тихонов, значит! Со Шлямбуренками родня твоя в землю загремела. Помнишь активистов? Они же по комсомольским путёвкам думали окончить партшколы. Ну и давай партиотичной журналистикой пролетариев пужать – стряпали анонимки, фельетоны да доносы. Твоих, Анатоль Сергеич, не спасло и то, что ты – раб «58-й». Пришлые «жемайтисы», прежде чем вздёрнуть оных, помучили их маленько на костре и холостыми очередями. Оружие у всех тогда на руках было. Чуть што – самосуд. В протоколе – пиши пропало. Я ведь школу вчера закончил. А облцентр требует: «Где у вас диверсанты-шпионы?».

Молчание сжалось ужасом понимания фамильной трагедии. Оно повисло кляпом в горле, заслезило воспалённые стремлением к дому глаза.

– Вот эти Шлямбуренки, – с трудом продолжил участковый, – вместе с Дмитрокаевскими, Снегуром и Мухаметзяновым и потянули за собой честных Тихоновых. Дед твой Осип, верил в силу колхоза, в «фордзонах» души не чаял. Ты прости, земляк, закололи серпом его в 1936-м...

* * *

В перспективу обязательного дождя с солнечного отрезка пути иностранно ревя, клубил пылью «Виллис» с интендантским прицепом, двигаясь на восток. В нём – измученные трактором – попутчики и сограждане Великого СССР.

– Я скоро умру, писатель, – говорит старший кудрявому интеллигентному юноше. – Ты черкни историю мою для народа. Авось...

Выхожу у Застроево. Как будто виноватый, сминая «Известия».

– Зря зачис, встречный! Дай-ка ВКПб на махру.
Мелькнуло одутловатое лицо в пенсне на передовице. Лаврентий...
– Прощай, дядь Толь. Не спеши умирать!

...Пыль, мины и туман...

Создатели знаменитой народной песни
Лев Ошанин и Анатолий Новиков

Лев Ошанин и Виктор Рассохин
в Доме творчества в Малеевке

ИКАР ИЗ ВАСИЛЁВО

К 110-летию В.П. Чкалова

Жизнь, метеоритно прожитая одним из лучших лётчиков– испытателей ВВС СССР Валерием Павловичем Чкаловым, редчайший пример достижений простого человека при его упорном рвении к реализации идеи и цели. Виртуозности пилота, его инженерным знаниям, характеру и взаимоотношениям с коллегами и конструкторами авиатехники посвящено достаточно много книг, статей, художественных и документальных фильмов, полотен и радиопередач с момента его нелепой гибели...

В разные годы уважаемому лидеру пришлось крепко поработать- поспорить с лётной элитой страны, а уж знали его, конечно же, все. В рядах ведущих асов Страны Советов стояли Г. Седов, М. Громов, А. Павлов, К. Арцеулов, Ю. Пионтковский, Б. Бухгольц, В.Коккинаки, А. Анисимов, К. Груздев, П. Стефановский, В. Евсеев, Э. Преман, С. Супрун, В. Раков. Познали суровую трагичность будней А. Залевский, И.Козлов, Т. Сузи, А. Прошаков, Б. Кудрин, А. Томашевский, А. Гринчик, А. Екатов, Г. Головин, И. Антошин, И. Петров, Г. Байдуков, С. Шестаков, С. Анохин, А. Юмашев, Г. Шеянов, А. Кочетков, М. Алексеев, А. Якимов, А. Никашин, М. Нюхтиков, Н. Журов, И. Спирин, Е. Стоман, А. Филин, А. Кржижевский. Не отставали от них в небе и на воде А. Ершов, Ф. Усачёв, Н. Кастанаев, С. Рейдель, М. Коровкин, К. Ганулич, Ф. Болотов, Б. Агров, Т. Рябенко и Н. Благин, Н. Котяков, И. Погосский, Д. Ильинский, Г. Полозенко и Б. Чухновский – разве всех назовёшь? Сколько слюнявых и сопливых «Чкаловых» смотрело на общенародных кумиров как на богов, не представляя себе понятия «господство в воздухе», за которое им придётся, обливаясь кровью, сражаться в Испании, Китае, Монголии, а затем и на Родине??? Наяву же – штудировали труды Д. Дуэ и Ч. Линдберга.

Горестно, что не за 20 дней, а задолго до Второй Мировой войны, в будни испытаний будет не до романтики, что список рыцарей неба будет трагически сокращаться, покрывая родню сединой и слёзами. Ещё печальней было выжить, чтобы попасть в... ГУЛАГ...

Каждый из них знал, что их профессия подразумевает не только чистое небо и возможность наслаждаться полётом, но и вероятную, и что самое страшное, непредсказуемую смерть.

А на деле? «Нам разум дал стальные крылья, а вместо сердца пламенный мотор?» Все знали, но молчали. Улыбались, балагурили, пели любимые песни и выпивали. Обожали детей и жён, в редкие часы выбирались порыбачить на места, известные им ещё с детства. Охотились на кабана и дичь, ударяли за комсомолочками, влюблёнными в них «от тайги до британских морей». А как они гоняли наперегонки на мотоциклетах «Триумф», «Индиан», «Кавалер», «Харлей», ленинградских «Элах» и на «ИЖах», без преувеличения, мог позавидовать знаменитый

мотогонщик тех «вороних» лет С.И. Карзинкин! Кстати и В.П. Чкалов считал своим долгом шефство над всеми патриотично-оборонными мероприятиями ОСОАВИАХИМа, неоднократно встречался с разновозрастной (иногда неграмотной) аудиторией, агитировал за повышение технических знаний, чтобы народ из «слепого» стал «зрячим», смелым, боееспособным...

Приходилось снимать с себя ежедневный перегрузочно-психологический стресс, усугублённый узаконенным беспределом «пикировщиков», официально подгонорарных НКВД. «Первым делом, первым делом самолёты!» А так как самолётов к тому времени у СССР было не меньше девушек, давить на педали фортепьяно и вымученно рассказывать слабые анекдоты будущим истребителям армид Люфтваффе не оставалось времени. Лётчики продолжали гибнуть, а самолёты – им что, они ведь железные (пусть хоть фанерные)...

Вдумайтесь, сколько режущей скорби в словах профессионала высочайшего класса М.М. Громова:

«Кто же первым встречал, встречает и будет ещё встречать неведомое в воздухе? Лётчики-испытатели!

Могли ли предвидеть Поликарпов и Косткин, что их «Истребитель Либерти» окажется таким неустойчивым, что при первой же попытке подняться в воздух К.К. Арцеулов, блестящий лётчик, потерпит аварию? (Самолёт после отрыва от земли, не слушая рулей, пошёл на петлю. Константин Константинович, внук великого мариниста И.К. Айвазовского, к счастью, остался жив, сломав руку и ногу. По воспоминаниям Г.Ф. Байдукова, В.П. Чкалов также видел, как выпрыгивал с парашютом из попавшего в штопор И-1 длинный, огромный Громов – Р.В.В.).

– Могли ли они предвидеть, – продолжает Михаил Михайлович, – что лётчик Шарапов на том же самолёте серийного выпуска войдёт в плоский штопор и не выйдет из него?

Не только Поликарпов и Косткин, но никто в нашей стране не знал, отчего самолёт попадает в штопор, тем более – в плоский. Не знали, что такое самовращение самолёта (авторотация) и по какой причине она возникает. А ведь штопор лётчики уже делали в течение нескольких лет и выходили из него благополучно!

А кто открыл первым вибрацию типа бафтинга? Кто первым попал в вибрацию типа флаттер? Лётчик-испытатель в воздухе! Могли ли конструкторы предвидеть эти явления? Нет.

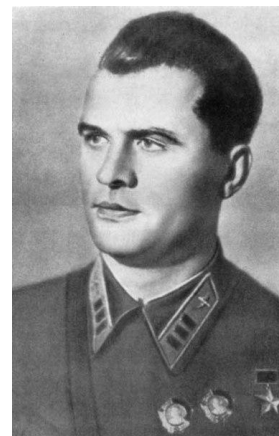
Мог ли Поликарпов предвидеть, что у его двухместного истребителя (2И-Н1 – одностоечный полтораплан с фюзеляжем-монококом круглого сечения с двигателем «Нэпир-Лайон» в 450 л.с. – Р.В.В.) на максимальной скорости сорвётся обшивка с крыла и лётчик Филиппов со своим хронометражистом Михайловым погибнет? Не мог!» – справедливо подчёркивает покоритель Полюса Неприступности...

Александр Жуков

Михаил Громов

Степан Супрун

Валерий Чкалов в родном Василёво

Томас Сузи

Перспективный И-17

В небесах войны

Внук Н.Н. Поликарпова – Андрей на Родине деда

Авторский вклад в юбилей ВВС Отечества

Несмотря на обвинения в «воздушном хулиганстве» и отстранения от полётов, Валерий, уже будучи ведущим лётчиком-испытателем НИИ ВВС РККА, очень сдружился с нашим замечательным земляком, авиаконструктором Николаем Николаевичем Поликарповым. Время было тяжкое: процветали донос, шапкозакидательство, партийный эгоизм, эйфория от идей, не материализованных успехами, нездоровый глобализм и грабёж «опиумной религии». Не надо говорить, как переживали из-за беззакония соратники по Центральному конструкторскому бюро – они ведь лично знали всю лётную элиту периода И.В. Сталина. Но сказать тогда вслух что-либо было равносильно самоубийству, ибо говорящий подрубал себе «крылья», подвергал риску семью, родственников и знакомых. И, хотя человеческое доверие кощунственно разлагалось на корню, многие шептались, что неспроста погиб в авиакатастрофе начальник Управления ВВС РККА П.И. Баранов. Молнией промчат года, и заберут его зама, сменившего его на этом посту, организатора и разработчика структуры ВВС страны, спасителя Чкалова, бывавшего в Орле Я.И. Алксниса. Так «раскручивался пропеллер» Эры репрессий.

«Шельмец Валерьешка», как называл его ближайший друг, отважный пилот А.Ф. Анисимов, напоминал Н.Н. Поликарпову своего учителя И.И. Сикорского, который перед отъездом в США часто повторял:

– Николай Николаевич, Вы непременно должны научиться летать!

Герой Советского Союза, член Чкаловского экипажа во время перелётов на остров Удд и через Северный Полюс, ас-полярник Г.Ф. Байдуков вспоминал, что Валерий говорил конструкторам:

«Побывайте в нашей шкуре, будете строить машины такие, какие нужны советским лётчикам». – И он предложил при аэроклубе завода создать небольшую школу для работников завода и добился, чтобы для занятий выделяли самолёт У-2. Первыми его учениками стали конструкторы. Прежде всего сам Николай Николаевич Поликарпов, затем Дубровин, Таиров, Буксаков и другие, всего 11 человек (то есть, вся команда «короля истребителей» – Р.В.В.). Летали перед работой с шести часов утра и после её завершения до захода солнца. Валерий Павлович не зря затратил на это много энергии – все его учлёты сдали экзамены в Центральном аэроклубе и получили права на самостоятельное управление самолётом».

Действительно, Чкалов, как никто другой, знал, что вкус победы придаёт человеку силы. Силы, чтобы быть сильнее собственного страха, сильнее железа, сильнее самого себя, поскольку помнил истину – чтобы научиться управлять самолётом, нужно научиться управлять собой. Он не раз говорил ближайшим друзьям, что иногда полезно испытать безумную опасность, до конца испугаться, а затем – до конца разозлиться, выложиться до предела возможностей, напрячься так, чтобы каждый нерв, каждая клеточка кричали. Как теоретик высшего пилотажа боевых машин (в первую очередь истребителей) уроженец Василёво ясно пони-

мал, что без этого победа в борьбе с воздухом, неполадками и подлыми случайностями так же расплывчата, как инверсионный след, оставляемый самолётом...

Сотрудничество с авторитетным КБ Н.Н. Поликарпова плодотворно продолжится на пользу наступлению и обороне соединяющихся пролетариев. Дальнейшим развитием бипланной схемы, внедрённой на И-5 и И-6, стал опытный ЦКБ-3 с видоизменённой формой верхнего крыла, что улучшало обзор из кабины. Чкалов не нарадовался одноместному манёвренному истребителю, причём установил рекорд, пройдя с умиротворённым рёвом вираж на высоте 1000 метров за 8 секунд. Сам ЦКБ-3, более известный, как И-15, вероятно, «радовался», выдавая «двадцать пятой эмкой» все свои 715 лошадиных сил, когда он, «чувствуя» пилота, стремительно поднимался на пятитысячную «планку» за шесть минут. После успешных испытаний самолёт был запущен в крупную серию, завоевав уважение и любовь у пилотов и техников (всего было выпущено 674 И-15 и 2 408 И-15-бис в 11 модификациях).

Чёрный для мира 1933 год пролетел, словно визг, оставляемый экстренным торможением на взлётно-посадочной полосе. Поликарпов мрачен: теперь у его КБ были настоящие, а не дутые из чепушинок «враги». Враги, ставшие под штандарты каудильо Франко. Противник, в виде «Фиатов», «Капрони», «САНТов», «Саэтт» и «Хейнкелей». То был зловещий период чёрного двухлетия. Испанская фаланга под лидерством Хосе Антонио Примо де Ривера и генерала Санхурхо, ездивших в конце октября за фюрерской поддержкой в Берлин, открыла путь войне в 32 месяца.

Фашиствующие триумфаторы из «Стального шлема», НСДАП заседали на Вилли Мессершмитта. «Центурионы» дуче – на Челестино Розателли. Скромный орловец не без давления партии и правительства к концу года завершил проект авангардного истребителя. Это была замечательная машина, будущая победно-трагичная знаменитость всех крылатых противостояний между госидеологиями и системами – истребитель-моноплан И-16. Так было сломлено консервативное мнение ряда авиаграндов, заключавшееся в том, что биплан является традиционной схемой самолёта.

Первым, кто испытывал ЦКБ-12 с убирающимся в полёте шасси, был искусный укротитель боевых болидов Валерий Павлович Чкалов, и на этот раз безжалостно рисковавший жизнью. Почерневший от горя после гибели «народного лётного артиста, кинозвезды Фролыча», как он окрестил своего лучшего друга А.Ф. Анисимова, он «отрывался» под облаками так, что какой там адреналин – кровь закипала в жилах. Создатели машины, присутствующие здесь же лидеры ВВС, НИИ, наркоматов, представители самолётостроительной отрасли и смежных с нею производств, холодели изнутри от головокружительных пируэтов компактного «курносого», с честью выдержавшего колоссальные нагрузки и перегрузки. Благодаря их деятельному участию и вмешательству в судьбу мно-

гообещающей машины, она была тут же, без проволочек документационно оформлена для постановки в крупносерийное производство.

Новый самолёт вскоре станет всеобщим любимцем лётчиков за счёт своей лёгкости, чуткости в управлении, манёвренности и высокой скорости. Однако, чтобы полноправно владеть этим шустрым истребителем (модельный ряд моторов представлял собой мощь от 460 до 1100 л.с.), многим «сталинским соколам» придётся основательно пересмотреть не только технику пилотирования, но и тактику и стратегию ведения воздушного боя как на малых, так и на средних высотах.

«Шестнадцатый» ошибок не прощал. К глубокому сожалению, участились катастрофы даже среди «стариков». «Безусые кузнечики» с малым налётом часов могли изучать «ишачок» в едином положении – на земле. Многих тогда бросала в дрожь приговорно-сухая отписка комиссий по расследованию несчастных случаев – «не справился с управлением»...

Как бы там ни было, опыт качественной сборки, детальные инструктажи кудесников лётного искусства, теоретические и практические занятия-манёвры удобрили почву для приёма этих истребителей в спешно создаваемые формирования ВВС СССР. Чкалов, по воспоминаниям соратников и родни, был очень доволен. Мало кто знал, как ему пришлось «воевать» за будущее самолёта ещё в мирное время и в каких «заоблачных» инстанциях он доказывал необходимость его скорейшего внедрения в массы...

Самосжигающий труд Николая Николаевича Поликарпова и Валерия Павловича Чкалова будет замечен и высоко оценён правительством. Простые слова наркома тяжёлой промышленности Григория Константиновича Орджоникидзе, позднее загадочно ушедшего из жизни, говорят, как закалялась сталь:

«Конструктор авиационного завода тов. Поликарпов Н.Н. является одним из способнейших работников нашей авиации. Им сконструированы И-15 и И-16. Оба самолёта приняты на вооружение. Лётчик В.П. Чкалов ведёт испытания этих новых истребителей и считается одним из лучших лётчиков. Я прошу наградить орденами Ленина конструктора авиазавода Поликарпова Н.Н., лётчика Чкалова В.П.»

Награды – наградами, общественное признание – это одно (как говорится, штрих биографии), а направление деятельности «Антикоминтерновских» побратимов по «Оси» вынуждало тружеников Советской России спать начеку, ускоряло развитие промышленных производств, экономики, открыло путь антинародной политике в ореоле культа личности и лживому марксизму в обрамлении искажённого ленинизма.

Одним из ярких примеров, олицетворяющим гигантоманские идеи революционеров, следует назвать одномоторный АНТ-25 А.Н. Туполева, бензоцистерны которого задумывалось использовать под химическое оружие массового поражения. Кому оно было предназначено, мог и не знать один из руководителей химического Управления РККА

Я.М.Фишман; однако он знал о ёмкости крыльевых баков покорителя Страны снега и айсбергов, составлявшей объём от четырёх до пяти тонн...

Знал ли об этом «рекордном ляпсусе» Чкалов? Трудно сказать. А так как проект приказал «долго жить», более важным видится то, что с 1933 по 1939 год маленький, похожий на бочонок, И-16, развивавший скорость 490 км/ч, стал главной опорой истребительной авиации Советского Союза как в сухопутных частях, так и в базовых формированиях флотов (всего выпущено 6555 экз. в 18-ти модификациях).

Отрадно заметить, что КБ Н.Н. Поликарпова, в противовес разработкам Вилли Мессершмитта и других потенциальных «врагов», вновь отличилось в проектировании истребителей, выпустив в свет любопытный моноплан И-17 (ЦКБ-19). Самолёт представлял собой развитие на основе И-16, однако был настолько выведен по аэродинамике – глаз колло! Плавность внешних черт не имела ничего общего с И-16 – не самолёт, а нарицательно, Анна Павлова!

Работа над ним развернулась в полную силу с зимы 1934 года. Всем хотелось поскорее вывести его на испытания. Оставляя в стороне скелет и материалы конструкции, отметим, что моноплан вышел удачным в лучших традициях воздушной акробатики. Правда, были проблемы с мотором, но вскоре и этот весьма важный вопрос был решён положительно. Рождался самолётище! С учётом скоростной заявки, его ожидало большое будущее...

Чкалов перед испытаниями неутомим, взвинчен не меньше авторов. Ему нравилось в безоружном истребителе все: нормальная длина хвостовой части, сдвинутая вперёд центровка, усиленный лонжерон крыла, сваренный из стальных труб; полированный пропеллер «Ратье», сдвижной фонарь и окна для освещения приборов, и сам кумачовый цвет машины с темно-синим капотом и коком винта.

Случилось так, что партийная аристократия решила воочию лицезреть показательные полёты. Не будем рассматривать, кто что указал, направил, прозрел, кому кивнул, что подал или кого увёз. Замкнуло у Чкалова на финальных литрах: надо садиться, в руках мечта любого пилота мира (минута назад – 424 км/ч), а тут – эта очередная «петрушка», мать её через Иммельмана!

Убирающееся шасси оставляло желать лучшего ввиду прежнего (как и на И-16), «шарманного» привода. Механический привод не устраивал «всю королевскую рать» ЦКБ из-за своей ненадёжности по типу «в тихом омуте черти водятся». Заедание шлицев и, как всегда, внезапный отказ амортизации систематически одолевали инженер-группу то анальгином, то валерианой из-за Валерия...

Он спасёт и в этот раз себя и машину, хотя мог спикировать на антинародных лидеров аналогично попытке Н. Благина, угробившего «Максим Горький» (АНТ-20) с 40 невиновными несчастными (думал, наивный, будет лететь Сталин). Но как он спасал И-17, себя, авторитет по-

ликароповцев – это господа, надо было не в хронике под ширпотребовский пирожок глазеть, а в натуре...

...Стрелка уровня топлива – нуль, а жить хочется и красную «ласточку» чуть не до слёз жалко! Плавный разворот. Газ по стуку сердца. Лёгкий крен в сторону вышедшей стойки... касание земли... внеплановая эффектная рулёжка на одном колесе (!) и бег по полосе!

Всё обошлось, – текст не кинофильма. Валерий Павлович, мокрый, как мышь, неизвестно что мысленно пережил и о чём думал, вылезая «из стойки боком», как он подсмеивался над своим любимцем за тесную кабину и малый мидель только вчера. Поликарпов, наверное, как и все, плакал от счастья, что лётчик, друг – жив. А может быть, он подумал, что чёрт с ним, с опытным экземпляром? Или наоборот: «Вложим по-новой душу в железяку бездушную! Лишь бы потерь не было...»

На «фундаменте» «семнадцатого», побывавшего в Париже и Милане на авиавыставках, зарождается, строится и испытывается (опять же Чкаловым) пушечный истребитель ЦКБ-19. За рубежом только вызревали планы пушечного перевооружения «Мессершмиттов»-109 и 110, «Спитфайров» и «Харрикейнов», «Кертиссов», «Буффало», «Грумманов» и меча воздушного самурайства, пока бумажного «Зеро-сэна», авторства Д. Хорикоси. Союз поликарповцев актуально выступил законодателем пушечных «вееров» на борту самой «москитной» авиаформации – истребительной. Здесь заслуга советской школы боевого самолётостроения неумолима.

Дело не в тезисной, убаюкивавшей глаз транспарантности, а в самом резюме Чкалова, основоположника скоростных полётов на бреющем: «Перейти с самолёта И-16 на самолёт И-17 – это всё равно, что с «Форда» пересесть на «Линкольн». Мнение большого друга Поликарпова и других авиаконструкторов не везде адекватно ценилось. Мешали завистники, даже когда он вальсировал на паркетах или ужинал с секс-бомбами Совдепии под ласкающее уши ностальгичное танго.

Что же дальше? А ничего хорошего: хода работе по И-17 и И-19 не дали. Испытанный В.П. Чкаловым самолёт, показавший изумительно положительные лётно-тактические и технические достижения (скорость – 500 км/ч и потолок – 9700 м), был затуркан в архив-ангар Поликарповского коллектива по соображениям якобы тесноты рабочего места пилота. Видя, какая размалёванная ассовская саранча воспитывается в Люфтваффе, глупо не уразуметь того, что 1000 выпущенных И-17 и соответственно подготовленных к ним низкорослых индивидуумов, могла полноценно и полнокровно вступить в ряды в составе перехватных эскадрилий ПВО. Налицо один из многих промахов кремлёвских воротил, веривших в «честность и порядочность» пакта Риббентропа-Молотова и предшествующие ему фальшивые соглашения с крестоносцами.

Перед отзывом на покорение Полюса Неприступности бесстрашный Чкалов неустанно работал с И-17 касательно «приручения» плоского и управляемого штопора. Ему многое удалось, причём он душою по-

любил высокоскоростной моноплан. Заступался за него и Н.Н. Поликарпова при личных встречах с авиапромышленниками и пр. заседательной кастой из числа многопишущих (в пустоту) инстанций. А.Н. Журавченко и В.С. Пышнов – авторитеты ЦАГИ (Центрального аэрогидродинамического института им. Н.Е. Жуковского), лётчики НИИ ВВС, инженерная когорта ведущих и отстающих ОКБ так или иначе видели в И-17 и его модификациях переворот в мировом авиастроении и повсеместно голосовали «За!». Но не досмотрели. Не доглядели, под преступное убийство руководящего «кулака» ВВС – было не суждено. Хотя идея реализации названных проектов-планов обязывала приложить все усилия связующих звеньев (от аппарата до производителей) раньше старта АНТ-25 по маршруту Сталина на США...

Сверхмужественной Чкаловской эпопее, растопившей лёд не только американских сердец, посвящено весомое число произведений в России и за рубежом. Всепланетное признание – это был пик, своего рода гимн русской технической оснащённости, русским небопроходцам, покорившим вечную мерзлоту и стужу. Это была, хотя и пропагандистская, но высокопорядочная, дружественная попытка объединить народы в преддверии зарождающегося хаоса Второй Мировой войны.

Между тем, в декабре 1938 года предполагалось облетать новый истребитель поликарповцев И-180, но с ним на авиазаводе в Горьком не ладилось. Без конца обнаруживались «детские болезни» – дефекты. Поликарпов, вместе с единомышленниками З.И. Журбиной, Д.Л. Томашевичем и многими другими, «налегал» на сдвинутую вперёд центровку, мощный двигатель воздушного (или жидкостного) охлаждения, продольную устойчивость истребителя и высокую нагрузку на крыло, обеспечивающие боевой машине её первый показатель – скорость.

Главное управление авиапромышленности оказывало давление, требуя скорее решить вопрос о пригодности истребителя, дабы оперативно запустить его в серию в будущем году.

Морозным днём 15 декабря для всех, кто задумывал, изготавливал и готовил самолёт к полёту, наступил самый переживаемый момент. Наконец-то, после детальных доработок и устранения дефектов (например, оборванного троса акселератора), споров с Поликарповым, ведущим инженером по испытаниям Лазаревым и главмехаником 180-го Барским, Чкалов вырлил на край аэродрома. Ярко-красный И-180, мощно взревев мотором М-88, пошёл на разбег. Все с непередаваемым волнением смотрели, как он бежит по полосе всё быстрее и быстрее, вслушивались в звук работы 14-цилиндрового двигателя. И вот – второй в его судьбе отрыв от земли, шаг навстречу неизвестности... Стремительно набрав высоту, виртуоз воздуха сразу же начал с машиной «серьёзный разговор», пробуя её в разных скоростных режимах.

Отмечая про себя чуткость рулей, их жёсткость и манёвренность выстраданного детища, он поначалу делал плавные развороты, затем – покруче.

Факт, что скоростной истребитель импонировал лётчику, как в своё время и другие машины Поликарпова, с которым он держался на равных. Кто знает, может в тот миг он вспомнил кого-то из своих деток или Марианночку Поликарпову, вечером просившую его взять её в полёт чуть ли не до слёз...

Его ровесник, известный лётчик-испытатель В.К. Коккинаки, позже будет рассказывать, что к его машине приблизился Чкалов. Радостно качнув крыльями в знак приветствия, Валерий широко улыбнулся, показав большим пальцем: «Отличный истребитель!»

Очевидно, Чкалову хотелось поскорее поделиться мыслями с теми, кто был на земле, кто создавал сие чудо, но связи с ней не было. Лишь слегка подрагивали стрелки на приборной доске...

По пилотской сути, полёт прошёл нормально. Чкалов начал снижение, чтобы достойным образом завершить его.

«Сделав большой круг по границе аэродрома, Чкалов пошёл на посадку, – рассказывает тогдашний начальник отдела НИИ ВВС, инженер и лётчик-испытатель И.Ф. Петров. – Дальше всё произошло в какие-то секунды. Лётчик, чтобы сесть в расчётном месте, убрал газ – мотор переохладился; заметив, что до границы аэродрома не долететь, он решил, видимо, подтянуть газком. Обычная работа. Но вот тут все обратили внимание, как за самолётом вырвался и потянулся большой столб дыма. Это означало, что мотор переобогатился горючим. Затем уже было видно, как остановился винт.

Произошло всё это на малой высоте. Практически лётчик уже ничего не мог сделать с мотором. Не долетев метров 200-250 до границы аэродрома, самолёт Валерия Павловича ударился о землю, лётчика выбросило из кабины и он погиб».

Погиб не только лётчик-испытатель и комбриг, мужественно испытывавший более 70(!) типов самолётов, но и неустрашимый патриот-новатор, главной целью жизни которого было совершенствование воздушного боя в возможной войне, по его мнению, для СССР неминуемой. Асовский почерк, аналитический и не испорченный околотронной интригой ум, бесшабашная удалость с элементами трюкачества сделали

его любимцем народа по тяжело заработанному праву. Вдобавок, Валерий Павлович, проигнорировав сталинские намётки в отношении назна-

чения его наркомом внутренних дел, выступил поборником бреющих полётов, считая их одним из лучших манёвров для эффективного поражения наземного врага. Властитель дум советской молодёжи, поразивший с друзьями всю Америку, создал новые фигуры высшего пилотажа – восходящий штопор и замедленную бочку, осуществил выход из пике и набор высоты в перевёрнутом положении. Безгранично рискуя, спас десятки машин, построенных в одном экземпляре, за что был одарен правительством голубым «Паккардом».

И по сей день не улегаются споры, гипотезы, разговоры, обоснованная и необоснованная дезинформация относительно версии-теории «переохлаждения двигателя». Отметая «специалистов» по созданию шума из ничего, предлагаем читателю пойти методом профессионала лётных наук С.П. Супруна, испытывавшего в тот день двухместный Ди-6 С.А. Кочеригина. Он мчался на своей «Эмке» к месту трагедии, но никогда не узнает того, что раскроется нации более чем через полвека – погибнет, как и тысячи лётчиков, в начале Великой Отечественной войны...

Составленный автором испытательно-жизненный отчёт содержит в себе достоверные факты, рассказанные или записанные очевидцами и участниками рассматриваемых событий. Многие из них – не обнародованы и поныне, что прямо указывает на нежелание властей сжечь гриф «Совершенно секретно» раз и навсегда.

§ 1. По неофициальным данным, на Чкалова было совершено семь покушений в ходе одной из избирательных кампаний, предшествовавших катастрофе.

§ 2. Сын Чкалова, полковник авиации И.В. Чкалов, впервые услышавший об аварии от сына легендарного В.И. Чапаева, военлёта А.В. Чапаева, так же, как близкий друг отца (оба – его ученики) А.К. Серов, придерживается мнения, что Валерия Павловича убили (т. е. трагедия с И-180 – «удачное» покушение № 8).

§ 3. Дочери Валерия Павловича – старшая В.В. Чкалова и О.В. Чкалова – считают, что Сталин не мог быть замешан в гибели отца, поскольку папа был частым гостем Хозяина и имел на него положительное влияние, говоря, что «ваша жизнь – дороже любой машины». Однако, вспоминая рассказы матери, Ольги Эразмовны, отмечают: король пилотажа спал с именованным пистолетом под подушкой.

§ 4. Товарищ специалиста по авиадвигателям С. Туманского, представитель Запорожского завода № 29, Е. Гиндзбург, чудом избежав расправы, исходящей от бериевско-меркуловских костоломов, отменял полёт устно и письменно по причине отсутствия на моторе бензопомпы (была установлена гидравлическая).

§ 5. И-180, по сути не совершивший ни одного вылета (не считая подскоков на несколько метров и рулёжки 12 декабря), попадает не в письмо, а в прямо стенографическое досье Берии, где он запрещает ис-

питания тем же числом, ссылаясь на 48 дефектов (обнаружено Валерией Чкаловой в закрытых спецархивах).

§ 6. В течение продолжительного времени после падения истребителя команда по оказанию первой помощи не могла приблизиться к нему из-за боязни вероятного взрыва, хотя и знала о приблизительном остатке горючего.

§ 7. Никто не знает, куда делись обломки, последняя бригада авиамехаников, готовивших самолёт к вылету при морозе около -30 C° , а также настораживает факт, запрещающий освидетельствование «смерти» мотора, сам запуск которого, как видим по погоде, был крайне нежелателен.

§ 8. Авиационная элита прошлого и настоящего считает, что гибели В.П. Чкалова можно было бы избежать, если бы он совершил посадку на «брюхо», но и этого ему не дали, шасси было... законтрено, т.е. «превратилось» в неубирающееся (подтверждение версии Игоря Чкалова).

§ 9. Прославленный ас часто заступался за друзей и малознакомых лётчиков в НКВД. Теперь все причастные к испытаниям оказались в тюрьме. Ведущий инженер Лазарев, представлявший лётчику акт о готовности к вылету, для всех внезапно стал «тяжелобольным»; на самом же деле его на полном ходу выбросили из электрички...

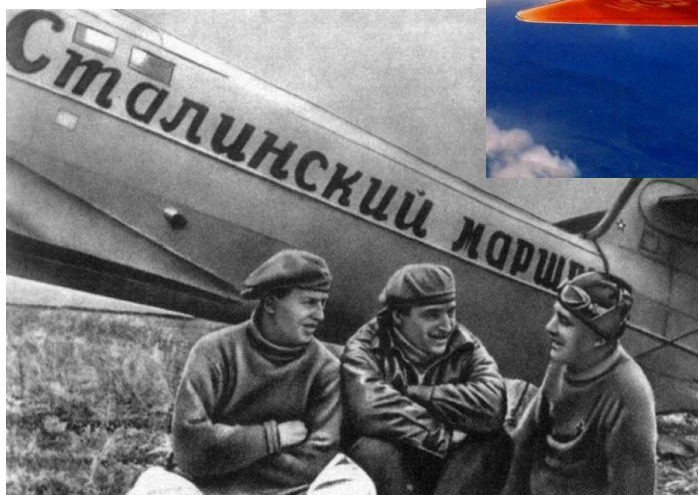
§ 10. Близкий друг волжанина, участник перелёта на АНТ-25, Г.Ф. Байдуков неспроста пишет в книге о нём: «Я убеждён, что Чкалов сумел бы вывести И-180 на большую дорогу, не попади он в ловушку, в которой оказался не по своей вине или оплошности».

Тяжко «всё это» осознать даже спустя время. Втройне обидно, что в России воспитывается забывчивая нация, тогда как в США председатель Чкаловского трансполярного мемориального комитета А. Коул, один из основателей комитета П.С. Белов, кинорежиссёр и продюсер У. Уэйдман ищут материалы о замечательном русском пилоте и его экипаже, приземлившемся на аэродроме Пирсон-филд 20 июня 1937 года. Цель заокеанских изысканий – создание художественного фильма.

Помнится, президент США Ф.Д. Рузвельт сказал тогда историческую фразу: «Никакая работа дипломатов не могла бы сделать и за десять лет того, что сделали вы своим перелётом для сближения народов».

Американцы жаждут узнать побольше о жизни Валерия. Что ж, я отослал данную работу в Ванкувер (штат Вашингтон). Не знаю, доплывёт ли? Надеюсь, «Юневерсал», «Коламбия пикчерз», «Твентисенчури Фокс» и «Парк-авеню продакшнз» заинтересуются освещёнными событиями, которые первостепенно обязана чтить-помнить Родина, бывший Союз Советских Социалистических республик.

Под крылом –
Северный полюс

Покорители
«страны айсбергов»
на отдыхе

Не разлей вода –
В. Чкалов и А. Анисимов

Редкие минуты в кругу семьи

Земная
благодарность волжан

ВПЕРЁДСМОТРЯЩИЙ АДМИРАЛ

(К 110-ЛЕТИЮ ВЫДАЮЩЕГОСЯ КОМАНДУЮЩЕГО
СЕВЕРНЫМ ФЛОТОМ А.Г.ГОЛОВКО)

Первого июня страна, ветераны и действующий контингент Северного Флота России будут отмечать 83-летие со дня его основания. 23 июня, несмотря на близстоящий День памяти и скорби, военно-морская элита державы на всех флотах и флотилиях почитит фронтовые заслуги адмирала Арсения Григорьевича Головки, в честь его 110-летия со дня рождения.

По прошествии 70 лет после Великой Отечественной – удивляет, что командующей надводными и подводными силами легендарного Флота не награждён «Золотой Звездой» Героя Советского Союза (при жизни и посмертно), хотя был флагманом могучих, прославленных в боях соединений с 26 июля 1940-го по 4 августа 1946-го...

С 18 лет Арсений в рядах Морских Сил Советской Республики, в 20 – член ВКП(б). Магнитная любовь к морю и к традициям Русского Флота привели смыслёного парня в стены ВМУ им.М.В.Фрунзе. Окончив его в 1928-м, пройдя службу на различных кораблях в разных должностях, лейтенант Головки познаёт океанскую стратегию на курсах усовершенствования командного состава. Пройдя обучение в 1931-м, будущий адмирал продолжил учёбу в апартаментах Военно-Морской Академии, став её выпускником в зловещем для страны 1938 году...

Черноморский и Балтийский Флоты, Каспийская флотилия – штормовые будни судьбы Головки до 1932 года. Лидеры партии, правительства и наркоматов, оценивая его успехи в деле укрепления и совершенствования тактики и стратегии, объединённых с практикой, направляют офицера флагманским минёром, позже главой штаба бригады торпедных катеров на только что основанный (21 мая 1932 г.) Тихоокеанский Флот.

Проявив замечательные качества командира, наставника, кадровика, Арсений Григорьевич в числе первых советских моряков воевал в Испании против мятежников Ф.Франко. Боевой опыт, полученный начинающим флотоводцем, тяжко переживавшим репрессии в руководстве Вооружённых Сил СССР, позволил Головки стать командиром дивизиона эсминцев, затем начштаба КСФ, командующим Каспийской и Амурской флотилиями в довоенный период.

В четырёхлетье Второй Отечественной контр-адмирал отвечал головой за разведку и десанты, за охранение англо-американских конвоев, за отражение налётов Люфтваффе на порты и базы, за действия кораблей и подлодок против рейдеров и субмарин Кригсмарине. Вклад Арсения Григорьевича в достижение побед на море, в операции ВВС, подчинённых КСФ, а также в дружбу с союзниками отразился в памяти североморцев, военного поколения и потомков подвигами дважды Героев Советского Союза морпеха В.Н. Леонова, истребителя Б.Ф. Сафонова, катерника А.О. Шабалина. Наследник славных дел репрессированного флагмана К.И. Душенова, перенявший эстафету командования Флотом от вице-адмирала

В.П. Дрозда, А.Г. Головки лично знал и награждал за боевые походы подводников И.А. Колышкина, И.И. Фисановича, М.И. Гаджиева, И.Ф. Кучеренко. С ними обрели бессмертную славу экипажи субмарин под командованием В.Г. Старикова и Г.И. Щедрина, Н.А. Лунина и Ф.А. Видяева, А.М. Каутского, В.П. Уткина, В.Н. Котельникова, К.И. Малофеева, Н.П. Нечаева и В.П. Каланина.

В кильватере героизма вошли в энциклопедии Флота СССР и России Герои Советского Союза, воевавшие под началом А.Г. Головки – катерники И.М. Желваков, В.И. Быков, Г.Д. Курбатов, А.И. Кисов, С.Д. Зюзин, В.М. Алексеев, Б.М. Лях, В.М. Лозовский, Л.Л. Новоспасский. Сутками навели ужас на противника их коллеги по оружию, мастера лихих торпедных атак Н.Г. Танский и Б.Т. Павлов, Г.М. Паламарчук и В.В. Рассохин.

В 40-х годах командующему помогали (не без горячих споров и разногласий) члены Военсовета КСФ А.А. Николаев, Н.М. Кулаков, Н.П. Зарембо. Путеводной звездой морякам служили подвиги разведчика С.М. Агафонова, пехотинца А.Г. Торцева, морпеха В.М. Бродюка, командира разведотряда И.П. Барченко-Емельянова, командира дивизиона эсминцев А.И. Гурина. Станут прототипами и персонажами многих статей, книг, художественных и документальных кинолент авиаторы-торпедоносцы К.Ф. Шкаруба, Г.С. Асеев, Е.И. Францев, М.М. Бадюк, Б.П. Сыромятников, В.П. Балашов, А.И. Скнарев, А.А. Баштырков, М.Ф. Покало. От острова Русский до Медвежьего молились, чтобы вернулись домой их друзья по крылу, победоносцы С.А. Макаревич и Г.И. Писарев, Ю.П. Кочелаевский и М.П. Боронин, И.Т. Волынкин и П.А. Галкин, В.Н. Гаврилов и Н.И. Зайцев, В.И. Киселёв и члены экипажей всех названных и не названных.

Велика роль в разгроме и изгнании агрессоров пилотов-штурмовиков А.Н. Синицына, С.А. Гуляева, Г.В. Павлова, И.Б. Катунина, Д.В. Осыка, А.М. Маркина. Так же, как и экипажи минно-торпедной, топмачтовой и бомбардировочной авиации, они с однополчанами участвовали в потоплении вражеских кораблей, подлодок, конвоев и транспортов в море, сотни раз вылетали громить ПВО в базах и портах, атаковали аэродромы и эшелоны в пути и на железнодорожных узлах.

Истребительная авиация Северного Флота осуществляла прикрытие портов и военно-морских баз, обеспечивала действия разведывательной и ударной авиации, прикрывала корабли и конвои, поддерживала войска фронта. В созвездии высокорезультативных лётчиков-истребителей В.С. Адонкин, А.П. Шипов, В.А. Бурматов, А.К. Тарасов, Н.М. Диденко, В.П. Стрельников, П.Д. Климов, П.Г. Сгибнев, А.А. Коваленко. В орденноносном ряду с ними истребляли крестоносную «саранчу» в небе и на земле, топили крылатых иноземцев виртуозы пилотажа и снайперства П.А. Рассадкин и П.Л. Коломиец, П.И. Сахаров и П.А. Панин, З.А. Сорокин и Е.В. Петренко, а также многие другие Герои-гвардейцы.

На слуху и в памяти были подвиги экипажей эсминцев «Громкий», «Гремящий», «Грозный», «Разъярённый», «Сокрушительный», «Разумный», ледокола «Александр Сибиряков» и сторожевика «Туман»,

гидрографического «Мурманца». Ежегодно североморцы чтут венками по волнам и салютами имена сверхмужественных моряков, навечно связанных с упомянутыми кораблями – А.Гурина, Б.Киселёва, Б.Николаева, А.Качарава, Л.Шестакова, И.Ульянова, участника Ленд-лизовских караванов К.Бадигина...

Выдающихся достижений добились в войне на море подопечные А.Г. Головки – командир подлодки «С-55» Л.Сушкин, катерники Д.Колотий, В. Алексеев, С.Коршунович. Стал легендой войны в Заполярье мирный труженик «Дежнёв» под командованием В.Н.Макова, вступивший в поединок с линкором «Адмирал Шеер»...

Формат очерка не позволит вспомнить всех поимённо в боевых эпизодах, но мы назовём доблестных представителей разведывательной авиации Северного Флота, приближавших Победу каждым вылетом за горизонт. Их доклады и рапорты приоритетно поступали к командующему и далее – по всей инфраструктуре подчинения. Среди них Герои Советского Союза М.К.Вербицкий, П.С.Шейн, Л.И.Елькин, Н.Я.Турков, П.И.Селезнёв, Р.М.Суворов. С ними взаимодействовали освоившие новейшие «Яки», «Ла», «Харрикейны», «Кертиссы» и «Аэрокобры» асы-истребители С.Г.Курзенков, В.П.Покровский, П.И.Орлов, Н.А.Бокий, П.Д.Романов, Д.Г.Соколов, В.П.Юдин, А.М.Титов, В.П.Максимович, Д.Ф.Маренко, Д.И.Синев, А.Н.Кухаренко, П.Семенов, В.С.Дорошин.

В 1941 Арсению Григорьевичу присвоили звание – вице-адмирал. Фактически под его командованием находились 15 субмарин, столько же сторожевых катеров, 8 эсминцев, 2 тральщика, 7 сторожевиков, минный заградитель и 116 самолётов (большой частью конструкции Н.Н. Поликарпова). В ходе войны КСФ постоянно поддерживался перебазированием подлодок, кораблей и авиации из состава КБФ, ТОФ и Каспийской военфлотилии. Например, в начале весны 1943-го в распоряжение А.Г.Головки и его штаба пришли 4 подлодки типа «С» и одна «Л-15». Данный дивизион прошёл около 18 000 миль через три океана, выйдя из Владивостока, а «Л-15» присоединилась к нему у Западного побережья США.

Беломорская ВМБ была преобразована в одноимённую военфлотилию в августе 1941 года в Архангельске. Артиллеристы береговой обороны имели в наличии несколько батарей 45-мм пушек и 14 стационарных батарей с орудиями калибром 100-180 мм. Защищая Мурманск, базы Кольского полуострова и коммуникации, североморцы ликвидировали угрозу их захвата по планам противника, сформировав отдельную бригаду из 10 000 человек (несколько полков и батальонов морпехов). Из-за опасности блокирования, уничтожения и пленения сухопутных частей, оборонявших полуострова Средний и Рыбачий, Ставка ВГК 31 июля 1942-го организовала Северный оборонительный район, подчинив его Северному Флоту.

К Рождеству 1944-го защитники Советского Заполярья и морских рубежей Отечества противостояли врагу всей силою стволов, энергетических установок и моторов 19 сторожевиков, 9 эсминцев, 23 подло-

док. Важнейшим мобильным звеном КСФ числились 15 торпедных катеров, около 70 охотников за субмаринами и сторожевых катеров, 36 тральщиков и 40 катеров-тральщиков. Учитывая потери, новейшей техникой вооружили ВВС – им поступили (в т.ч. по Ленд-Лизу) 353 машины разных типов и конструкций.

К концу года боевой плавсостав увеличили поставкой 62 противолодочных катеров, трёх подлодок, двух тральщиков, 32 торпедных катеров. В ходе Петсамо-Киркенесской операции моряки поддерживали матушку-пехоту на Карельском фронте, 838 раз выходили в море на защиту караванов союзников от надводных, воздушных и подводных пиратов Кригсмарине. Почти полторы тысячи транспортов с военгрузами смогли войти с радостным гудком в базы и порты по назначению, благодаря круглосуточным подвигам североморцев.

Это была не просто трагично-отважная статистика войны на море. Жила титаническая аккумуляция энергии разума, воли, мускулов, душ, тактики и стратегии, непреодолимое движение сынов, верных Родине, которые адмирал А.Г. Головкин отобразит в будущем, назвав мемуары «Первые дни» и «Вместе с флотом». На мастерское владение техникой и оружием накладывала суровейший отпечаток Советская Арктика с её четырёхмесячной продолжительностью навигации.

Помимо Атлантики и Гольфстрима «Барракуды» К.Дёница и корабли Э.Редера патрулировали в Баренцевом и Карском морях до пролива Вилькицкого. Бомберы, штурмовики, торпедоносцы, истребители, амфибии и дальние разведчики Г.Геринга постоянно атаковали транспорты в Белом и Баренцевом морях до Новоземельских проливов. Вражескими минами и «волчьими стаями» подлодок кишел многострадальный путь конвоев и их не спасало соблюдение режима радиомолчания. Северному Флоту не помогла английская удача – расшифровка кодов германской шифрмашин «Энигма»...

Кроме Архангельска, часть сил Беломорской военфлотилии в начале войны размещалась на Кольском полуострове (ВМБ Иоканьга). С августа 1941-го по октябрь горестного для страны года ею командовал контр-адмирал М.М.Долинин, а после него (до марта 1943-го) флотилию возглавлял вице-адмирал Г.А.Степанов. При Долинине сформировали Северный отряд на острове Диксон (ВМБ Амдерма), который охранял проливы Югорский Шар, Карские ворота, полярные станции и порты. Ввиду усложнения обстановки и расширения театра военных действий (при Степанове) флотилия получила две дополнительные «прописки» – на Новой Земле (Белужья Губа) и на Диксоне (Карская ВМБ).

В марте 1943-го Г.А.Степанов сменил на посту контр-адмирал (через год вице-адмирал) С.Г.Кучеров. С августа 1944-го до расформирования флотилии в апреле 1945-го его пост займёт вице-адмирал Ю.А.Пантелеев. В общей сложности морских и воздушных боёв сподвижники А.Г.Головкин осуществили охранение и проводку свыше 2 500 транспортов. Финальной операцией в системе арктических конвоев была

«АБ-15». С 20 октября по 20 ноября 1944-го из вод Арктики выводили четыре ледокола под «эскортом» 21 боевого корабля. О поставках по Ленд-Лизу авторы строк более детально рассказали в спецвыпуске журнала «Орловский Военный Вестник» – «СССР – Англия – США: сотрудничество по оружию» (очерк «Против Гитлера и Хирохито»), № 8 (39), июль 2015 г. Тем не менее, к юбилею адмирала напомним, что Северный Флот провёл около 3 000 во внутренних и около 1500 транспортов во внешних конвоях в 1941-45 годах.

Увы, что военэлита Англии и США, учитывая серьёзно - невосполнимые потери при прохождении караванов, шедших из Лох-Ю, Рейкьявика и залива Хваль-фьорд, не раз и не два затормаживала их своевременную отправку в СССР. Люфтваффе, Кригсмарине и «бородачам» К.Дёница удалось пустить на дно 85 различных по водоизмещению судов с воентехникой и стратегическим сырьём на борту. 58 транспортов следовали в Советскую Россию с грузами для Армии, ВВС, Флота и оборонных заводов. Мало того, 31 транспорт возвратился с грузом назад, причём 8 из них не пришли по назначению в порты и базы Советского Союза. О трагедиях союзников честно поведали в своих произведениях Д.Ирвинг и В.Пикуль, создавшие книги «Разгром конвоя PQ-17» и «Реквием каравану PQ-17»...

722 транспорта из состава 42 конвоев пришли к нам в годы Великой Отечественной, от нас ушли к союзникам 682 транспорта в строю 36 конвоев. За эти же годы ВМС Антигитлеровской коалиции при охране конвоев потопили 3 эсминца, 2 линкора, 27 субмарин.

Северный Флот под командованием адмирала Арсения Головки нанёс Третьему Рейху глобально-невосполнимый урон потоплением более 200 кораблей и различных судов, а также уничтожением свыше 400 транспортов (общий тоннаж – 1 млн.тонн!). 12 кораблей, частей и соединений КСФ за подвиги воинов переименованы в Гвардейские. Под стягом ВМФ, в пламени знамени Родины, живые отметят событие, вспоминая поимённый героизм павших на бортах подлодок «Щ-422», «Щ-402», «К-22», «Д-3», «М-171», «М-172», «М-174», «С-56», эсминца «Гремящий». В числе 47 орденосных кораблей и соединений – лидер «Баку», эсминцы «Громкий», «Валериан Куйбышев», «Грозный», подлодки «Л-22», «К-21», «С-51», «С-101», «С-104», «Щ-403», «Щ-404», «Щ-421». Взаимодействие разнородных сил Флота отразилось в награждении орденами 5-й минно-торпедной авиадивизии, 6-й истребительной авиадивизии, 12-й бригады морской пехоты. Почётных наименований – Печенгских и Киркенесских – удостоились 14 соединений и частей Приказами И.В.Сталина 31 октября и 14 ноября 1944-го...

Через штаб А.Г.Головки прошли документы на награждение орденом Красного Знамени не только названные корабли, подлодки, части, их личный состав и морские авиаторы. Неувядающий Венок Славы заслужили с омытым скорбью и кровью Орденом – дивизион истребителей субмарин во главе с капитаном I ранга А.М.Спиридоновым, бригада тор-

педных катеров капитана I ранга А.В.Кузьмина, команды тральщиков «Т-110» и «№32» (до войны «РТ-46») под командованием старлейта В.В.Михайлина и капитан-лейтенанта И.И.Дугладзе, бригада подлодок под лидерством капитана I ранга И.А.Колышкина.

Наследие войны и её народный архив не позволяют забыть ратные заслуги 6-го отдельного дивизиона тральщиков капитана III ранга В.П.Морозова, экипажи «Грозного», «Громкого» и «Баку» у рулей которых воевали капитаны III ранга А.И.Андреев, Н.И.Никольский и капитан II ранга П.М.Гончар. Живительным теплом фронтового товарищества отогревались боевые вылеты и будни 5-й минно-торпедной авиадивизии генерал-майора Н.М.Кидалинского и торпедоносцев 36-го авиаполка подполковника А.Я.Ефремова. За бои на Крайнем Севере наградят орденом Красного Знамени гвардейцев 9-го минно-торпедного авиаполка под началом подполковника Б.П.Сыромятникова, 72-й и 95-й авиаполки под командованием подполковника Г.П.Губанова, и майора И.А.Ольбека.

Среди 307 000 человек, заслуживших жизнью и смертью медаль «За оборону Советского Заполярья» будут и «летающие танки» 46-го штурмового авиаполка, которым искусно командовали подполковник М.П.Михайлов и майор Г.В.Павлов. Тысячи раз выручал Северный Флот информацией и фотоданными о враге 118-й морской разведывающий авиаполк подполковника С.К.Литвинова. Фронтовая пресса и радио многократно печатала и озвучивало материалы о крылатых защитниках Отчизны из 14-й смешанной авиадивизии полковника А.В.Жатькова. О том, что присягой сила воина в огне боёв удвоена – хорошо помнили дети трудового народа, истребители из 20-го Киркенесского авиаполка и 6-й Печенгской авиадивизии, руководимых подполковником Д. А.Петровым и генерал-майором Н.Т.Петрухиным.

Героически выступили часовыми воздушных границ Родины 255-й ИАП майора Н.Г.Чертова, их крылатые коллеги из 78-го ИАП подполковника В.И.Бабернова, небесные снайперы майора А.Я.Дижевского из 27-го ИАП. Знали наизусть завет Чапаева, отлично сыгранного Бабочкиным – «Только вперёд! Если убьют, и то головой вперед падай» – флагманский штурман авиации СФ полковник М.Н.Моросанов, летучий разведчик подполковник Н.Г.Павлов, лейтенанты Михайлов, Липкин, Демидов, Герой Советского Союза капитан В.П.Рукавицын. Достаточно вспомнить, что авиация КСФ осуществила 4 299 боевых вылетов на противолодочное охранение и поиск субмарин (обнаружено 57).

Колоссальными усилиями ВВС, ПВО и мощью Северного Флота были уничтожены почти 1 300 самолётов Люфтваффе всех типов и конструкций. На высшем уровне действиями ВВС командовали П.Ф.Жигарев, А.А.Новиков, А.Г.Голованов, С.Ф.Жаворонков.

Дальнозоркому адмиралу А.Г.Головко подчинялись соединения и части береговой обороны, ПВО и морской пехоты. И по сей день иконами Военно-Морской Славы страны являются награждённые орденом Красного Знамени 12-я бригада морпехов полковника В.В.Рассохина,

221-я батарея береговой артиллерии старлейта П.Ф.Космачёва, 113-й отдельный артдивизион ставшего майором П.Ф.Космачёва, 104-й пушечный артполк подполковника Н.И.Кавуна, 63-я бригада морпехов полковника А.М.Крылова. Беспощадно громили немцев 5-й отдельный зенитно-артиллерийский дивизион ПВО под командованием майора Д.М.Шевчука, 72-я отдельная морская стрелковая бригада, воевавшая на Карельском фронте, нанёс тьму помех врагу 2-й береговой радиотряд. Несгибаемая воля всех названных командиров и забытых матросов, старшин, мичманов, офицеров, их любовь к Отечеству стали источником наших побед на суше, в небе, на море и под водой...

48 тысяч воинов-североморцев были награждены орденами и медалями. Совсем немногие получили награды из рук союзников по оружию. Ещё больше – не получили ничего, пав на твердыне, в трюмах и на палубах, сгорев кометой в небе и бездне вод со святой верой в обязательную Победу. Орденом Красной Звезды наградят 13-й отдельный аэродромно-инженерный батальон, тружеников строительства №95, 31-ю авиабазу. В авангарде награждённых только что учреждённым орденом Ушакова I степени 3 ноября 1944-го станут Краснознамённая бригада подлодок И.А.Колышкина, бригада охотников за субмаринами Г.А.Аладжанова и Краснознамённая бригада катерников-торпедистов А.В.Кузьмина.

Ещё год после Победы над державами «Оси» А.Г.Головко держал над собой флаг командующего Северным Флотом, начал работу над воспоминаниями о боевых товарищах, измеряя свою и их жизнь особой – флотоводческой меркой. С 1947-го он возглавит Главштаб, совмещая работу в нём на должности заместителя главкома ВМФ СССР. За два года до смерти И.В.Сталина его назначают начальником Морского Генштаба и 1-м замом военно-морского министра Н.Г.Кузнецова. С 1952-го авторитетный флагман четыре года верховодил 4-м и Балтийским Флотами, разработал ряд принципов стратегии и тактики ВМС на послевоенный период. В конце осени 1956-го Арсений Григорьевич вновь заступил на службу Флотам Отечества в качестве 1-го заместителя главкома ВМФ. Ветеран Великой войны дважды избирался депутатом Верховного Совета СССР (2-го и 4-го созывов). Скромный в быту, он был в шеренге первых на Парадах Победы, ослепляя друзей-фронтовиков и соотечественников четырьмя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, двумя орденами Ушакова I степени, орденом Нахимова I степени, двумя орденами Красной Звезды, памятными юбилейными медалями в честь побед Вооружённых Сил Родины...

Днём и ночью, в пути и дома, на рыбалке или в застолье – в памяти вставали сослуживцы: командующий ВВС СФ генерал-лейтенант А.Х.Андреев, огненный таран конвоя, совершённый капитаном И.Б.Катуниным и стрелком-радиостом А.А.Маркиным, гибель экипажа торпедоносца Б.П.Сыромятникова. Во сне – улыбались живые – Боря Сафонов и его друзья из Королевских ВВС Великобритании, экстренно погружалась «В-4» капитана III ранга Я.К.Иосселиани, мчались на фор-

саже катера с десантниками Вити Рассохина, кололи врага в штыковую разведчики А.П.Пшеничных и С.М.Агафонов. Память сжимала сердце, словно 660 морпехов майора И.А.Тимофеева, бившихся за порт Лиинахамари, были адмиралу родными сыновьями...

Умение заглянуть за горизонт и в толщу вод, союз флотской разведки и морских авиаторов, знание артиллерийского и минно-торпедного дела, анализ германской школы корабелов и войны на море вывели Головку в блистательную когорту флотоводцев не только Отечества, но и Планеты. И хотя за его подводниками потопление «Тирпица» и множество известных и секретных операций, похоже, власть не простила вперёдсмотрящему адмиралу катастрофу с «РQ-17» и торпедирование английского крейсера «Эдинбург», полностью гружёного золотыми русскими слитками...

Герой, достойный тома в серии «ЖЗЛ», многих фильмов и очерков, покинул этот мир в 1962 году, в возрасте 56-ти лет. На прощании с Арсением Григорьевичем, прошедшим сквозь огненно-водный ад 40-х и антифлотскую «хрущёвность», поэт-маринист Николай Флёров посвятит кумиру юнг вещице слова:

*Руками поднятый народными,
Как будто покидая Флот,
Над всеми бурями походными
Корабль в последний путь идёт.*

*Пусть времени неповторимого
Пройдут несметные года,
Он будет в Пантеон Нахимова
Зачислен нами навсегда.*

*Пока волна с волной встречается,
Пока зовёт в поход аврал,
Он будет там, где флаг взвивается,
Навеки с Флотом адмирал.*

Июнь 2016 г., Орёл - Москва – Орёл

Авторы выражают сердечную признательность ветеранскому корпусу Краснознамённого Черноморского Флота во главе с капитаном I ранга Валерием Ивановичем Васильевым за высокопрофессиональные консультации при создании очерка о Героях Краснознамённого Северного Флота, награждённого орденом Красного Знамени спустя три года после смерти его командующего А.Г.Головки – в 1965 году.

КТО СТРЕЛЯЛ В МАЯКОВСКОГО???

Давно это было, но по-своему любопытно. Я встретился с Борисом Ивановичем Прутцевым — профессором Орловского государственного педагогического института. Он тогда готовил свою работу о творчестве польского писателя Бруно Ясенского, о его романе «Я жгу Париж», за что был выслан из Франции. Возможно, его чём-то глубоко задел ранее вышедший роман Поля Морана «Я жгу Москву». Автор нашумевшей книги обосновался в Советском Союзе, встречался с Владимиром Маяковским, стихи которого переводил на польский язык, был дружен с другими писателями страны, работал с издателями.

Его знали по книге «Человек меняет кожу», а антифашистский роман «Заговор равнодушных» был опубликован в 1956 году, через 18 лет после расстрела автора 17 октября 1938 года по сфабрикованному делу, хотя дата смерти в «Краткой литературной энциклопедии» стоит 20 октября 1941 года. Почему???

Естественно, разговор затянулся и хозяин дома, чтобы разрядить обстановку, показал мне один из своих раритетов — книгу старшей сестры Маяковского — Людмилы Владимировны, да ещё с автографом.

Я ахнул! На форзаце чётким каллиграфическим почерком были написаны слова, адресованные учёному. Меня очень поразил почерк сестры поэта: ровный, аккуратный, буква к букве, как будто надпись только что сделала старательная гимназистка... Касаясь судьбы автора неоконченной поэмы «Во весь голос», Борис Иванович сказал, что Людмила Владимировна подготовила письмо-завещание, где откроется занавес над тайной гибели брата. Письмо было передано в музей В.В. Маяковского, чтобы оно было вскрыто после её смерти.

Рассказчик ещё сообщил, что к Маяковскому перед трагедией был близок 1-й заместитель начальника ОГПУ-НКВД Яков Саулович Агранов (Шевелёв-Шмаев), подаривший поэту-трибуну револьвер.

Зачем? Кто-кто, а он знал, что у него есть оружие... Потом, по воспоминаниям, мы увидим и подчеркнём какое оно было. Следует отметить, что у этого высокого ранга подарочника имелись серьёзные жертвы из среды учёных, писателей, политических деятелей, есть причастность и к гибели Николая Гумилёва...

Агранова лично знал и ценил Сталин, но до определённого времени — СЛЕДОВАТЕЛЬ-СВИДЕТЕЛЬ СЛИШКОМ МНОГО ЗНАЛ ГОСТАЙН и по мнению Вождя подлежал ликвидации. Он был расстрелян 1 августа 1938 года.

Однажды в Орёл приехала группа московских писателей на областной семинар молодых литераторов. В её составе был поэт и прозаик Джемс Паттерсон (это тот негритянский мальчик, которого держала на руках Любовь Орлова в кинофильме «Цирк»). Он окончил с отличием

Севастопольское ВМУ — стал моряком и успешно пробовал себя в литературе.

Мои стихи ему понравились и он написал о книге рецензию в «Книжное обозрение» под заголовком «И пашни тёплое дыханье...», моей строкой назвав свою работу.

Я был у него в гостях в Москве, в доме на Кутузовском проспекте. Джемс подарил мне свою книгу «Рождение ливня».

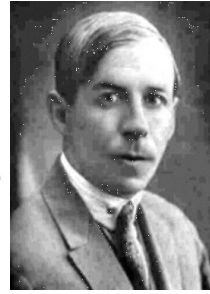
Оказалось, что он входит в совет музея В.В. Маяковского и я спросил у него о завещательном письме Людмилы Владимировны. Он сказал, что знает об этом документе, но у КОГО ОНО и ЧТО ТАМ — неизвестно... Допустим, а так оно и есть, что письмо вскрывалось КЕМ-ТО. Однако, даже сестра не может знать полностью того КАК ВСЁ СЛУЧИЛОСЬ, зная лишь больше кого-либо предшествующие обстоятельства. Итак, ПИСЬМО-ЗАГАДКА. Опубликовано оно, нет ли, я не знаю. Если нет, то КТО его прячет или уничтожил и почему? Может быть, оно лежит в бумагах под строгим грифом «Не для публикаций»? Тогда КТО на архив наложил вето?..

Джемс проводил меня. Во дворе он громко поприветствовал старушку с миниатюрной чёрной собачкой. Я тоже автоматически поклонился. — Кто это? — заинтересовался я. Он ответил: — В доме много знаменитостей живёт... Мы встретились с Лилей Брик... Удивлённый живой литературной историей, я шёл, спотыкаясь и всё время оглядывался на спутницу Владимира Маяковского, которую он назвал «гением зла», хотя были очень тёплые и лирические слова в её адрес.

Раскрывая через некоторое время «Литературную газету», я прочитал что Лиля Юрьевна Брик отошла в мир иной в 1978 году, пережив поэта на 48 лет. ЧТО она не рассказала в своих мемуарах — осталось её тайной.

Вспоминается второй эпизод. С курскими писателями я выступал в городе Льгове, где родился поэт Николай Николаевич Асеев, автор популярного стихотворения «Ещё за деньги люди держатся». Он был одним из близких друзей Маяковского, который так отозвался о нём в известном стихотворении «Юбилейное»:

Правда,
есть
у нас
Асеев
Колька.
Этот может.
Хватка у него
моя.

Куряне, коллеги по перу, вспомнив его повесть в стихах «Маяковский начинается», рассказали, что у Асеева была редчайшая фотография с Лубянского проезда, из комнаты, где произошло непоправимое... Неизвестный фотограф до прихода постового милиционера и приезда спецслужб успел сделать снимок «покончившего с собой».

Через какое-то время автор «Синих гусар» показывал это фото уцелевшим криминалистам царского времени, специалистам по самоубийцам. Все в один голос говорили: «Поза не реальна. Убит...»

Позже, показывая дома одному из друзей альбом, Асеев, к своему удивлению, обнаружил, что фотография исчезла... КТО был на квартире Асеева и КОМУ, по доверчивости, он показывал фото лишней раз?

А вот, как очевидец, друг поэта-трибуна, вспоминает в 1956 году, через 26 лет: «Я помчался на Лубянский проезд... Дверь из передней в комнату Маяковского была плотно закрыта. Мне открыли, и я увидел. Головой к двери, навзничь, раскинув руки, лежал Маяковский. Было невероятно, что это он; казалось, подделка, манекен, положенный навзничь... Позже, на Гендриковом, увидел его на диване, лежащим в спокойном сне, важным и торжественным в своей отрешённости от окружающего...»

Павел Ильич Лавут, организатор выступлений поэта с 1924 по 1930 годы в книге «Маяковский едет по Союзу» (1969) пишет: «У комнаты Маяковского — милиционер, вызванный с поста на Лубянской площади. Никого не впускает, хотя дверь и открыта. Соседи на короткое время отошли от дверей. Я упробил милиционера впустить меня в комнату. На полу — широко раскинувшееся по диагонали тело. Лоб тёплый, глаза приоткрыты ...»

По воспоминаниям видно, что Лавут пришёл вперёд Асеева, но पहले их была актриса Вероника Полонская, его возлюбленная, которая только что была у живого поэта. Из её воспоминаний:

«Я вышла, прошла несколько шагов до передней двери. Раздался выстрел. У меня подкосились ноги, я закричала и металась по коридору. Не могла заставить себя войти. Мне казалось, что прошло очень много времени, пока я решилась войти. Но, очевидно, я вошла через мгновение: в комнате ещё стояло облачко дыма от выстрела. Владимир Владимирович лежал на ковре, раскинув руки. На груди его было крошечное кровавое пятнышко. Я помню, что я бросилась к нему и только повторяла бесконечно: — Что вы сделали? Что вы сделали?»

Глаза у него были открыты, он смотрел прямо на меня и всё силился поднять голову. Казалось, он хотел что-то сказать, но глаза были уже неживые...»

Теперь об оружии. В некоторых книгах проходит слово «револьвер».

У П.И. Лавута сказано по-другому: «Маяковский стрелял левой рукой — он был левшой. Стрелял из недавно подаренного ему маленького браунинга (подчёркнуто — В.Р.). Пуля попала в самое сердце».

Возникает первый вопрос: Кто видел КАК стрелял Маяковский? Откуда уверенность у Павла Ильича, что выстрел произведён из браунинга? Другой автор Альфред Мартинович Мирек, доктор искусствоведения, историк и правозащитник в книге «Красный мираж. Палачи великой России», которой дал благословение схиигумен Илий из Оптиной Пустыни, приводит опровергающие факты всех версий о самоубийстве: «Когда Вероника убежала, убийца (зашедший через чёрный ход в кухню) быстро зашёл в комнату навстречу пытавшемуся выйти поэту и выстрелил в грудь. Поэт, увидев его, успел закричать и упал по инерции лицом вперёд, разбил нос, скулу и висок. Убийца бросил маузер (подчёркнуто — В.Р.), из которого стрелял и который до 1928 года принадлежал поэту, убежал через чёрный ход, во двор на Мясницкую; тут же вошёл Агранов по парадной лестнице в квартиру. Это видели не только встревоженные жильцы, но и встретившие его около парадного друга. Агранов быстро подошёл к столу, взял листок бумаги и прочёл «последнее письмо» поэта вслух, положил его в карман и больше никому не показал. Потом подгоняли факты под «самоубийство». Поехали за Полонской в театр, и она подписала протокол, составленный следователем; маузер (подчёркнуто — В.Р.) заменили на наган (подчёркнуто — В.Р.) (в первом протоколе — маузер № 312045, во втором — наган № 268979), перетащили труп на диван, после чего трудно установить — в него стреляли или он сам стрелял, хотя раскрытый в крике рот, разбитый нос, скулу и ссадину на виске не спрячешь; по новой снимали показания с жильцов, видевших первоначальную картину...»

Где браунинг? И где подлинная фотография, исчезнувшая из квартиры Асеева? КТО БЫЛ СТРЕЛЯВШИЙ? Не человек же с улицы?

Агранов его знал и твёрдо надеялся на исполнителя. Возможно, позже и он был уничтожен, чтобы замести следы тяжелейшего преступления...

17 апреля 1930 года, через три дня после трагедии, Михаил Ефимович Кольцов, будущий автор «Испанского дневника», выступил со статьёй «Что случилось?», где высказал такую мысль: «Нельзя с настоящего, полноценного Маяковского спрашивать за самоубийство».

Стрелял кто-то другой, случайный, временно завладевший ослабленной психикой поэта-общественника и революционера. Мы, современники, друзья Маяковского, требуем зарегистрировать это показание».

Что здесь хочется сказать? Случайность в таком громком деле не допустима. Это было хорошо задуманное и спланированное убийство

узким кругом людей, загибающих жар чужими руками, потому что говорить во весь голос становилось невозможно. Начиналось затмение в стране при «солнечных» обликах вождизма, переходящего в одно лицо с гигантским портретом, как показано нынешним современникам в фильме «Утомлённые солнцем». Сын Сергея Михалкова, автора Гимна, — Никита — показал обратную сторону Гимна.

Зоркий глаз и острый ум Маяковского по-особому видели парадоксы наступающей эпохи. Тоталитарная система не должна была пройти, не попав под испепеляющую молнию слов художника, обладающего искромётным сатирическим даром. Явление становилось подобно Везувию, пока дымящемуся, но готовому к выбросу огненной магмы.

Это понимали наверху и сработал карающий механизм власти, переходящей в усиленную диктатуру, не терпящей лучезарности и прозрения во всех сферах жизни. Усиленный контроль, тем более в идеологии, требовал, по мнению земного бога и его близкого окружения, вырубки всего «мешающего» под корень...

А Михаилу Кольцову в феврале 1929 года бывший редактор газеты «Известия» Юрий Стеклов дал такую оценку: «револьверный» журналист, готовый пойти на всё, но без всякого риска в работе.

Генсеку ЦК партии запомнилась любопытная характеристика, может быть, как и названная выше статья «Что случилось?».

Через несколько лет, в 1938 году, когда брат художника-карикатуриста Бориса Ефимова возвратился из Франкистской Испании, Кремлёвский хозяин спросил у него: «У вас есть револьвер, товарищ Кольцов?» Удивлённый редактор «Огонька» ответил: «Есть, товарищ Сталин». — «Но вы не собираетесь из него застрелиться?» — «Конечно нет. И в мыслях не имею». — Последовал быстрый ответ. — «Ну вот и отлично, ещё раз спасибо за интересный доклад, товарищ Кольцов. До свиданья, дон Мигель». При злопамятности и коварстве — свидание не состоялось. Кольцов был арестован сотрудниками Бериин 14 декабря 1938 года за восхваление Николая Ежова, которого Сталин собирался убить. Автора проблемных фельетонов и очерков расстреляли 2 февраля 1940 года на два дня раньше Ежова. Эти факты приводит в своей книге «Наркомы страха» Борис Вадимович Соколов — доктор филологических наук и кандидат исторических наук...

Конечно, трудно найти убийцу Маяковского, но сама система внутреннего и внешнего кровавого террора была настолько сильна, что под пули попадали крупные фигуры государства и международного ранга. А пресса и очевидцы, когда сверху произносилось «А» — «Б» уже не говорили, боясь попасть под «красное колесо» истории. Однако, вопрос, вынесенный в заголовок остаётся открытым, поскольку очевидное иногда бывает невероятным...

15 сентября 2009 года

СОДЕРЖАНИЕ

НАВСТРЕЧУ ВЕЧНОМУ ОГНЮ.....	3
ПОЭТ В РОССИИ – БОЛЬШЕ, ЧЕМ ПОЭТ!.....	4
ВТОРАЯ ГОЛГОФА	7
НЕПОДНИМАЕМАЯ ЦЕЛИНА	13
ПРИГОВОР	17
НА ТОЙ ВОЙНЕ НЕЗНАМЕНИТОЙ.....	21
ПОБЕДОНОСЦЫ.....	25
ТРЁХТОНКА	37
«ИДУ НА ТАРАН!».....	47
ПРАВДА О ЛЕНД-ЛИЗЕ	52
ПО ЛИСТОПАДУ 1947-ГО.....	57
СМЕРТЬ ШПИОНАМ!.....	62
БОЛОТНАЯ ИСТОРИЯ	81
ЧЕЛОВЕК-РАЗВЕДКА	87
ВРАЧИХА.....	97
ОДИН – ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ.....	100
ПОЛИКАРПОВ – НЕБЕСНЫЙ ГЕОРГИЕВЕЦ.....	104
МИНА	107
ЭХО ОСВЕНЦИМА.....	109
ПЕРВЫЙ САЛЮТ	113
МЕМОРИАЛ.....	114
ЗЛО ЗА ЗЛО.....	116
СПАСИТЕЛЬ-ТАНКИСТ	121
ФРОНТ И СУДЬБА НИКОЛАЯ ЦОКОВА.....	126
ПОПУТЧИК	130
ИКАР ИЗ ВАСИЛЁВО.....	133
ВПЕРЁДСМОТРЯЩИЙ АДМИРАЛ.....	146
КТО СТРЕЛЯЛ В МАЯКОВСКОГО???	154

ВИКТОР РАССОХИН

МЕЧ ВОЗМЕЗДИЯ

На первой обложке картина В.М. Васнецова
«Бой Добрыни Никитича с семиглавым Змеем Горынычем»

Оформление – Рассохин С.В., Евстифеев Ю.Ю.

Отпечатано с готового оригинал-макета
В ООО «Типография «Новое время»»

Формат 64x90 1/16. Заказ № .
Тираж 1000 экз.

